

Составление и обработка В. В. ВИНОКУРОВОЙ и Ю. А. СЕМА

Художник А. м. ГУСАРОВ

Смоленск, СПК 1992

ББК 82.3(2) С 42

Рецензенты: кандидат филологических наук *И. Ф. Смольников*, кандидат искусствоведения *Г. Д. Булгакова*

С42 Сказки народов Севера / Сост. В. В. Винокурова, Ю. А. Сем; Худож. А. М. Гусаров. 335 с: ил.

В книгу вошли сказки народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, живущих на территории от восточных до западных границ нашей страны. Сказки рисуют яркие картины жизни и быта охотников, рыбаков и оленеводов, знакомят с их представлениями и обычаями.

В конце книги имеется словарь, объясняющий слова, смысл которых может быть не понятен юным читателям.

4306020300 — 004

С----- Без объявл.

585(03) — 92

ББК 82. 3(2)

© Составление, пересказ — В. В. Винокурова, Ю. А. Сем,

художник — А. М. Гусаров, 1991 @ Смоленский полиграфический комбинат, 1992

ISBN 5-86064-004-8

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Книга, которую ты держишь в руках, — сборник сказок. Это сказки разных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на огромной территории от западных до восточных границ Советского Союза, от Кольского полуострова до Чукотки.

Забитые и отсталые в прошлом, в нашей стране народы Севера окружены вниманием и заботой. Они создали своеобразную культуру, в том числе богатое устное народное творчество — фольклор. Наиболее распространённым жанром фольклора являются сказки.

Сказка скрашивала тяжёлое существование людей, служила любимым развлечением и отдыхом: рассказывали сказки обычно на досуге, после трудового дня. Но сказка играла и большую воспитательную роль. В недалёком прошлом сказки у народов Севера являлись не только развлечением, но и своего рода школой жизни. Молодые охотники и оленеводы слушали и старались подражать героям, которые прославлялись в сказках.

Сказки рисуют яркие картины жизни и быта охотников, рыбаков и оленеводов, знакомят с их представлениями и обычаями.

Героями многих сказок являются бедняки. Они бесстрашны, ловки, сообразительны и находчивы (ненецкая сказка «Хозяин и работник», удэгейская — «Гадазами», эвенская — «Находчивый стрелок» и другие).

В сказках фигурируют разнообразные элементы волшебства, вещие силы (как, например, в кетских сказках «Птичка-невеличка» и «Альба и Хосядам» или в чукотской сказке «Всемогущая Катгыргын»), духи — хозяева стихий (подводного царства, подземного и небесного миров, духи воды, земли, леса, огня и т. д.) (например, в селькупской сказке «Хозяйка огня», ороческой — «Лучший охотник на побережье», нивхской — «Белая нерпа»), смерть и оживление (например, в эвенкийской сказке «Как змеев победили»).

Большое место в фольклоре народов Севера занимают сказки о животных. Они по-своему объясняют повадки и внешний вид животных (мансийская сказка «Отчего у зайца длинные уши», нанайская — «Как медведь и бурундук дружить перестали», эскимосская — «Как ворон и сова друга покрасили»), рассказывают о взаимопомощи человека и зверя (мансийская сказка «Гордый олень», долганская — «Старик рыбак и ворон», нивхская — «Охотник и тигр»).

Основная мысль сказки проста: на земле не должно быть места страданиям и бедности, зло и обман должны быть наказаны.

Дорогой друг! Читай эту книгу вдумчиво, не торопясь. Прочитаешь сказку — подумай, о чём она, чему учит. Как писал поэт Владимир Маяковский: «Сказка сказкою, а вы вот сделайте из сказки вывод». Вот ты и подумай, какой же вывод можно сделать из каждой прочитанной тобой сказки.

В книге ты встретишь слова, которые могут быть тебе неизвестны. Они отмечены звёздочкой, объяснение их ты найдёшь в конце книги. Это в основном названия предметов быта, домашней утвари, одежды различных народов Севера.

Читай сказки не спеша, так, как будто ты рассказываешь их своим друзьям или младшим братьям и сестрам.

Внимательно рассмотри иллюстрации к сказкам. Подумай, к какому эпизоду сказки они относятся, какой рисунок нарисовал бы ты к той или иной сказке. Обрати внимание на орнамент, одежду, предметы быта разных народов.

Желаем тебе успехов!

КУКУШКА

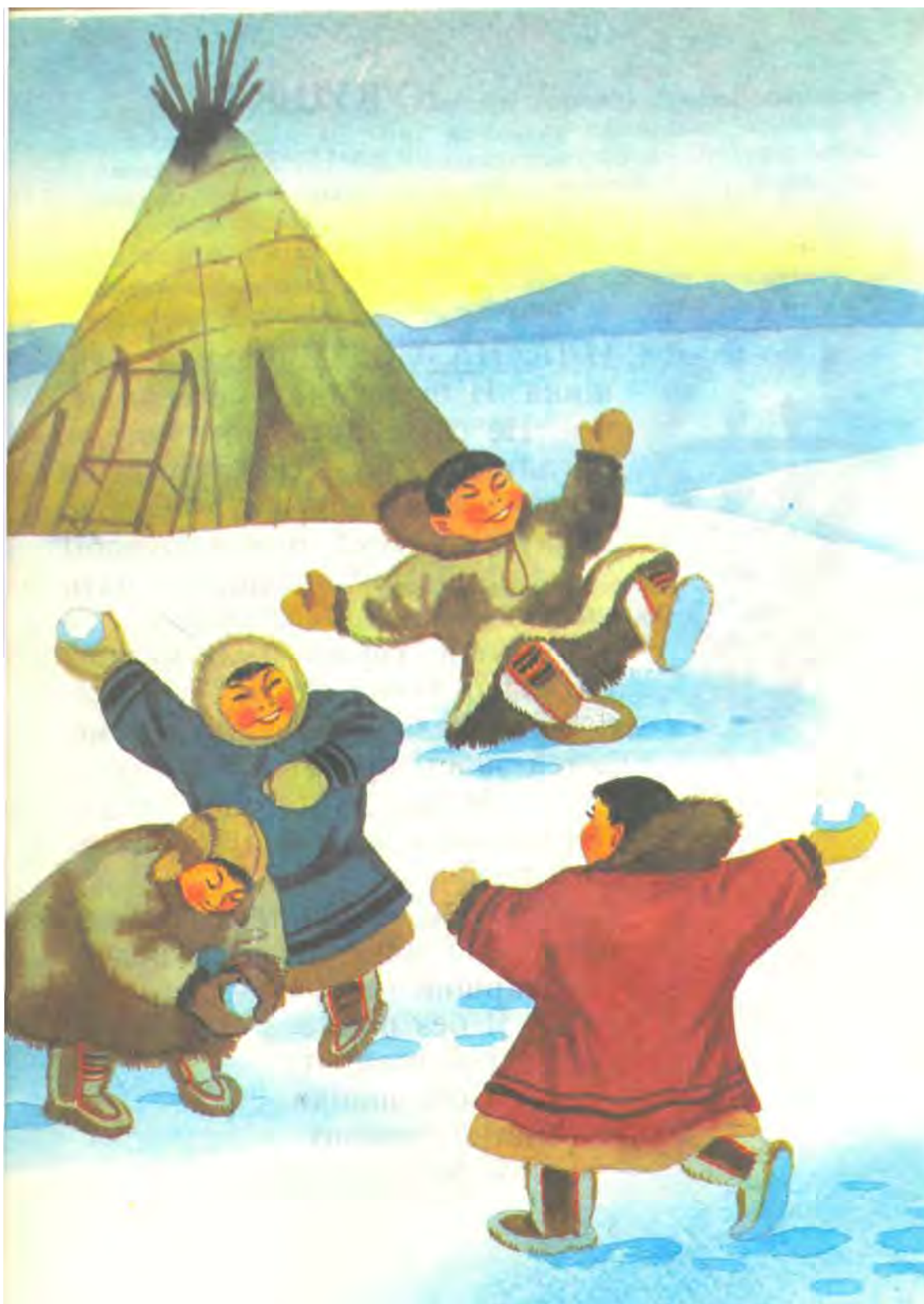
НЕНЕЦКАЯ СКАЗКА

ЖИЛА НА СВЕТЕ бедная женщина. И было у неё четверо детей. Не слушались дети матери. Бегали, играли на снегу с утра до вечера, а матери не помогали. Вернутся в чум*, целые сугробы снега на пимах* наташат, а мать убирай. Одежду промочат, а мать суши. Трудно было матери. От жизни такой, от работы тяжёлой заболела она. Лежит в чуме, детей зовёт, просит:

— Детки, дайте мне воды. Пересохло у меня горло. Принесите водички.

Не один, не два раза просила мать — не идут дети за водой. Старший говорит:

- Я без пимов. Другой говорит:
- Я без шапки. Третий говорит:
- Я без одежды.

А четвёртый и вовсе не отвечает. Просит их мать:

— Ближко от нас речка, и без одежды можно сходить. Пересохло у меня во рту. Пить хочу!

А дети из чума выбежали, долго играли, к матери и не заглядывали. Наконец захотелось старшему есть — заглянул он в чум. Смотрит: мать посреди чума стоит и малицу* надевает. Вдруг малица

перьями покрылась. Берёт мать доску, на которой шкуры скоблят, а доска та хвостом птичьим становится. Напёрсток железным клювом стал. Вместо рук крылья выросли.

Обернулась мать птицей-кукушкой и вылетела из чума.

Закричал тогда старший брат:

— Братья, смотрите, смотрите: улетает наша мать птицей!

Побежали дети за матерью, кричат ей:

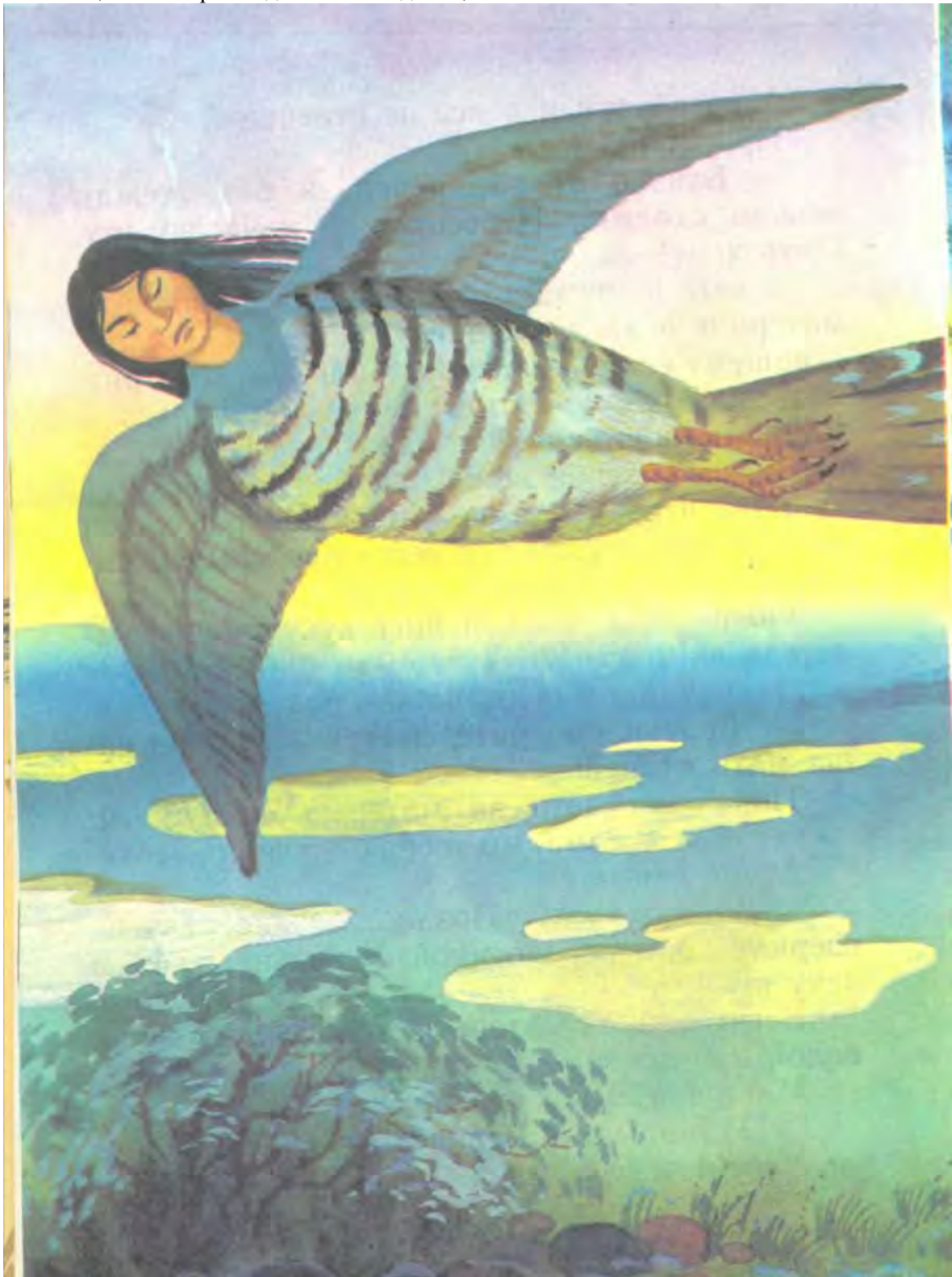
— Мама, мама, мы тебе водички принесли! А она отвечает:

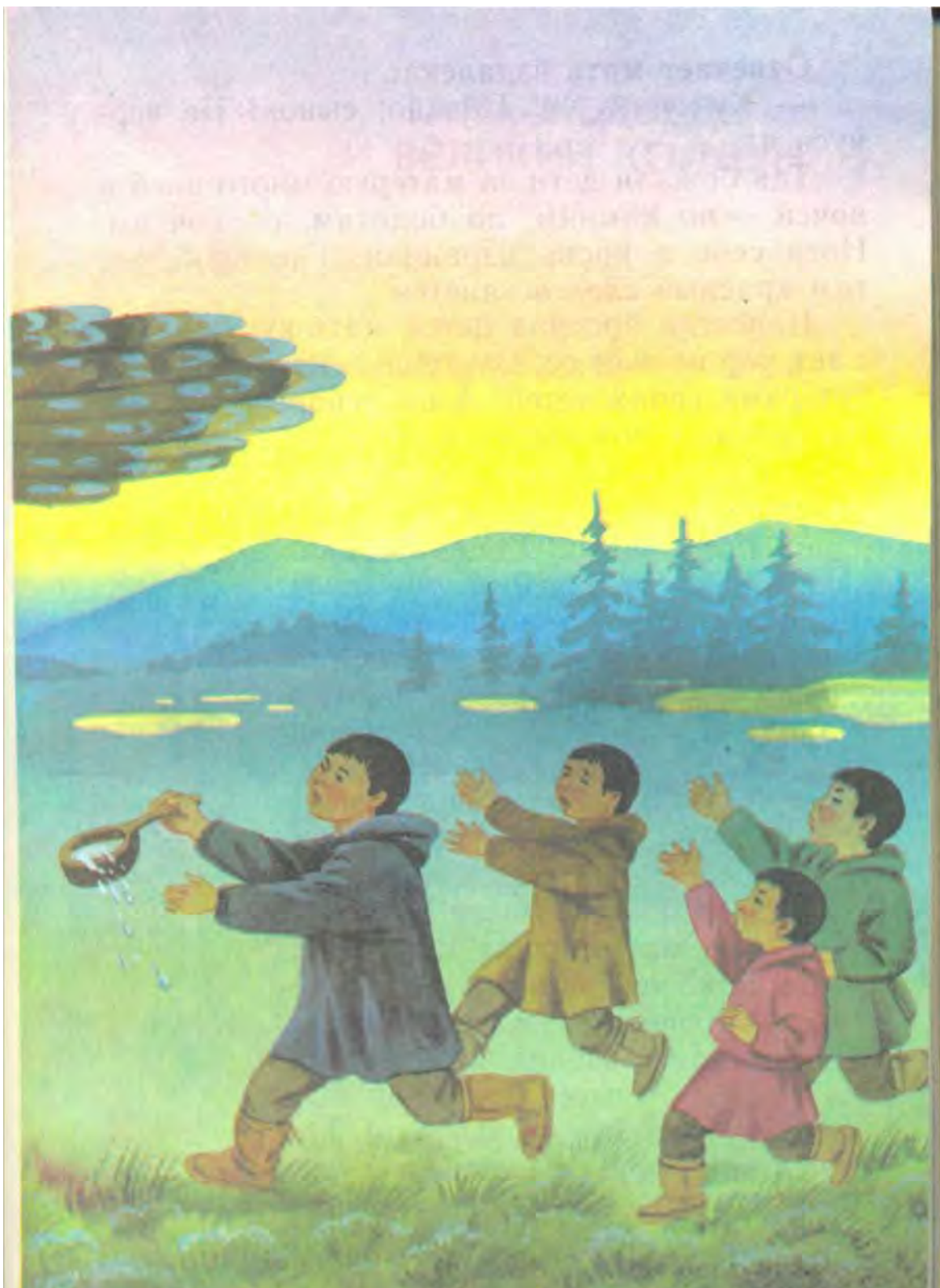
— Ку-ку, ку-ку! Поздно, поздно! Теперь озёрные воды передо мной. К вольным водам лечу я!

Бегут дети за матерью, зовут её, ковшик с водой протягивают.

Младший сынок кричит:

— Мама, мама! Вернись домой! На водички, попей!

Отвечает мать издалека:

— Ку-ку, ку-ку! Поздно, сынок! Не вернусь я!

Так бежали дети за матерью много дней и ночей — по камням, по болотам, по кочкам. Ноги себе в кровь изранили. Где пробегут, там красный след останется.

Навсегда бросила детей мать-кукушка. И с тех пор не вьёт себе кукушка гнезда, не растит сама своих детей. А по тундре с той поры красный мох стелется.

ТАЛА-МЕДВЕДЬ И ВЕЛИКИЙ КОЛДУН

СААМСКАЯ СКАЗКА

ПОВАДИЛСЯ вокруг стойбища* Тала-медведь ночью шататься. Ходит тихо, голоса не подаёт, за камнями таится — выжидает: глупый ли оленёнок от стада отобьётся, щенок ли за стойбище выскочит, ребёнок ли.

Однако как ни таись, а следы на снегу остаются. Увидали матери те следы, сказали детям:

— Не катайтесь поздно при луне с горки! Тала-медведь близко. Схватит, в свою тупу* унесёт, на обед задерёт.

Луна взошла, а непослушные дети всё с горки катаются.

Вылез из-за камня Тала-медведь, раскрыл свой мешок — кису, поперёк дороги поставил, а сам подальше залёг.

Покатились ребята с горки да в медвежью суму влетели!

Схватил Тала суму, на плечи взвалил, идёт домой, радуется: «Полную кису ребят несу! Вкусно поем!»

Шёл, шёл, устал, повесил суму на еловый сучок, сам под ёлкой лёг и захрапел.

Висят ребятишки в суме, шепчутся:

— Что делать будем? Тала нас съест! Один, самый маленький, мальчик спрашивает:

— Есть ли у кого нитки-иголки?

— Есть, есть, у девочек есть! — отвечают ему.

Достал мальчик складной нож, распорол суму, детишек на волю выпустил, приказывает:

— Живо камни таскайте, в суму кидайте! Натаскали ребята камней, в суму накидали, и мальчик туда же залез. Велит:

— Теперь зашивайте и домой бегите! Зашили дети суму и домой побежали. Проснулся Тала-медведь, потянулся, спрашивает:

— Все ли вы там в моей кисе живы?

— Все, все живы! — отвечает мальчик. Взвалил Тала кису на плечи да так и сел:

— Ох, тяжело! Зато хватит вкусного мяса надолго!

Едва дотащил Тала кису до дома. Залез на земляную крышу, кричит в дымовую дыру своей хозяйке-медведице: жена моя Талахке голодная, сынок мой Талаш-ка в люльке спит голодный!

— Что ж, — говорит мальчик, — это можно. Тащи большой медный котёл, тащи хворост, огонь разжигай!

Побежал Тала за медным котлом, побежала Талахке за хворостом. А мальчик камни из дома выкинул, один только себе оставил, выхватил из очага головешку, в тряпку завернул да поверх

Талашки в люльку положил. Сидит, люльку качает. Прибежал Тала — принёс котёл, прибежала Талахке — принесла хворост.

— Давай скорее ребят, будем обед варить! Отвечает им мальчик:

— Тут ваш сын Талашка заплакал. Пока я с ним возился, все ребята разбежались. Зато теперь крепко спит Талашка! — И показывает головешку в люльке.

Заревела Талахке-медведица, заревел Та-ла-медведь:

— Ой, беда! Загубил ты нашего сына Та-лашку, сделал из него головешку!

Чиркнул мальчик ножом по камню так, что искры посыпались, закричал:

— Мой отец колдун, моя мать колдунья, мой дедка колдун, моя бабка колдунья, я сам великий колдун! Могу из головешки снова Та-лашку сделать! Только отнесёшь меня за это, Тала, домой!

— Отнесу, отнесу, сейчас отнесу!

Сунул мальчик головешку под печь, ткнул кулаком в бок Талашку, тот проснулся и заорал во всё горло.

Радуется Тала, радуется Талахке, всего Талашку облизали. А мальчик вскочил на плечи медведю, сел верхом, говорит:

— Неси меня домой!

Понёс Тала. Донёс до озера, где саамы рыбу ловят, говорит:

— Беги дальше сам. Боюсь дальше идти! А мальчик чирк ножичком:

— Мой отец колдун, моя мать колдунья, мой дедка колдун, моя бабка колдунья, я сам великий колдун! Это озеро я сделал! Хочешь — из тебя такое же сделаю?

— Не хочу, не хочу! — затряс головой Тала и так побежал, что быстрее ветра до стойбища добежал.

Тут саамы схватили Талу, связали:

— Попался, трусливый Тала! Зачем наших детей ворует?

Тонким голосом заревел Тала:

— Развяжите меня! Отпустите! Я скажу вам, что делать, чтобы медведи ваших детей не воровали.

Развязали саамы Талу, ждут, что он скажет.

— Первое: дети должны слушаться матерей. Второе: у них должно быть храброе сердце. Третье: при встрече с медведем надо смотреть ему прямо в глаза, — сказал так и убежал в лес без оглядки.

С тех пор саамы с малых лет не боятся медведей. Встретят Талу в лесу, храбро посмотрят прямо в глаза, и не трогают их Тала, уходит. Ну, а кто матери не слушается, того медведь утащит. Тот сам виноват.

ИДЭ

ХАНТЫЙСКАЯ СКАЗКА

ИДЭ ОСТАЛСЯ сиротой, когда был маленьким. Взяла его к себе бабушка Ымъял-Пая.

Вырос Ыдэ, но всего боялся. Никуда от бабушки не отходит, за бабушкин подол держится.

«Как отучить Ыдэ всего бояться, чтобы он на рыбалку ходил, на зверя ходил, смелым охотником стал?» — думала бабушка.

Был как-то урожайный на кедровые орехи год. Бабушка и говорит:

— Пойдём, Ыдэ, орешки собирать!

— Пойдём, бабушка!

Бабушка села в лёгкую лодку-долблёнку, усадила Ыдэ, положила ружьё, подтолкнула лодку — и поехали.

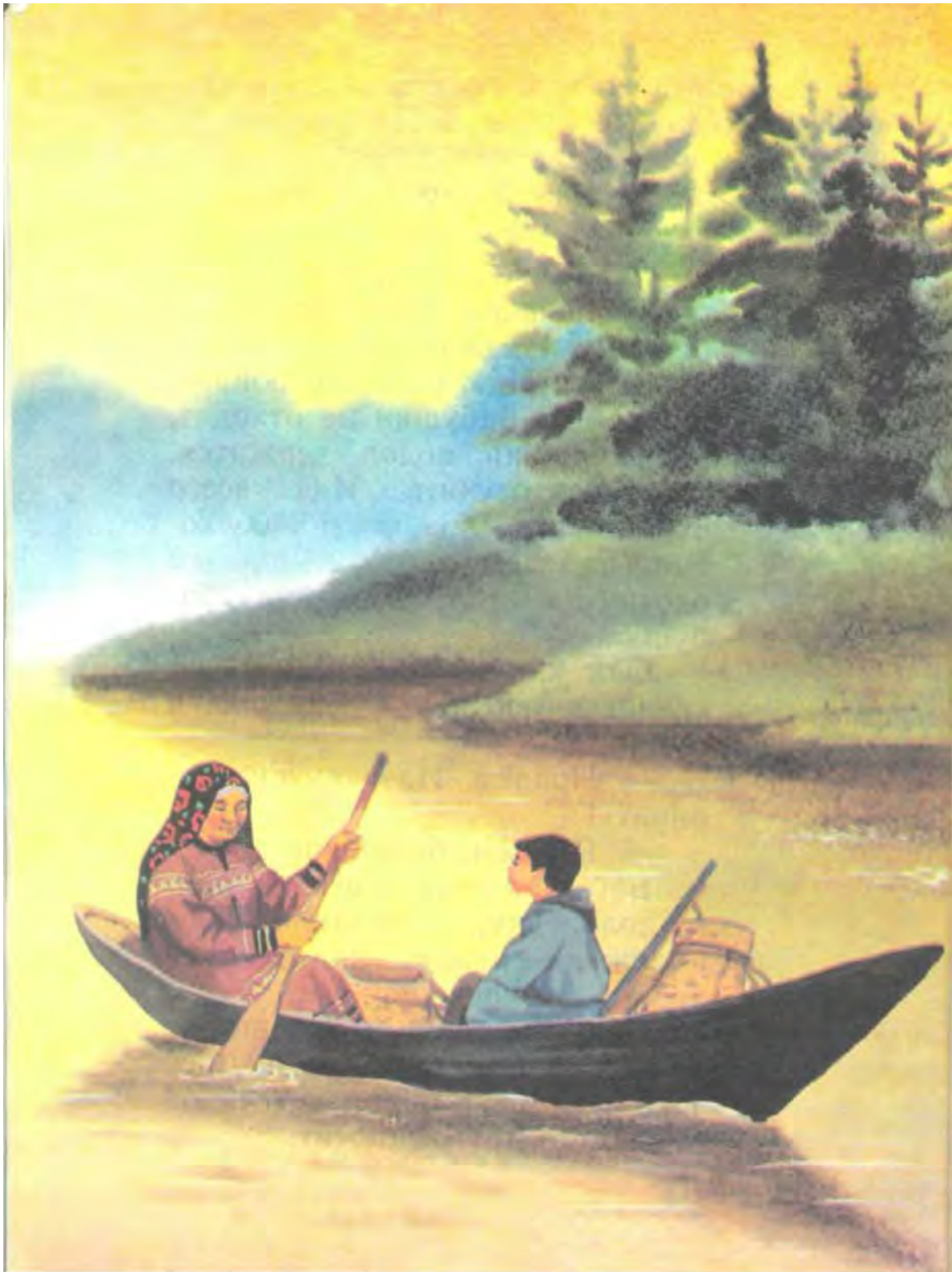
День был ясный. Солнышко светит. Тайга тихонько шумит. Тым-река от одной песчаной отмели до другой бежит.

Приехали бабушка с Ыдэ, вышли на берег, поднялись на гору, пошли в тайгу.

В тайге птицы поют. Далеко слышно: кедровка стучит, орешки из шишек выбирает.

Стали бабушка с Ыдэ орехи собирать. Кедровые высоко головы подняли, в ветвях шишки спрятали. Старая Ымъял-Пая колотушкой по сучку ударит — шишки сами падают.

Полную лодку орехов насыпали, домой собрались, а бабушка одну берестяную кошёлку с орехами на горе оставила.

— Ох, Идэ, кошёлку забыли! Сбегай принеси! — говорит она.
Идэ на гору побежал. Видит: лежит кошёлка, а рядом ружьё.
Идэ с горы глядит: бабушка оттолкнула лодку от берега и уехала.
Закричал Идэ, заплакал:
— Зачем ты оставила меня, бабушка? Имъял-Пая даже не оглянулась ни разу —
быстро гребла веслом, и скоро лодка совсем исчезла из виду.
Остался Идэ один в тайге. Начал по берегу бегать, искать, где бы спрятаться. Искал, искал —
нашёл дупло. Залез в него, клубочком свернулся, лежит тихо, ружьё к себе прижимает.

Солнце спускаться стало, ветер подул, дождь пошёл. Тайга шумит, кедровые шишки падают, по дуплу стучат. Страшно Идэ. Думает: звери пришли, съедят его. Со страху кричать начал:

— Всего съешьте, только голову не троньте!

А его никто и не трогает. Только стук кругом идёт — шишки падают. Идэ ещё крепче ружьё к себе прижимает.

Сколько ни боялся Идэ, заснул всё-таки. Спал, спал — проснулся. Смотрит: светло стало, солнце высоко, птицы поют. Тайга тихонько шумит. Идэ ощупал себя. Цел ли? Левую руку протянул — здесь рука. Правую руку протянул — здесь рука.

Идэ из дупла выскочил, на ноги встал. Смотрит: кругом шишки. Ой, сколько шишек!

Стал Идэ шишки собирать и страх позабыл. Некого бояться!

Большую кучу шишек собрал Идэ, на берег посмотрел, видит: бабушка приехала. Идэ бабушке руками замахал, кричит:

— Зачем ты меня одного оставила? А бабушка ему отвечает:

— Не сердись, Идэ. Ты — человек. С тобой никто ничего сделать не сможет. Человек — везде хозяин. Теперь ты ничего бояться не будешь!

Подумал Идэ: «Права бабушка. Не надо бояться».

Помирился Идэ с бабушкой. Опять стали они орехи собирать, полную лодку набрали и домой поехали.

Тым-река от песка к песку бежит. Высоко солнышко светит. Тайга тихонько шумит.

Хорошо!

С тех пор Идэ бояться перестал. Куда захочет — один идёт.

Так бабушка отучила внука бояться.

АЛЬБА И ХОСЯДАМ

КЁТСКАЯ СКАЗКА

ЖИЛ, ГОВОРЯТ, на небе Большой Старик. Был он великим духом, всем миром правил — и звёздами в небе, и рыбами в реках, и зверями в тайге, и птицами в воздухе, и людьми на земле. А звали его Есь.

Был у Ёся чум* — весь, как стекло, и через тот чум видел Есь всё, что на свете делается.

И была у Еся жена — Хосядам, маленькая худая баба. Всё ворчит да ругается: то не так, и это не по ней. Вот как-то бранились Есь и Хосядам, бранились — рассердился Есь да и сбросил её с неба на землю, а с нею и её слуг.

Стала Хосядам главой всех злых духов на земле. Пошлёт она кого-нибудь из своих слуг к людям — у тех непременно беда случается. А сама придёт — и того хуже: люди умирать начинают, на оленей мор нападает, зверь в тайгу бежит, рыба в реках пропадает.

Жила Хосядам со слугами своими у подножия Великих гор, на Большой воде, на семидесяти семи островах.

Так и вредила Хосядам людям, пока не родился великий богатырь Альба.

Когда он вырос, стал по воде на берестяной лодке плавать, острогою* рыбу добывать, на переправах на лосей и оленей охотиться.

Вот однажды и говорит Альба:

— До каких же пор злая Хосядам людей губить будет? Пойду её искать, воевать с ней буду!

И уплыл Альба на своей берестяной лодке к подножию Великих гор, к семидесяти семи островам.

Подъехал он к островам, вышел на берег. Тут на него из густых зарослей бросились шесть страшных чудовищ — слуги Хосядам. Но не испугался Альба, взмахнул пальмой* — и только свист пошёл: полетели головы с плеч чудовищ.

Победил Альба слуг Хосядам и думает: «Было их шесть. А где же сама Хосядам? Она седьмая должна быть. Надо её чум найти». И видит Альба: у самого берега в песке что-то шевелится.

Стал Альба в этом месте копать и увидел маленького налима. Свернулся он клубочком и так жалобно на Альбу смотрит. Пожалел Альба налимчика, бросил в лодку, чтобы в воду пустить, где водорослей побольше, и отплыл.

Не знал Альба, что это сама Хосядам в налимчика превратилась.

Вдруг слышит Альба на горе дивную музыку. Играет какой-то красивый человек на семиструнном кате, а чудится, что поют и тайга, и горы, и волны. Не знал и того Альба, что играет это Чуутып — любимый сын Хосядам.

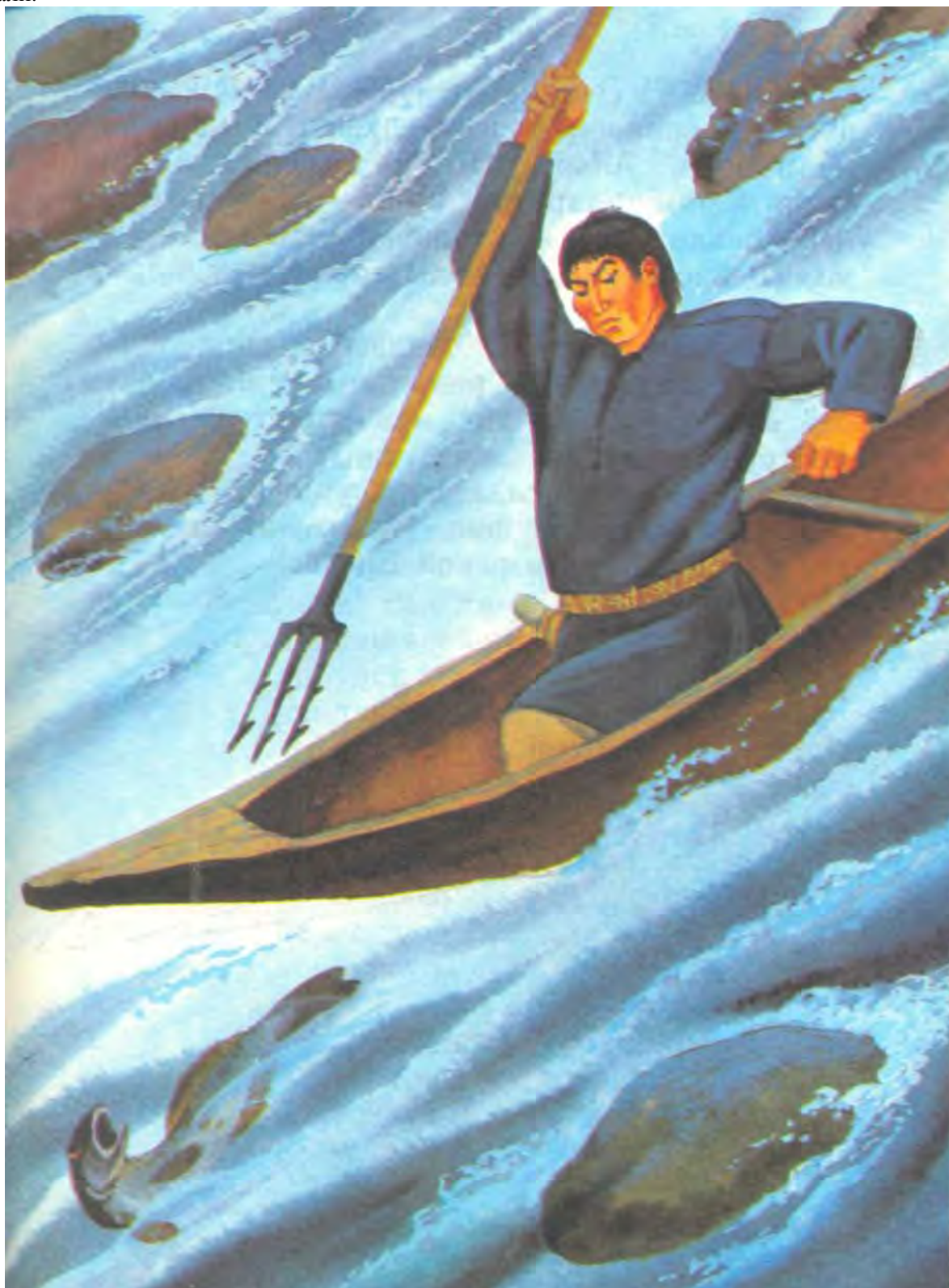
Заслушался Альба дивной музыкой и не заметил, как налимчик в воду прыгнул и скрылся в тине. Услышал только голос из тины:

— Побил, ты, Альба, слуг моих, да уж спасибо тебе — меня пощадил!

Ох и рассердился Альба, что Хосядам упустил! Вскочил он в лодке, поднял железный лук и послал меткую стрелу в голову Чуутыпа. Разлетелась голова сына Хосядам на семь кусков, и окрасились скалы его кровью. С тех пор красны яры* у Осиновского порога на Енисее.

Схватил Альба острогу и ударил в воду, в то место, где слышал он голос Хосядам, но она увернулась от смертельного удара и бросилась на север. А поперёк Большой воды пустила своих каменных оленей, чтобы преградили путь Альбе. Но и камень не мог устоять под ударами Альбы:

убил он оленей Хосядам, так и остались они лежать в воде. Только спины из воды торчат — скалами стали.

Нырнула тогда Хосядам к подножию Великих гор, стала рыть землю и уходить от Альбы. А он за ней гонится, пальмой скалы крушит.

Так бежала Хосядам под землёй на север, а Альба скалы крушил. И потекла по тому руслу вода и стала рекой Енисеем.

КАК МЕДВЕДЬ И БУРУНДУК ДРУЖИТЬ ПЕРЕСТАЛИ

НАНАЙСКАЯ СКАЗКА

КОГДА ХЙНГАНСКИЕ горы ещё маленькие были, когда можно было выстрелить из лука и услышать, как стрела по ту сторону Хингана упадёт, тогда дружили медведь и бурундук.

Жили они вместе в одной берлоге. Вместе на охоту ходили, делили всё пополам: что медведь добудет, то бурундук ест, что бурундук добудет, то медведь ест.

Так дружили они долго. Да известно: завистникам чужая дружба глаза колет. Пока друзей не посорят, не успокоятся...

Вот вышел как-то бурундук из берлоги — захотелось ему орехов пощёлкать. Повстречалась ему лиса. Рыжим хвостом завертела, поздоровалась, спрашивает:

— Как поживаешь, сосед?

Рассказал ей всё бурундук. Выслушала его лиса, и завидно ей стало, что два зверя вместе живут и не ссорятся. Сама-то она ни с кем не дружила, потому что всегда хитрила да всех обмануть норовила. Притворилась лиса, что жалеет бурундука, лапки на животе сложила, заплакала и говорит:

— Бедный ты, бедный! Жалко мне тебя! Испугался бурундук:

- Почему ты жалеешь меня, соседка?
— Глупый ты! — отвечает лиса. — Медведь тебя обижает, а ты и не догадываешься об этом.
— Как это обижает?
— А вот так. Когда медведь добычу берёт, кто первый её зубами рвёт?
— Брат-медведь, — отвечает бурундук.
— Вот видишь, самый сладкий кусок ему достаётся. Ты, наверно, уж давно хорошего куска не видел, всё медвежьими объедками питаешься! Оттого и ростом ты маленький.

Завиляла лиса хвостом, слёзы утёрла.

— Ну, прощай, — говорит. — Вижу, нравится тебе такая жизнь. Только я бы на твоём месте первая в добычу зубы запускала!

Убежала лиса. Посмотрел ей вслед бурундук, задумался: «А ведь соседка-то, пожалуй, правильно рассудила!»

Так бурундук задумался, что и про орехи забыл. «Вот, — думает, — медведь-то какой обманщик оказался! А я ему верил, старшим братом считал».

Вот пошли медведь и бурундук на охоту. Зашли по пути в малинник. Сгрёб медведь в лапы куст малины, ягоды ест и брата приглашает. А тот смотрит: лиса-то правду сказала!

Поймал медведь евражку*. Зовёт бурундука, а тот глядит: медведь-то первым в евражку когти вонзил. Выходит, правду лиса говорила!

Пошли братья мимо пчелиного дубка. Медведь тот дубок своротил, лапой придержал, нос в улей всунул, брата зовёт — мёд пробовать. А бурундук видит: опять медведь первый пробует, — значит, опять лиса права!

Рассердился тут бурундук. «Ну, — думает, — проучу я тебя!»

Пошли они на охоту в другой раз. Сел бурундук брату на загривок. Учуж медведь добычу, косулю поймал. Только хотел её зубами схватить, а бурундук как прыгнет! Это — чтобы прежде брата в добычу зубы вонзить, сладкий кусок себе взять да немножко подрасти. Испугался медведь, выпустил косулю, и она убежала. Остались оба брата голодными.

Пошли дальше. Увидел медведь евражку, подкрался. Бурундук опять тут как тут! Опять перепугал медведя. Опять охота пропала. Рассердился медведь, а брату ничего не говорит.

Повстречались они с молодым кабаном. В другое время медведь и задираться бы не стал, а тут уж очень голоден был. Заревел так, что попятился кабан от медведя. Пятился, пятился, уткнулся хвостом в дерево — дальше некуда. Тут на него медведь и напал. Пасть раскрыл, зубами щёлкает, вот сейчас проглотит!

Только медведь приступил к кабану, а бурундук на кабана — прыг! Тут медведь совсем разозлился. Как хватит бурундука лапой по спине, так все пять когтей и вонзил ему в спину, чтобы под лапу не попадался, не мешал!

Рванулся бурундук — всю шкуру себе от головы до хвоста распорол.

Убежал он в лес. На деревьях долго жил, пока раны на спине не зажили. Ну, раны-то зажили, а пять чёрных полос от когтей медведя на всю жизнь у него остались.

ХОЗЯЙКА ОГНЯ

СЕЛЬКУПСКАЯ СКАЗКА

ДАВНЫМ-ДАВНО это было. Однажды все мужчины стойбища* ушли в лес на охоту. В чумах* остались женщины да дети.

Прошло два дня. На третий день вечером одна женщина вышла из чума, нарубила дров, собралась еду варить...

Вернулась она в чум, подбросила дров в очаг, села к огню и стала кормить сына.

Огонь весело горел, и вдруг одна искорка взвилась вверх, упала на ребёнка и обожгла его. Ребёнок заплакал, мать вскочила и начала ругать огонь:

— Что ты делаешь? Я кормлю тебя дровами, а ты моего ребёнка обжжёг! Не будет тебе дров! Изрублю тебя топором, залью, затушу!

Сунула она ребёнка в люльку, взяла топор и стала рубить огонь.

А потом котёл воды в огонь вылила. Погас огонь. Темно, холодно стало в чуме. Теперь ребёнок заплакал от холода.

Опомнилась женщина, снова стала огонь разжигать. Старается, раздувает, никак не разжечь — ни уголька не осталось.

«Сбегаю-ка я в соседний чум, возьму огня», — подумала женщина и побежала в соседний чум. Только дверь отворила — огонь в очаге погас.

Выскочила женщина на улицу, в другой чум побежала. Едва дверь приоткрыла — и в нём огонь погас. Побежала она в чум своей бабушки. Только за дверь шагнула — огонь в очаге стал фыркать, задымил и потух.

— Что с тобой случилось? — спросила бабушка. — Едва ты вошла, огонь сразу погас. Уж не обидела ли ты его?

Плачет женщина. Во всём стойбище нет огня. Никто костра разжечь не может. Темно, холодно.

— Пойдём к тебе, посмотрю, что ты наделала, — сказала бабушка.

Женщина привела бабушку к себе. Стала бабушка огонь разводить, но сколько ни старалась, ничего не выходит. Встала она на колени, смотрит в очаг и вдруг видит: сидит там старуха, кожа её как огонь горит. И говорит старуха бабушке:

— Зря стараешься. Внучка твоя очень меня обидела! Глаза мои водой залила, лицо железом изрубила!

— Хозяйка огня, не сердись, дай огня! — просит бабушка.

Молчит хозяйка. Долго просила бабушка. Наконец хозяйка огня сказала:

— Огонь я вам тогда верну, когда эта женщина отдаст мне своего сына. Из его сердца я добуду вам огонь. Будете помнить, какой ценой огонь получили, — беречь его будете!

Заплакала женщина ещё громче, а бабушка ей говорит:

— Все семь родов людских из-за тебя без огня остались. Как жить будем? Придётся тебе отдать сына.

Отдала женщина сына. Хозяйка огня дотронулась до дров, взвилось пламя, а она с ребёнком скрылась.

СТАРИК РЫБАК И ВОРОН

ДОЛГАНСКАЯ СКАЗКА

ЖИЛИ НА БЕРЕГУ реки старик со старухой. У старика была лодка, сделанная из пяти досок, да сеть с пятью камнями-грузилами. Каждый день старик ловил рыбу этой сетью и каждый раз вытаскивал из реки только две рыбки. Этим они со старухой и питались.

Но однажды пропала и эта рыба. Три дня подряд закидывал старик сеть, но в неё ничего не попадало. Есть стало нечего. Старик плачет от горя, предчувствуя голодную смерть. Старуха ходит по тайге, собирает ягоды, чтобы хоть ими утолить голод.

Поняли старики, что обидели они духа земли и огня, поэтому и лишились рыбы, которой питались. Надо было задобрить огонь — покормить его салом. Когда-то у стариков была корова,

от неё осталось засушенное нутряное сало. Вот им и покормили старики свой очаг. После этого старик пошёл к реке и вскоре вернулся, сказав, что половину сети отсекло, а вторую половину он один не может вытащить из реки. Там что-то тяжёлое.

Стали они вдвоём вытаскивать сеть. Старик видит: что-то чёрное в сети, никак к берегу не подходит. Вдруг это чёрное заговорило человеческим голосом:

— Не убивай меня, старик. Если не смогу сделать для тебя много добрых дел, то уж одно-то дело сделаю обязательно! Возьми меня к себе.

Видит старик: это ворон. Сунул он его за пазуху, принёс домой, и стали они жить втроём.

Ловит старик рыбу, а в сеть к нему теперь попадается по три рыбины. Так и живут — старик со старухой да ворон.

Прошло с тех пор много дней. Однажды ворон говорит:

— Вы меня приютили, от смерти спасли. За это я расскажу вам о себе. В верхнем мире живут три царицы, я их младший брат. Зовут меня Ютюргэн-богатырь в серебряной одежде. Когда-то я воевал со злым духом нижнего мира. За это меня прокляли, и с тех пор я стал вороном, а злой дух Ексёкю превратился в птицу. Теперь я стал сильным и буду вас кормить.

Так и повелось. Ворон летал по небу, видел далеко внизу и добывал то, что хотели есть старик со старухой. Стали они с тех пор жить безбедно. Потом старуха умерла и завещала старику не обижать ворона.

Когда старуху похоронили, ворон сказал:

— Настало время полететь нам с тобой к моим сестрам. Я сделаю тебя богатым!

Они оставили свой дом и полетели в верхний мир.

Долго летели, но вот внизу показался город-дом. Ворон говорит старику:

— Сейчас мы приземлимся. Ты зайдёшь вон в тот дом. Там в углу сидит и плачет пожилая женщина. Это моя старшая сестра. Спроси у неё, почему она плачет. Если она скажет, что плачет по младшему брату, попроси у неё деревянную шкатулку в обмен за рассказ обо мне.

Как ворон велел, так старик и сделал. Женщина ответила ему:

— Расскажи мне о моём младшем брате, но шкатулка пускай останется со мной!

Старик ничего ей не рассказал, и полетели они с вороном дальше. Опять увидели внизу город-дом. В нём жила средняя сестра ворона. Старик и ей повторил те же слова, только вместо деревянной шкатулки попросил серебряный платок. Но женщина ответила:

— Рассказывай скорее о моём младшем брате, но серебряный платок пускай со мной останется!

Поняли тут старик и ворон, что забыла средняя сестра своего младшего брата. Полетели они дальше. Летели, летели и снова долетели до города-дома.

Ворон говорит старику:

— Здесь живёт моя младшая сестра. Скажи ей те же слова, но в обмен за свой рассказ обо мне попроси серебряный сундук.

Пришёл старик к девушке, повторил ей слово в слово, что велел ему ворон. Девушка воскликнула:

— Дедушка! Бери мой серебряный сундук, только Расскажи скорее о моём младшем брате! Жив ли он?

Рассказал ей старик о вороне и привёл его. Девушка и ворон обрадовались друг другу и решили устроить большой праздник.

Во время праздника ворон позвал к себе старика и сказал:

— Я женю тебя на своей младшей сестре. Прокуси основание моего правого крыла — там есть живая вода. Выпей её — станешь молодым. Конечно, другим богатырям не понравится, что ты женишься на моей сестре. Они будут подходить к тебе и спрашивать, кто ты и откуда. Ты говори им,

что ты богатырь и богатый человек, и при этом двигай руками в стороны. Твои мускулы будут потрескивать от напряжения, и все будут тебя бояться. После свадьбы ударь по серебряному сундуку — появится дворец, в котором вы будете жить.

Старик всё сделал так, как велел ворон. Выпил он живой воды, и одежда на нём затрещала по швам: старик превратился в молодого богатыря. И стали они жить с женой во дворце.

Долго они прожили. Дождались внука-богатыря. И когда внук вырос, он победил злого Ексёкю, и ворон снова превратился в человека.

Вот и вся сказка.

БАРУЧИ

ЭНЕЦКАЯ СКАЗКА

ЖИЛ-БЫЛ ДИА. И был у него брат Баручику — однурукий, одноногий. Олешков у них было штук десять. Жили они вместе с матерью. Диа всё время охотился, а Баручику караулил стадо. Однажды ушли олени через речку. Баручи спрашивает у них:

— Почему вы ушли за речку? Почему намочили бакарай*?
Взял он нож, с десяти живых оленей весь камос* срезал и говорит:
— Ходите теперь через речку босиком!

Вечером пришёл Диа. Баручи спрашивает у него:

— Почему наши олени такие глупые, ничего не понимают? Вот они ушли через речку, и бакари намokли.

— Какие бакари? Олени бакари не носят, — удивился Диа.

— А что у них на ногах?

— У них не бакари, а камос.

— А я думал, что это бакари. Пожалел, что они намokнут, и срезал.

— Ну что ты наделал! Зачем камос ободрал? Пропадут теперь олени! — сказал Диа и подумал: «Надо Баручику где-нибудь оставить, а то он много чего натворит, если я уйду надолго».

Вот аргйшили* они однажды. Диа впереди идёт. Вдруг он увидел озеро. Во льду — прорубь. Диа говорит:

— Баручи, иди-ка сюда! Тут в проруби много народу, поют, играют.

Баручи глядел, глядел, ступил ногой в воду да и пошёл ко дну. А брат его дальше отправился.

Через три дня вечером Диа видит: идёт кто-то. Открыл дверь, а это Баручи пришёл и десять больших чиров принёс.

Баручи говорит:

— Брат, ты, наверное, меня за рыбой послал? Я принёс рыбы.

«Что же он за человек? — думает Диа. — Как из проруби выбрался?»

В другой раз опять аргйшили. Нашли высокое дерево. Диа поднялся на вершину этого дерева:

— Эй, Баручи! С этого дерева всю землю видно! Ох, как интересно! Иди сюда!

Баручи поднялся к брату, а Диа схватил его и привязал верёвкой к верхушке дерева.

— Вот где будет твоё место! — сказал, а сам слез с дерева и пошёл дальше.

Прошёл он немного, остановился. Три дня на этом месте прожил. Вечером видит: человек идёт. Присмотрелся, а это Баручи.

— Брат мой, наверное, тебе нужны были дрова? Ты оставил меня дрова рубить? Я принёс дров на целый год.

Диа говорит:

— Это опять ты, Баручи! Я же тебя крепко верёвкой привязал! Ну, ладно, больше я тебя трогать не буду. Но и ты ничего не трогай, а то ведь ты меня без оленей оставил!

Так прошло несколько дней.

Однажды решил Баручи пойти на охоту. Шёл, шёл и видит: большое озеро, а на нём много сетей поставлено. Баручи начал вынимать сети. Рыбы в них полно! Вдруг видит: кто-то к нему приближается. А это, оказывается, одноглазый великан Сихио. Подошёл Сихио, говорит:

— Кто ты такой? Почему мои сети вынимаешь?

— Это мои старые сети! — говорит Баручи. — Их здесь мой отец поставил, когда я родился!

— Неправда! Это мои сети! Я их недавно поставил!

— Нет, — говорит Баручи, — это мои сети. Давай принесём сюда шайтанов*, у них спросим! У тебя шайтан есть?

— Есть, — отвечает Сихио.

— Завтра рано утром приходи сюда с шайтаном. Я тоже приду, — говорит Баручи.

Утром он встал рано и говорит матери:

— Одевайся, мать! Пойдём со мной! Взял он маленькие саночки, и пошли они к озеру. Баручи говорит:

— Я скажу Сихио, что ты мой шайтан. Встань на санки на четвереньки!

Старуха встала на четвереньки, Баручи завязал ей лицо. Пришёл Сихио, тоже саночки притащил.

Баручи ему говорит:

— Смотри, Сихио, вот мой шайтан. Теперь ты своего покажи.

Сихио показал сделанного из дерева человечка — сэда.

— Теперь мы будем с шайтанами говорить, — сказал Баручи. — Я первый спрошу: «Скажи, шайтан, чьи это сети — Сихио или моего отца? Правду скажи!»

Старуха тут говорит:

— У-у! Это старые сети отца Баручи!

— Ну, Сихио, слышишь? Шайтан сказал, что это мои сети. Теперь ты своего шайтана спроси.

Сихио несколько раз спрашивал шайтана, а у того рта нет — как он говорить будет?

Вот Баручи и говорит:

— Значит, моя правда!

Сихио пошёл домой, а Баручи всю рыбу из сетей вынул. Когда Сихио не сталочвидно, он развязал мать. Нагрузили они целую нарту* рыбой и отправились домой.

ВСЕМОГУЩАЯ КАТГЫРГЫН

ЧУКОТСКАЯ СКАЗКА

ДАВНЫМ-ДАВНО жила на Чукотке злая колдунья. Звали её Катгыргын. Где стояла её яранга*, никто не знал, но появлялась она всюду и много зла делала людям. Придёт, бывало, человек с охоты, свалит моржа с нарт* и только начнёт его разделывать, смотрит: под ножом у него и не морж вовсе, а камень.

А то ещё и так было: прибежит к стойбищу* заяц и танцует, будто просит: «Бейте меня!» Схватят охотники ружья, прицелятся, а выстрелить не могут. Глядят: вместо ружей в руках у них собачьи хвосты.

Говорили, будто у Катгыргын такая сила тайная была: захочет — человека в зверя превратит. А ещё говорили, будто служили у неё в работниках рыбка-сайка, серый заяц, олень рогатый, волк зубатый, медуза скользкая, белая лисица, кайра — чёрная птица, северная берёзка да мох подснежный, что ягелем* зовётся. И все эти работники тоже тайную силу имели. Правда, они не во всё могли превращать своих врагов, а только в самое безобидное для себя существо, и то один раз в жизни, когда им самим смерть угрожала.

Много слышал об этом охотник Тынэн, но не во всё верил...

Однажды пришёл он с работы домой и говорит жене:

— Что же ты всё лежишь? Взяла бы хоть кухлянку* починила. Видишь: она вся в дырах!

— Возьми и почини, если тебе охота, — говорит ему жена.

— Устал я, да и не мужское это дело...

— Ну, как знаешь, а мне спать хочется!

— Что же это такое?! — рассердился Тынэн. — Я продрог, хочу есть, а от тебя доброго слова не дождёшься!

Крепко поругался Тынэн с женой и решил уйти от неё — не первый раз она с ним так обращалась. «Всё равно, — думает, — жизни не будет». Сунул он кусок вяленого мяса за пазуху, вскинул ружьё на плечо и пошёл куда глаза глядят.

Долго ли, коротко ли шёл — вдруг видит перед ним ущелье. Справа и слева чёрные скалы острыми пиками небо подпирают. А тут как раз вечер наступил. Тынэн подумал: «Куда в темноте пойдёшь? Надо на ночлег устраиваться». Увидел он впереди пещеру, но не успел и шагу ступить, как из неё вышла старуха — худая, горбатая, нос крючком, голова торчком, зубы как клыки у моржа — длинные-предлинные.

— А-а, Тынэн пришёл! Давно тебя поджидаю!

Удивился охотник: откуда она его имя знает? А старуха говорит:

— Я всё знаю!

И Тынэн понял, что попал в лапы самой Катгыргын.

— Много у меня всяких работников — и птицы, и звери, и растения разные, а человека нет, — говорит старуха. — Слушай же, охотник: отныне ты будешь моим работником! Будешь делать всё, что я прикажу!

Вскинул Тынэн ружьё:

— Не желаю быть твоим работником!

— Ха-ха-ха! Убить меня хочешь? Да ты взгляни, из чего стрелять будешь!

Глянул охотник, а у него в руках вместо ружья палка. Замахнулся он палкой, а старуха перекувырнулась через голову — и сразу такая пурга поднялась, что вокруг темно стало, ничего не видно. Зарылся Тынэн в снег, ждёт, когда пурга стихнет, а она всё сильнее разыгрывается. Ждал, ждал, видит: на месте ничего не высидишь; поднялся и пошёл. Долго ходил по глубокому снегу, но дорогу в стойбище так и не нашёл. Устал Тынэн, повалился в снег и заснул. А когда проснулся, видит: перед ним та же пещера, та же страшная старуха сидит, оленьими рогами волосы расчёсывает.

— Ну, как, охотничек, теперь согласен? — спрашивает.

Подумал Тынэн — выхода нет.

— Ладно, — говорит, — согласен. Только накорми меня сначала.

Тряхнула старуха волосами — тут сразу оленья упряжка появилась. А на нартах всевозможные кушанья — и тюленья печёнка, и оленина, и мясо вяленое, что копальхой называется. Всё перепробовал Тынэн, наелся досыта и ещё за пазуху кое-что сунул.

— Ну, вот и хорошо, — говорит старуха. — Теперь я спать лягу, а ты смотри — никого ко мне не пускай. Пустишь — в ледяную сосульку превращу!

Стоит Тынэн у пещеры, грустную думу думает. А тут вдруг белый медведь подходит.

— Что тебе надо? — спрашивает охотник.

— Хочу всемогущую Катгыргын видеть! — отвечает медведь.

— Не пущу! — говорит охотник.

— Как это ты меня не пустишь? Да знаешь ли ты, кто я? Я её первый работник!

— Кто бы ты ни был, уходи отсюда! Разозлился медведь, зубы оскалил, вот-вот на охотника набросится. Вскинул Тынэн ружьё, курок взвёл.

— Ой, погоди, — говорит медведь. — Не стреляй! — И тут как рявкнет: — Будь ты зайцем!

И Тынэн превратился в зайца. Попрыгал у пещеры, попробовал ружьё взять — ничего не получается. И понял заяц, что теперь у него одно спасение — ноги. Повернулся он, поскакал в стойбище, очутился возле своей яранги:

— Открой, жена. Это я, твой муж Тынэн! Выглянула жена из яранги да как захочет:

— Видано ли, чтобы мой муж был зайцем! Уходи, пока собак не спустила!

Перепугался заяц и побежал в тундру. Долго бежал, проголодался, а вокруг ни травинки, всё белым снегом замело. Сел и заплакал горькими слезами. Вдруг видит: там, где слезинки упали, снег растаял и ягель показался. Потянулся заяц к ягелю, а ягель перепугался, что заяц его съест, да как крикнет:

— Будь ты тюленем!

И стал заяц тюленем. Лежит на снегу, о воде мечтает, а до моря далеко. Весь день полз. Дополз-таки! Плывёт тюлень по морю, а впереди рыбка-сайка играет. «Ага, — думает тюлень, — вот и поужинаю». Только за рыбкой погнался, а она и говорит:

— Будь ты волком!

И стал тюлень волком. Бьёт лапами по воде, того и гляди утонет. Но всё-таки выбрался на берег. Стоит у камня, весь в ледяных сосульках, дрожит. А в это время белая лисица мимо пробегала. Волк — за ней. Вот-вот нагонит, а лисица свернула в сторону да как крикнет:

— Будь ты кайрой!

И сделался волк кайрой. Летит кайра над морем, еле на крыльях держится — так есть хочется. Заметила медузу — и к ней. А медуза прошептала:

— Будь ты оленем!

И стала кайра оленем. Плывёт олень по морю, одни рога из воды торчат. Вот-вот утонет. Но, к счастью, море стало замерзать, и он по льду вышел на берег. Трясётся от холода, есть хочет, а вокруг пусто — только снег да скалы. И побежал олень в тундру. Бежит, а на пути стоит белая берёзка. «Дай-ка хоть коры поглодаю», — думает олень. И только прикоснулся к берёзке, она как встрепенётся:

— Будь ты человеком!

И Тынэн снова стал человеком. Пришёл он домой и обо всём, что с ним случилось, рассказал жене:

— Много на свете я видел, но такого не приходилось!

— Ты ещё не то увидишь! — говорит жена. — Не смей меня работать заставлять! Я и есть всемогущая Катгыргын!

У Тынэна по спине мурашки побежали, но он виду не подаёт, что испугался.

— Ни за что, — говорит, — не поверю, чтоб моя жена да такое умела. Катгыргын мухой сделаться может, а ты разве сможешь?

— Не то что мухой — комаром сделаюсь! — гордо заявила жена.

И только сказала, как на глазах исчезла, а, в яранге вместо неё появился маленький комарик. Летает, жужжит. Тынэн ему руку подставил: садись.

Сел комарик на руку охотника и стал свой тоненький носик в кожу втыкать, а Тынэн его — хлоп! — и раздавил.

ОХОТНИК ХУРЭГЭЛДЫН И ЛИСИЧКА СОЛАКИЧАН

НЕГИДАЛЬСКАЯ СКАЗКА

ЖИЛ-БЫЛ охотник по имени Хурэгэлдын. Никто так не любил зверей, как он. И звери его так любили, как никого из людей. Может быть, поэтому и имя ему дали такое — Хурэгэлдын — Таёжный человек.

Встанет Хурэгэлдын рано утром, найдёт в душистую тайгу и начнёт высвистывать разные трели. На эти звуки прилетают птицы — ласточки, вороны, лебеди, но ещё больше собирается зверя таёжного. Тут и быстрая белка, и проворный хорёк, и хитрый соболь* и длинноухий заяц. За ними прибегают лисы, росوماхи, рыси, волки. Тяжело ступая, приходит медведь, одним прыжком появляется сам царь тайги — тигр. Хурэгэлдын кормит их, ласкает, разговаривает на их языке. И никто из таёжных зверей никогда не затеет при нём драки, не заворчит на соседа. Так он и жил в мире и согласии со всеми обитателями леса.

Однажды Хурэгэлдын увидел, что кончаются его припасы. «Пора бы и поохотиться, — подумал он. — А то и самому есть нечего, да и зверей угостить нечем». Пошёл он в тайгу, свистнул своим таёжным друзьям. Прибежали они к нему, ждут, что он скажет. Хурэгэлдын запряг их в нарту*, впереди поставил серого волка. Загрузил нарту продуктами на четыре месяца охоты, затянул припасы ремнями и двинулся в путь.

Звери дружно подхватили нарту и понеслись вперёд. Бегут — только свист стоит. Ехали они так, ехали — ночь настала. Остановились они у одинокого шалаша, решили переночевать. Вдруг к ним лисичка Солакичан вышла и говорит:

— Братец! Дай-ка я тебе помогу!

— Чем же ты можешь мне помочь? — спрашивает Хурэгэлдын.

— Дай мне топор. Я пойду нарублю дров, — говорит лисичка.

— Ну что же, — согласился Хурэгэлдын, — нам как раз дрова-то и нужны. Сходи, да побыстрее! Взяла лисица топор и побежала в тайгу. Долто там была. Хурэгэлдын хотел уже

идти за ней. Вдруг слышит чей-то голос, да такой жалобный:

— Братец, братец! Иди скорее, помоги мне!

Побежал Хурэгэлдын в чашу, стал лису искать, спрашивает:

— Что случилось? Где ты?

— Здесь я, — всхлипывает лисичка. — Ой, бедная я, бедная! Дрова рубила да топором себе ногу отрубила. Ой, как больно!

Подбежал охотник, не знает, что и делать. Зверя много бил, крови много видел, а вот кровь своего помощника впервые увидел. Смотрит он на ногу лисички, а там не то кровь, не то шерсть красная. Хотел охотник спросить, где же кровь и где отрубленная нога, да лисичка слова сказать ему не даёт, стонет, охает:

— Хурэгэлдын, возьми меня на руки! Положи меня скорее на нарту, мне так легче будет. А крови не видно, потому что она вся замёрзла. Я и кусок отрубленный приморозила. Так будет лучше.

Хурэгэлдын положил её на нарту, думает: «Что же делать? Надо скорее везти её к шаману*, а то ещё умрёт в пути. Тогда на охоте удачи не будет».

Запряг Хурэгэлдын своих зверей, устроил на нарте постель из шкур выдры, чтобы лисе тепло и мягко было, укрыв её рысьим одеялом, и тронулись они в путь.

Ехали они ночь и весь день. Дорога Ху-рэгэлдыну неизвестная, никогда он здесь раньше не был.

— Где же это мы едем? Не заблудиться бы! — думает он вслух.

А лисица говорит:

— Братец, братец! Я знаю эти места! Мне здесь все речки, все перелески, все горки знакомы! Ты меня спрашивай!

Рванулся волк вперёд, понеслись звери, даже кустов по сторонам не видно. Торопятся скорее лису к шаману привезти. Подъехали они к речке. Хурэгэлдын спрашивает:

— Солакичан, как называется эта речка?

— Это речка Завязочка! — отвечает лиса, а сама приоткрыла берестяную котомку с продуктами.

Снова упряжка понеслась вперёд. Ехали они, ехали, и снова перед ними показалась речка. Хурэгэлдын спрашивает:

— Солакичан, что это за речка? Далеко ли ещё ехать?

— Это речка Верхушечка! — отвечает лиса, а сама вытащила из котомки мясо и начала есть.

Быстрее прежнего понеслась нарта. Спустя некоторое время снова впереди показалась речка. Хурэгэлдын кричит лисе:

— Как называется эта речка?

— Серединкой она зовётся! — кричит лиса, а сама уже с половиной запасов управилась.

И снова они ехали. И увидели ключ, который пробивался из-под снега. Охотник спрашивает:

— Как этот ключик называется?

— Ему ещё нет названия, — отвечает лиса, а сама ест да ест, даже название придумать некогда.

Несётся упряжка быстро, как ветер. Уже светать начало. И вот опять на пути речка. Только это не речка, а большая река. Хурэгэлдын спрашивает лису:

— Солакичан, эта река имеет название или нет?

— Да, — отвечает хитрая лиса. — Это река Остаточек!

К этому времени котомка с припасами была уже пуста. Лисичка проглотила последний кусочек, облизнулась, зевнула и думает: «Неплохо было бы и отдохнуть».

Звери всю ночь тянули нарту, устали. Видит Хурэгэлдын: бежит волк впереди, спотыкается — устал. А тут опять речка показалась, и конца пути не видно. Спрашивает Хурэгэлдын:

— Солакичан, а как эту реку у вас называют?

— Да это река Вверх донышком! — А сама тем временем перевернула котомку и села на неё.

— Далеко ли отсюда до шамана? — спрашивает охотник. — Звери совсем утомились.

— Недалеко, — отвечает лиса. — Не больше двух дней хорошего пути. Давайте здесь, на этой речке, переночуем! Братец, ты ведь, наверное, устал, спать хочешь да и проголодался. Мы столько времени едем, ни разу не отдохнули!

Хурэгэлдын думает: «Действительно, все очень устали, проголодались. Пора отдохнуть да подкрепиться».

— А как твоя нога, лисичка? — спрашивает Хурэгэлдын. — Ведь тебе больно, надо спешить к шаману.

А лиса отвечает:

— Да ничего, братец! Я потерплю. Мне стало лучше. Давайте поставим юрту*, передохнём в ней, а потом снова в путь отправимся.

Быстро раскинули юрту, верх её покрыли берестяным полотнищем, низ — шкурой лося. Вошли в юрту, и каждый подумал: «Юрта большая, всем места хватит. Теперь-то наконец отдохнём!»

Удивился охотник: лисица с нарты первая прыгнула и в юрту нырнула, как будто нога и не болела.

— Хурэгэлдын, иди в юрту! — кричит лиса. — Стели постель! Я за дровами сбегаю!

— Как? Ведь у тебя нога перерублена! Ходить, наверное, трудно, а ты в тайгу собралась! Вдруг вторую ногу поранишь. Что тогда делать станем?

А лисица весело ему отвечает:

— Да пустяки! Стоит ли вспоминать об этом! Я уже хорошо себя чувствую. Всю дорогу отдыхала, вот нога у меня и зажила. Посмотри на себя, на своих друзей. Вожак уже лежит, встать не может.

Подумал Хурэгэлдын да и говорит:

— Ну что же, пожалуй, ты права. Мне и здесь работы хватит. Бери топор, только поскорее возвращайся! Да поосторожней будь!

Хурэгэлдын тут же принялся за работу. Развязал ремни на нарте, снял котёл, посуду. «Вот, — думает, — придёт сейчас лиса с дровами, разведём большой костёр, нажарим мяса, наварим густой каши, напечём рыбы на вертеле. Отдохнём, а завтра в путь».

Сделал всё, а лисы ещё нет. Крикнул Хурэгэлдын громко:

— Э-эй! Э-эй! Солакичан, Солакичан! Где ты? Отзовись!

Но сколько ни слушал, ни одного звука в ответ. «Может, бедняжка, раненая лежит? Может, умирает?» — подумал и опять закричал:

— Э-эй! Э-эй! Солакичан! Солакичан! Только тишина была ему ответом. Снова сгустились сумерки. Пошёл Хурэгэлдын в тайгу. Идёт, кричит:
— Солакичан! Солакичан! Где ты?

Всё глубже и глубже уходит он в тайгу. И тут заметил следы лисы. Шла она так, как будто от кого-то убегала. Около большого дерева заметил Хурэгэлдын топор. И понял он, что лиса его обманула. С досады сказал громко:

— Эх, разве с друзьями так поступают?! Не стал он больше лису искать, понутив голову, пошёл обратно к лагерю. Пришёл, а там ждут его голодные товарищи — друзья таёжные. Обрадовался Хурэгэлдын.

— Разгрузайте скорее берестяную суму с продуктами! Дров принесите, варить будем! — кричит. Побежали звери к нарте, смотрят: а сума наверху лежит пустая. Догадались тут все, что лиса-обманщица всё съела.

— Посмотрите лучше, может быть, на нарте что-нибудь из продуктов осталось! — кричит Хурэгэлдын.

Но сколько ни искали, ничего не нашли, даже крошки не осталось. Говорит Хурэгэлдын:

— Если бы я знал, что ты, лиса, такая обманщица, убил бы тебя, а из твоей шкуры сделал бы подстилку.

Тут только он вспомнил странные названия речек: Завязочка, Верхушечка, Серединка, Остаточек, Вверх доньшком...

— О-о-о! Злодейка рыжая оставила нас без еды! Завезла нас в такие дебри, откуда не знаешь как и выбраться! Как я мог ей поверить!

Но ничего не поделаешь. Наступила ночь. Зашли они все в юрту и легли спать. Лежит Хурэгэлдын, думает: «Что дальше делать? Возвращаться домой, в стойбище*? Или идти по следам лисы, наказать её за обман?» Лежал, лежал, да и заснул.

Утром Хурэгэлдын проснулся, вышел из юрты, видит: вышла из тайги девушка, к нему идёт, спрашивает:

— Куда идёшь? Откуда пришёл? Видно, у тебя дело какое-то есть.

Хурэгэлдын рассказал, как лиса их обманула.

— А далеко ли до дому идти? — спрашивает девушка.

— Очень далеко, — отвечает Хурэгэлдын. — Так далеко, что отсюда дороги ни один зверь таёжный не знает!

— Как же ты дальше пойдёшь? Продуктов у тебя нет, дороги ты не знаешь. А до моего дома всего один день пути. Пойдём ко мне!

Делать нечего. Согласился охотник. Запряг он в нарту своих таёжных зверей и поехали в гости. За полдня доехали до дома девушки. Накормила она всех, дала им отдохнуть, а утром говорит:

— Хурэгэлдын, в наших местах много разного зверя — и мясного, и пушного. Сходи сегодня на охоту, а завтра сам решишь, дальше ли тебе ехать или здесь остаться.

Согласился Хурэгэлдын. Пошёл он в тайгу. Только вошёл, как убил лося. Потом только успевал стрелы вытаскивать да из лука стрелять. Нагрузил он столько добычи, сколько унести мог, и вернулся в дом девушки.

— Ну как, Хурэгэлдын, у меня решил остаться или домой ехать?

Взглянул Хурэгэлдын ещё раз на девушку, и так она ему понравилась, что решил он жениться на ней.

После свадьбы остался он со своими друзьями таёжными в этих местах. С тех пор Хурэгэлдын ходит на охоту, а жена его занимается хозяйством — обеды готовит, халаты и обувь шьёт, шкуры зверей выделывает, красивые орнаменты вышивает, за зверями ухаживает.

Однажды жена спрашивает:

— Хурэгэлдын, где ты этих зверей нашёл? Как с ними подружился?

Хурэгэлдын отвечает:

— Они сами ко мне пришли и стали самыми верными Друзьями. А когда есть верные друзья, надёжные помощники, то и жизнь становится счастливой. Любви моих друзей и ты, жена.

Так с тех пор и живут они счастливо.

ГОРДЫЙ ОЛЕНЬ

МАНСИЙСКАЯ СКАЗКА

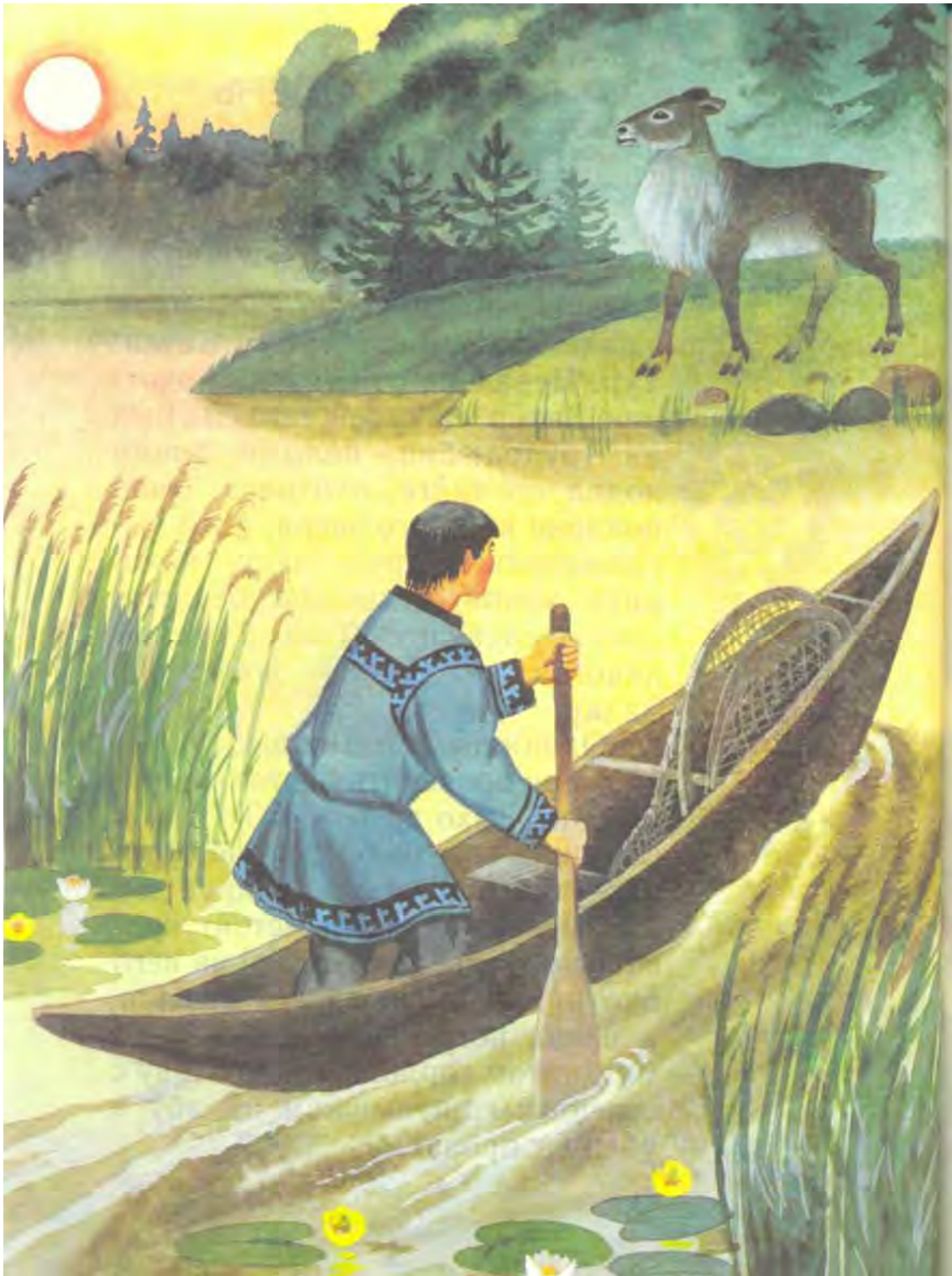
ЕСТЬ У МАНСИ на Северном Урале любимое озеро — Ватка-Тур. Недалеко от него жил охотник Захар со своей семьёй. Был он трудолюбив, целыми днями ходил по тайге, охотился. Знал повадки каждого зверя, умел отслеживать хитрую лису, находить зимой медвежьи берлоги, ловить сохатого*. Только оленей никогда не ловил — жалел их Захар.

Однажды летом пошёл Захар на озеро проверить поставленные им сети. Тихо на озере. Только и слышно, как рыба плеснёт или как утка вспорхнёт... Вдруг видит: недалеко от него стоит красавец олень. Засмотрелся на него охотник — весло из рук выпало, а олень встрепенулся, замер на миг, потом гордо поднял голову с сереньким пятнышком на лбу и убежал прочь.

Прошло лето. Пришла и ушла осень. Наступила зима. А зима на Урале суровая да снежная. Трудно Захару с семьёй жить стало. Юрта* совсем худая, и на охоте удачи нет.

Пошёл Захар в лес. День идёт, другой, из сил выбивается, а на след зверя набрести не может. Вышел к болоту и видит: на краю болота стадо оленей пасётся и среди них тот, с сереньким пятнышком на лбу.

Стал Захар потихоньку подползать к оленям. Вот уже совсем близко подполз. Быть бы ему с добычей, да дрогнуло сердце у охотника, жалко стало оленя убивать. Олени почуяли, что человек близко, и умчались.

Только хотел Захар повернуть обратно, вдруг видит: прямо к нему, опустив голову, идёт большой и сильный олень. Испугался Захар, а олень остановился около него и сказал человеческим голосом:

— Здравствуй, Захар! Давно я тебя знаю. Вижу, как ты трудишься, бродишь по тайге, а удачи тебе нет.

Захар отвечает:

— Спасибо, гордый олень, что добрым словом меня согрел.

— Будь завтра снова на этом месте, — проговорил олень и, высоко подняв голову, убежал.

На другой день, только показался первый луч солнца, Захар пошёл на болото. Красавец олень уже ждал его.

— Я буду твоим другом и помощником, — сказал он. — Садись на меня!

Быстро мчался олень по тайге. Сколько было радости и удивления, когда Захар вернулся домой!

Легче стало жить Захару: освободил его олень от самых трудных работ. Все привыкли к доброму оленю. И решил охотник отблагодарить его за доброту. Вечерами сидели они всей семьёй и вытачивали, отделявали каждую веточку — делали оленю такие рога, каких ни у кого нет. И вот рога готовы — крепкие, ветвистые, красивые!

Весной, когда начал таять снег, запряг Захар оленя и посадил всю семью на нарты*.

— Поехали! — крикнул Захар.

И они помчались по бескрайней тайге.

Вот и озеро Ватка-Тур. Захар освободил оленя из упряжки и вывел к тому месту, где впервые увидел его. Старший сын Захара принёс приготовленные для оленя рога.

— Это тебе, дорогой олень! — сказал Захар.

Олень гордо качнул головой с новыми рогами. Прошёлся по берегу озера, копнул острым рогом землю.

— Спасибо тебе, олень, за помощь, — сказал Захар. — Иди на свободу.

— И тебе спасибо, человек! С такими рогами мне и волк не страшен! — сказал олень и, встряхнув на прощанье красивыми рогами, скрылся в лесу.

С той давней поры все олени носят рога и дружат с человеком.

ЛИСА И ВОРОН

КЁРЕКСКАЯ СКАЗКА

ЛИСА ЛЕНИЛАСЬ добывать себе пищу, поэтому и жила плохо, голодала. Однажды она сказала дочери:

— Обману-ка я ворона. Скажу, что замуж вышла, богато жить стала.

Дочь говорит:

— Не надо обманывать! Лучше попроси у него еды по-хорошему.

Не послушалась лиса. Взяла старую мокрую сетку для рыбы, в мешок затолкала, завязала, пошла к ворону. Ворон услышал, что кто-то идёт, спрашивает:

— Кто там?

А лиса уже в сенях отвечает:

— Это мы с мужем пришли. Ворон удивился:

— Смотрите-ка! Двоюродная сестрица замуж вышла. Пусть мужа покажет.

Лиса говорит:

— Муж не может при свете находиться. Его предки в темноте жили, и он темноту любит. Он как будто слепой — ничего не видит.

Тогда ворон говорит:

— Ну что ж, потушите светильники. Пусть заходят.

Когда лиса зашла, ворон спросил:

— Что будете есть? Лиса ответила:

— У нас пищи много. Ешьте сами. Пошла жена ворона в кладовую за едой, а лиса тихонечко за ней пробралась и стала еду в мешок складывать. Полный мешок наложила, завязала, в сени вынесла, в угол поставила.

А ворон всё удивляется:

— Вот ведь наконец-то двоюродная сестрица замуж вышла!

А лиса всё хвастает:

— У моего мужа много оленей. Два больших табуна. А у вас нет ли яиц? Мой муж очень любит яйца. В обмен обещаю вам оленьи шкуры. Вот они, шкуры, в мешке. Пошупай.

Ворон пощупал мешок. Действительно, там что-то мягкое, как оленьи шкуры. Обрадовался ворон: «Вот богатство — всем на одежду хватит». Велел он мешок в полог* положить.

Жена ворона говорит:

— У нас есть сын, у вас дочь. Вот бы их сосватать!

Лиса подумала и сказала:

— Если ваш сын захочет, сосватаем. Так разговаривая, попили они чаю. Потом лиса сказала, как бы обращаясь к мужу:

— Идём домой, а то наши олени испугаются и убегут.

Распрощалась она с вороном и его женой, в сенях мешок с пищей захватила, нагрузилась так, что едва до дому дошла. Дома сказала дочери, смеясь:

— Смотри-ка, ведь обманула я ворона. Он думает, я и вправду замуж вышла. И старую сеть за оленьи шкуры принял.

Дочь опять сказала:

— Зачем ты обманываешь? Нужно было по-хорошему попросить.

Лиса сердито ответила:

— А ты не учи меня, а то без еды оставлю!

Замолчала дочь, а лиса закусила яйцами и стала варить мясо.

Тем временем ворон радовался, что так легко добыл оленьи шкуры. Вдруг в пологе что-то закапало. Жена ворона воскликнула:

— Что это капает?

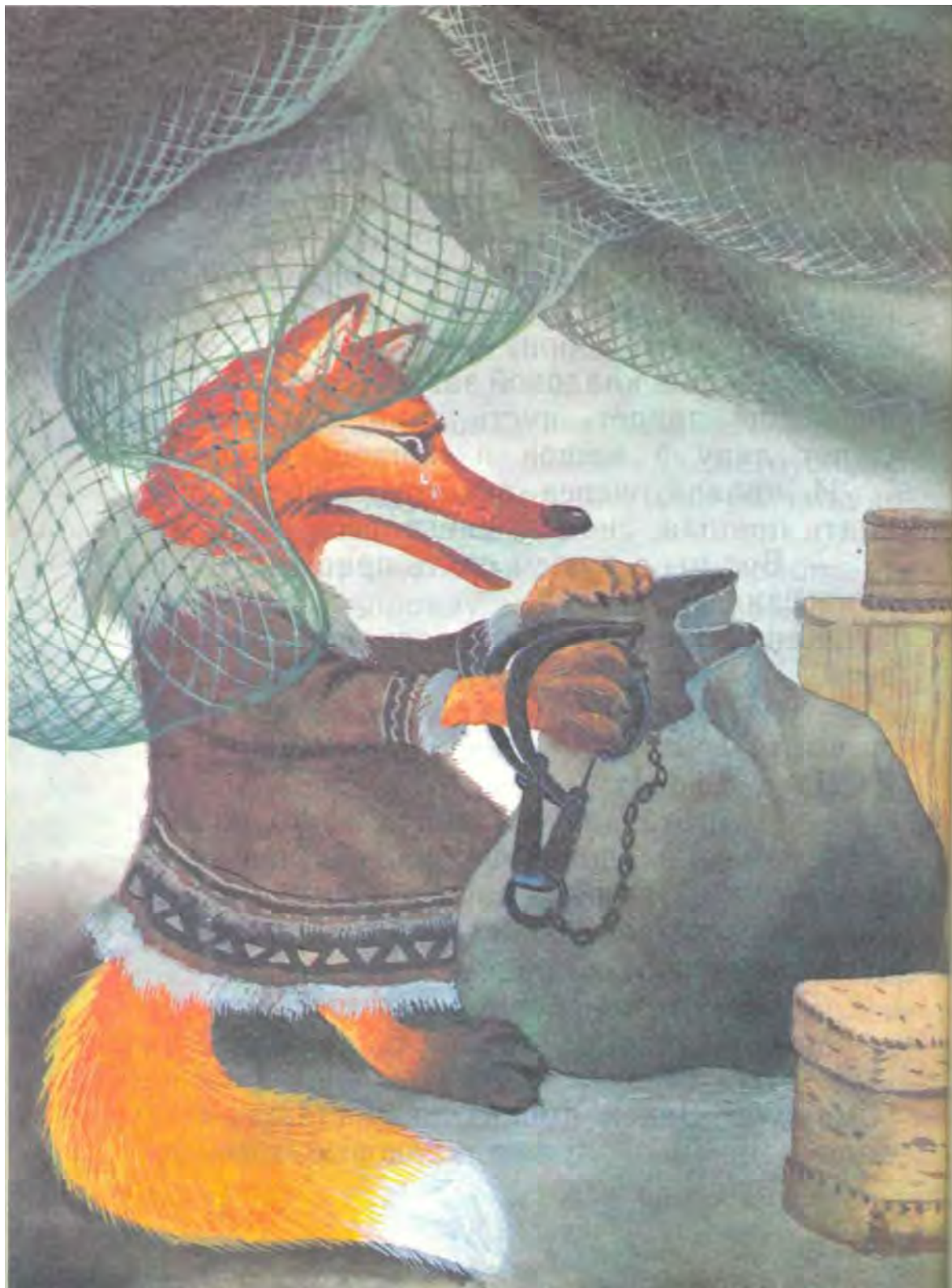
— Наверное, лиса дорогой шкуры подмочила, — ответил ворон.

В это время пришёл их сын. Когда ему рассказали про шкуры, он сказал:

— А ну-ка, покажите своё богатство! Мать достала мешок, развязала, вытащила сетку, удивилась:

— Смотрите-ка — нет ничего! Только старая мокрая сетка!

Рассердился ворон, приказал:

— Двери в кладовой завесьте сеткой. Если лиса ещё придёт, пусть сама еду возьмёт. Сунет лапу в мешок и попадёт в капкан.

И правда, через некоторое время лиса опять пришла, снова лживые речи ведёт:

— Вот мы с мужем опять пришли. Шкуры принесли.

Жена ворона притворилась больной, говорит:

— Ах, сегодня у меня голова болит. Не могу выйти.

Лиса говорит:

— Ну, тогда до свидания, мы торопимся.

А сама к кладовой пробралась, лапу в мешок сунула. Застряла лапа в мешке. Дёрнула лиса лапу, хотела убежать, но в сетке запуталась, закричала:

— Ой, что вы со мной делаете? А ворон говорит:

— Ты сама себе плохо сделала. Зачем нас обманула? Зачем вместо шкур старую сетку дала? Зачем в чужие кладовые лазаешь?

Заплакала лиса, стала просить, чтобы её освободили, но никто её не выручил. Наконец ей удалось порвать сеть и выскочить на улицу. А лапа её в капкане. Так с ним домой и прибежала.

— Освободи меня, — просит она дочь.

Не хотела дочь помогать матери, потому что она обманщица, но всё же пожалела, освободила.

Так ворон проучил воровку и обманщицу лису.

ДЕВУШКА И ЛУНА

НГАНАСАНСКАЯ СКАЗКА

ДАВНЫМ-ДАВНО жила в одном стойбище* красивая девушка. И были у неё олени. Вот однажды гуляла она с оленями в тундре, а ночь была очень тёмная. Вдруг один олень посмотрел на небо и закричал:

— Прячься скорее, девушка! Луна хочет утащить тебя на небо!

Только успел олень спрятать девушку в большой сугроб и снегом забросать, как появилась на нарте* Луна. Поискала, поискала Луна — нигде девушки не видно. Села на нарту, в небо укатила.

Вылезла девушка из сугроба, отряхнулась, вошла в чум*.

Прошло немного времени, вбегает олень и кричит:

— Луна опять на нарте едет! Хочет тебя на небо забрать!

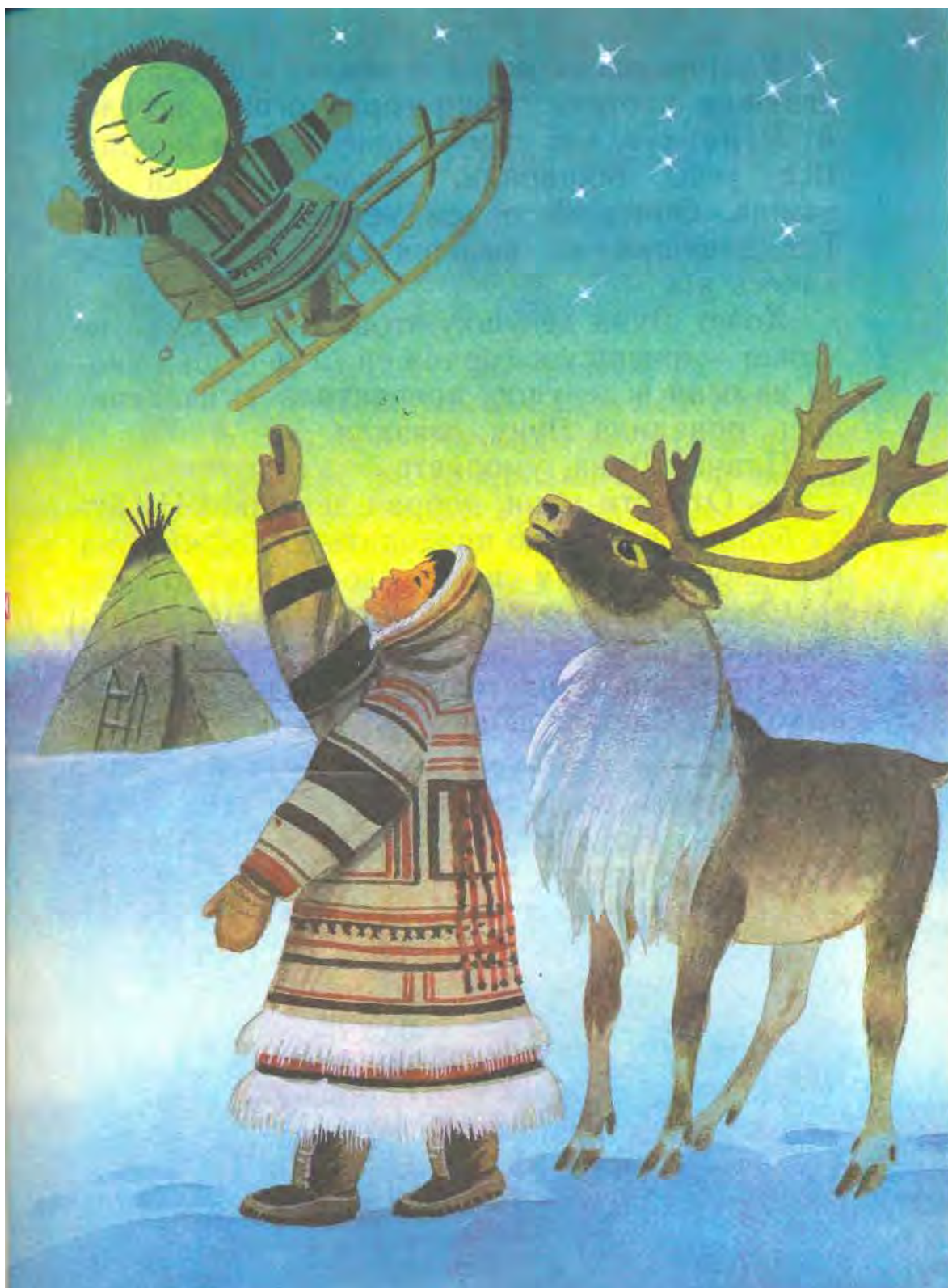
Ударил олень ногой о землю и превратил девушку в огонь. Ярко горит огонь, весело. А Луна тут как тут — тоже в чум вошла. Все углы обшарила, нигде девушки не нашла. Опять ни с чем уезжать собралась. Тут девушка не выдержала, засмеялась: «Здесь я!»

Хочет Луна девушку-огонь поймать, да не может — очень уж горячо ей. А девушка снова из огня в девушку превратилась, изловчилась, повалила Луну, связала.

Плачет Луна, умоляет:

— Отпусти меня, добрая девушка! Не буду больше на землю приходить. Буду жить на небе, ночью людям светить, дорогу указывать!

Сжалилась девушка над Луной, отпустила её.

С тех пор Луна только по ночам на небо выходит. Светит людям, чтобы не сбились с пути.

ОТЧЕГО У ЗАЙЦА ДЛИННЫЕ УШИ

МАНСИЙСКАЯ СКАЗКА

КОГДА ПОЯВИЛИСЬ в лесу звери, самым главным у них был лось. Однажды на лесной полянке разговаривал лось с женой. Мимо бежал заяц. Услышал он, что лось с лосихой разговаривают, подкрался поближе, спрятался за пенёк, слушает.

— Есть у меня рога, которые я должен раздать зверям, — говорит лось. — Но зверей много, а рогов мало. Кому же дать?

Слушает заяц, думает: «Хорошо бы и мне рога получить. Чем я хуже других?»

— Кому вот эти рога дать? — спрашивает лось жену.

Только хотел заяц рот открыть, а лосиха отвечает:

— Эти оленю дай. Будет защищаться ими от врагов.

— Хорошо, — говорит лось. — А вот эти, большие, кому?

Тут заяц не вытерпел, высунулся из-за пенька, кричит:

— Эти мне дай, мне, зайцу]

— Что ты, братец? — удивился лось. — Куда тебе такие рога?

— Как — куда? — говорит заяц. — Мне рога очень нужны. Я всех врагов буду в страхе держать. Все меня бояться будут!

— Ну что ж, бери! — сказал лось и дал зайцу рога.

Обрадовался заяц, запрыгал, заплясал. Вдруг с кедра большая шишка свалилась ему на голову. Подскочил заяц — и бежать! Да не тут-то было! Запутался рогами в кустах, выпутаться не может, визжит со страху.

А лось с женой хохочут.

— Нет, брат, — говорит лось. — Трусливое у тебя сердце, а трусу и самые большие рога не помогут. Получай-ка ты длинные уши. Пускай все знают, что ты подслушивать любишь.

Так и остался заяц без рогов, а уши у него выросли длинные-предлинные.

НАХОДЧИВЫЙ СТРЕЛОК

ЭВЕНСКАЯ СКАЗКА

ЖИЛ В ТАЙГЕ юноша по имени Тунтукаки. Ни отца, ни матери у него не было, только маленькая сестрёнка. Росли они сиротами, жили бедно. Но весёлым, бойким, острым на язык был Тунтукаки. Своим бедным друзьям всегда был рад помочь. Зато не любил Тунтукаки богачей — жадных, хитрых, глупых.

Однажды вечером, когда около юрт* никого не было, Тунтукаки спрятал под корнями деревьев несколько монет. На другой день утром, когда собралось много юношей из богатых семей, Тунтукаки сказал:

— Ой, как плохо! У меня совсем нет денег! Что же делать? А стрельну-ка я из лука вон в ту лиственницу, — может, она мне поможет?!

Засмеялись дети богачей:

— Дурной ты, Тунтукаки! Ха-ха-ха!

Но весёлый Тунтукаки не обращал внимания на их насмешки. Он взял лук и пустил стрелу в дерево. Подбежал к лиственнице, разгрёб землю под ней и вытащил оттуда монету. Удивились богачи, замолчали. Взял Тунтукаки лук, пустил стрелу в другую лиственницу — и вытащил из-под неё ещё монету.

Зашевелились, загалдели дети богачей. А Тунтукаки проделал всё это в третий раз. Зашумели тогда жадные юноши:

— Эй ты, мешок грязный! Убирайся отсюда! Это не твоя тайга!

Ничего не ответил им Тунтукаки, ведь он знал, почему они его гонят. Молча ушёл.

Весь вечер и всю ночь до самого утра стреляли в каждую лиственницу жадные дети богачей. Все стрелы они порастеряли, все ногти свои изодрали, но ничего под корнями лиственниц не нашли.

Ну и смеялся над ними Тунтукаки: «Вот так вам и надо! Хоть вы и богатые, да глупые люди!»

ГЭЭНТА

УДЭГЕЙСКАЯ СКАЗКА

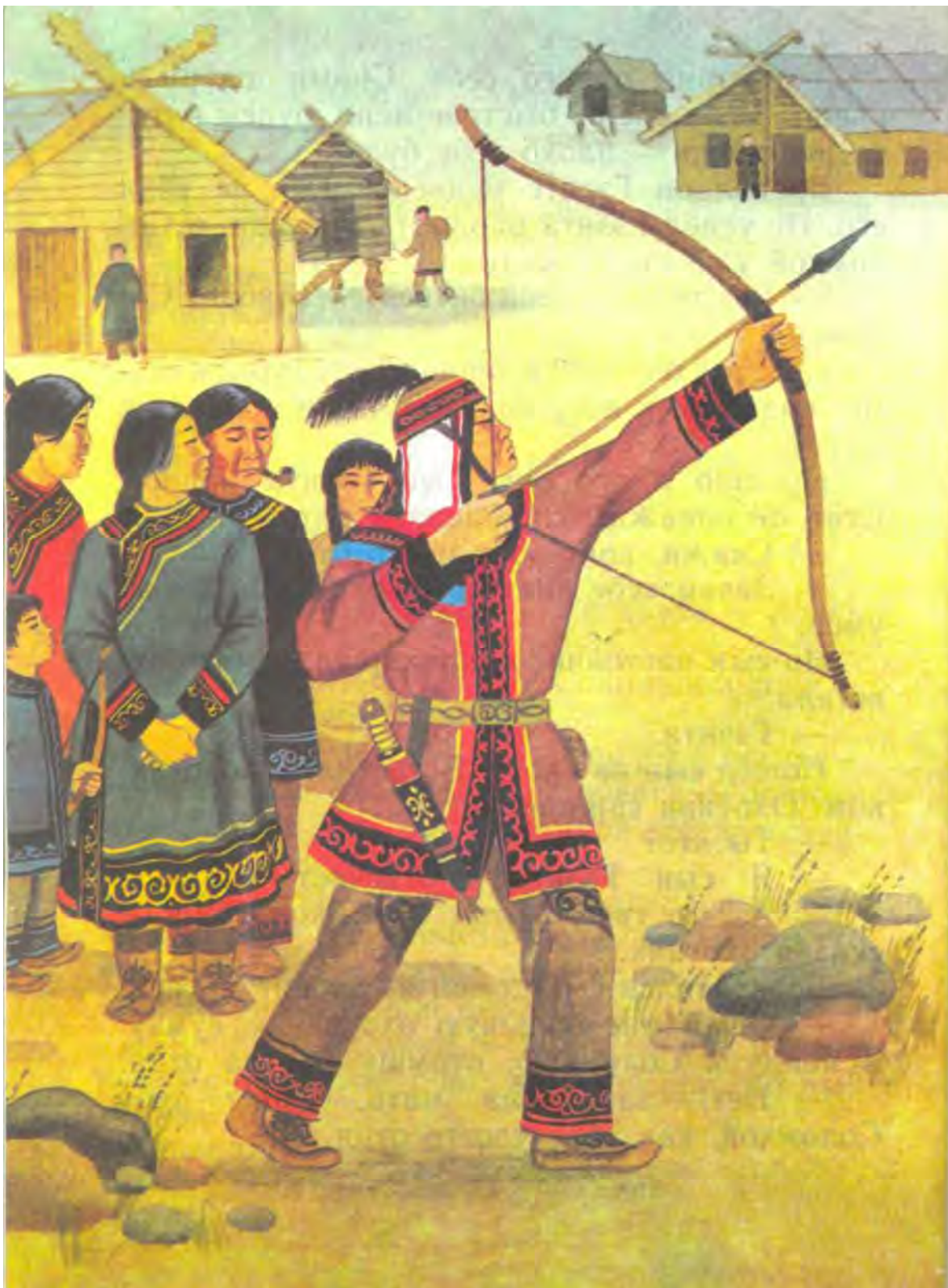
ЖИЛ-БЫЛ охотник с женой. Звали охотника Гээнта. Родился у них сын.

— Ты расти сына, — говорит Гээнта жене, — а я пойду с великаном Соломкоем биться.

— Не ходи, — просит жена. — Убьёт он тебя — как мы жить будем?

— Меня не убьёт — я сильный, — отвечает Гээнта. — Нельзя спокойно сидеть дома, когда Соломкой людей убивает.

— Пусть так, — говорит жена. — Но сначала стрельни из лука. Если стрела улетит за семь перевалов*, ступай.

Стрельнул Гээнта, стрела только за один перевал улетела. Не пускала его жена, а он не послушался, всё-таки ушёл.

Шёл, шёл вдоль реки, видит: старик со старухой рыбу ловят.

— Куда идёшь? — спрашивает рыбак Гэ-энту.

— Биться с Соломкою.

— Покажи сначала свою силу — свали мой заезбк* из ивняка ногой.

Толкнул Гээнта ногой заезок — он только еле пошевелился.

— Э-э, — говорит рыбак, — какой ты слабый! Ступай лучше домой!

Не послушал его Гээнта, дальше пошёл.

Подходит к высокой сопке, видит: юрта* Соломкоя стоит — выше кедров будет. Вошёл Гээнта в юрту, спрашивает:

— Здесь Соломкой живёт?

— Здесь, — отвечает старуха. — Зачем пришёл?

— Помериться силой с Соломкою хочу, — отвечает Гээнта.

— Подожди, скоро сын придёт с охоты, — говорит старуха. — На вот кочергу — полижи да погрейся. Мой сын Соломкой всегда кочергу лижет, когда озябнет.

Сунула она в рот Гээнте раскалённую докрасна кочергу, обожгла ему язык. Гээнта говорить не может. Сидит, держит в руках кочергу, смотрит, как она остывает.

Пришёл Соломкой — высокий, еле в юрте помещается, принёс под мышкой двух убитых медведей.

Говорит Соломкой Гээнте:

— Возьми одного себе. Сними шкуру и съешь. Если съешь быстрее меня, будем биться, не съешь — плохо тебе будет.

Бросил он Гээнте медведя, чуть не убил его. Не успел Гээнта ободрать медведя, а Соломкой уже съел своего.

— Где тебе со мной биться! — говорит Соломкой.

Схватил он Гээнту, прошил ему губы жилами, подвесил к носу колокольчик и посадил в амбар.

Прошло много лет. Сын Гээнты подрос. Стал он однажды спрашивать мать:

— Скажи, как зовут моего отца?

— Зачем тебе знать имя отца? Он давно умер.

Но сын настойчиво спрашивал, и мать ответила:

— Гээнта.

Пошёл сын на охоту. Встретился с охотником. Охотник спрашивает:

— Ты кто?

— Я сын Гээнты! — отвечает мальчик.

— А, это твёрдого отца Соломкой убил! — сказал охотник.

Возвратился сын домой и говорит матери:

— Сшей мне большую охотничью сумку. Я пойду к Соломкою, отомщу ему за отца.

— Нет, — заплакала мать, — убьёт тебя Соломкой, как убил твоего отца.

— Всё равно пойду! — говорит сын.

— Стрельни из лука, — говорит мать. — Если стрела улетит за семь перевалов, иди.

Стрельнул сын — за семь перевалов стрела улетела. Простился он с матерью и ушёл.

Шёл, шёл вдоль реки, видит: старый рыбак сидит у заезка.

— Куда идёшь, молодой охотник? — спрашивает старик.

— Иду к Соломкою силой мериться! — отвечает сын Гээнты.

— Столкни сперва мой заезок, — говорит старик.

Толкнул сын Гээнты заезок ногой — повалился заезок.

— Сильный ты, — говорит рыбак. — Иди. Пришёл сын Гээнты туда, где Соломкой живёт. Вошёл в юрту. Видит: сидит старуха, пальцы как корни, а нос с оморочку*.

— Я мать Соломкою, — говорит старуха. — А ты кто такой?

— Я сын Гээнты, пришёл с Соломкою силой мериться.

Взяла старуха раскалённую докрасна кочергу.

— Полижи, — говорит, — эту игрушку. Мой сын, когда озябнет, греется ею. — И сунула кочергу в рот сыну Гээнты.

Сын Гээнты откусил кочергу, разжевал горячее железо да как плюнет в лицо старухе! Старуха сморщилась и превратилась в пень.

Пришёл Соломкой и принёс двух медведей под мышкой. Бросил он одного сыну Гээнты и говорит:

— Съешь быстрее меня — будем биться, не съешь — плохо тебе будет!

Сын Гээнты поймал медведя, ухватился за шкуру, дёрнул — и спустил всю сразу. Не успел Соломкой ободрать медведя, как сын Гээнты уже съел своего.

Пошли они биться на высокую скалу. Скала твёрдая и гладкая, как лёд. Говорит Соломкой:

— Давай попробуем, кто глубже скалу пробьёт.

Топнул ногой Соломкой — скала задрожала, нога по щиколотку ушла в скалу. Топнул ногой сын Гээнты — нога ушла в скалу по колено.

Стали они бороться. Соломкой толкает и толкает сына Гээнты на край скалы. Последний раз собрался с силой Соломкой, хотел столкнуть сына Гээнты, а тот увернулся, и Соломкой полетел вниз да там и разбился.

Пришёл сын Гээнты в юрту Соломкою, слышит: в амбаре колокольчик звенит. «Что такое?» — думает. Открыл амбар, а там человек с зашитыми губами. Освободил его сын Гээнты, спрашивает:

— Ты кто?

— Я Гээнта, — отвечает тот.

— А я твой сын.

Взял сын отца, посадил в свою сумку и понёс домой.

И долго после этого жили они счастливо.

КАК ЗВЕРИ И ПТИЦЫ ДОСТАЛИ СОЛНЦЕ

ЭСКИМОССКАЯ СКАЗКА

ТАК ЭТО БЫЛО. Однажды злые духи — тунгаки* похитили у жителей тундры Солнце. В вечном мраке жили теперь звери и птицы, с трудом отыскивали себе пищу. И вот решили они собрать большой совет. От каждого звериного и птичьего рода на совет прибыли посланцы. Старый ворон, которого все считали мудрым, сказал:

— Крылатые и волосатые братья! До каких же пор мы будем жить во тьме? Слышал я от стариков, что недалеко от нашей земли, в глубоком подземелье, живут тунгаки, похитившие у нас свет. У тех тунгаков в сосуде из белого камня хранится большой светящийся шар. И тот шар они называют Солнцем. Если похитить этот шар у тунгаков, земля озарится светом. Вот я, старый ворон, даю вам совет: послать за Солнцем самого большого и сильного из нас — бурого медведя...

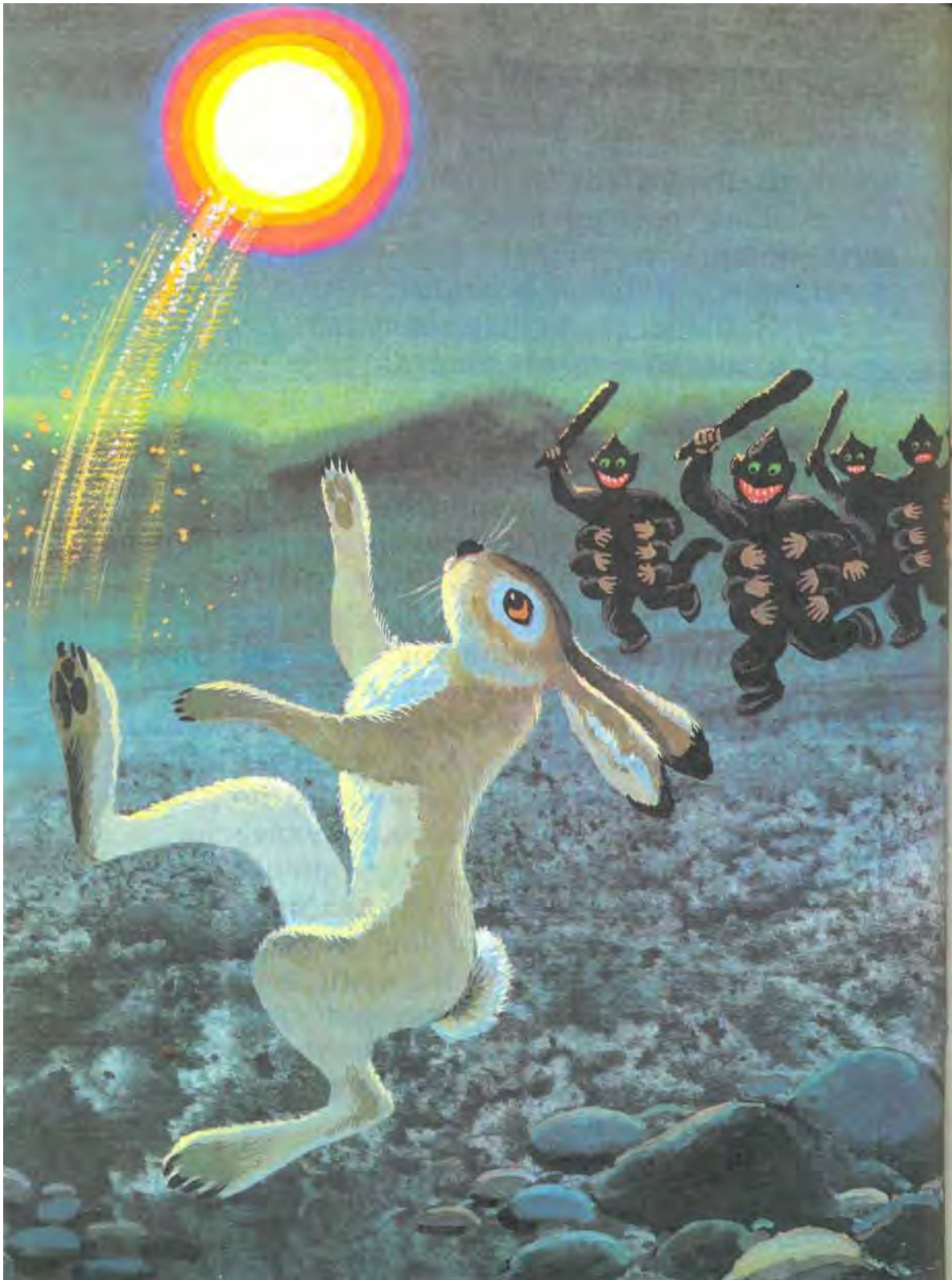
— Медведя, медведя! — закричали звери и птицы.

Тут же старая, глуховатая сова чинила нарту*. Она спросила сидевшую рядом маленькую птичку-пуночку:

— О чём толкуют звери и птицы? Пуночка ответила:

— Медведя хотят послать за Солнцем, как самого сильного.

— Напрасны их старания, — говорит сова. — Встретит медведь на пути лакомство и обо всём забудет. Не будет у нас Солнца.

Звери и птицы, услышав слова совы, согласились с ней.

Старый ворон дал новый совет:

— Пошлём волка, ведь после медведя он всех нас сильнее и быстрее.

— Волка, волка! — закричали звери и птицы.

— О чём они толкуют? — спрашивает опять сова.

— Волка решили послать за Солнцем, — отвечает пуночка.

— Напрасно хлопочут, — говорит сова. — Встретит волк оленя, убьёт и про Солнце забудет.

Звери и птицы, услышав это, согласились с совой.

Тут маленькая мышка подала голос:

— Зайчика вот этого отправить бы, ведь он лучший прыгун и на ходу Солнце схватить может.

Закричали звери и птицы:

— Зайчика, зайчика, зайчика!

И в третий раз глуховатая сова спросила пуночку:

— О чём толкуют звери и птицы? Пуночка в самое ухо сове прокричала:

— Зайчика за Солнцем послать решили, ведь он лучший прыгун и на ходу Солнце схватить может.

— Этот, пожалуй, сможет достать Солнце. Он правда прыгает хорошо и не жаден. Ничто не сможет задержать его в пути, — сказала сова.

Так зайчика выбрали похитителем Солнца, и он, недолго думая, отправился в путь.

Шёл, шёл и вот наконец далеко впереди заметил светлое пятнышко. Стал зайчик к пятнышку приближаться и увидел: яркие лучи пробиваются из-под земли сквозь узкую щель. Заглянул зайчик в щель и видит: в большом сосуде из белого камня лежит огненный шар и яркие лучи его освещают подземелье, а в другом углу подземелья на мягких оленьих шкурах лежат тунгаки.

Спустился зайчик в подземелье, выхватил огненный шар из каменного сосуда и выскочил с ним в щель.

Всполошились тунгаки, вслед за зайчиком погнались. Зайчик бежит во весь дух, но тунгаки уже совсем близко. Тогда зайчик ударил лапой по огненному шару, он раздвоился. Одна часть маленькая, другая — большая. Зайчик сильно ударил лапой по меньшей части — она взлетела к небу и превратилась в Луну.

Большую часть зайчик приподнял, ещё сильнее ударил — она поднялась к небу и превратилась в Солнце. Как светло вдруг стало на земле!

Тунгаки, ослеплённые светом, скрылись в подземелье и с тех пор не появлялись на земле. А звери и птицы каждую весну устраивали в честь зайчика солнечный праздник и радостно кричали:

— Слава нашему зайчику, добывшему Солнце!

НЕВЕСТА СОЛНЦА

СААМСКАЯ СКАЗКА

ЖИЛ СТАРИК со старухой да с дочерью. Семья была дружная, каждый своим делом занимался. Старик ходил на охоту, промышлял оленей. Старуха ловила рыбу, пряла овечью шерсть. А дочка, хоть и маленькая, плела красивые пояса к рубахам.

Как-то раз понадобилась старику берёста — новые короба сделать. Собрался он в лес идти, а старуха ему и говорит:

— Смотри — не ходи драть берёсту на Руэйн-Вараку!

Варака — это горушка такая, на которой густой лес растёт.

Идёт старик и думает: «Что это старуха меня на такую хорошую горушку не пускает? Там берёзы толстые, берёста хорошая».

Забыл старик, что там всякая лесная нечисть живёт. «Всё равно, — думает, — пойду туда».

Драл старик берёсту, драл, как вдруг ему на шею злая колдунья Ацци прыгнула. Испугался старик, а она и говорит:

— Возьми меня, старик, в жёны!

— Есть у меня жена, — отвечает старик.

Но от Ацци не так-то просто избавиться. Вцепилась она в старика своими паучьими лапами. «Ладно, — думает старик, — возьму её с собой, а там придумаю, как от неё избавиться».

Только зря старик надеялся. Как только он эту злодейку домой принёс, она тут же своих сыновей на подмогу позвала. Сыновей у неё трое, да сама Ацци — не справиться старику с этой нечистью.

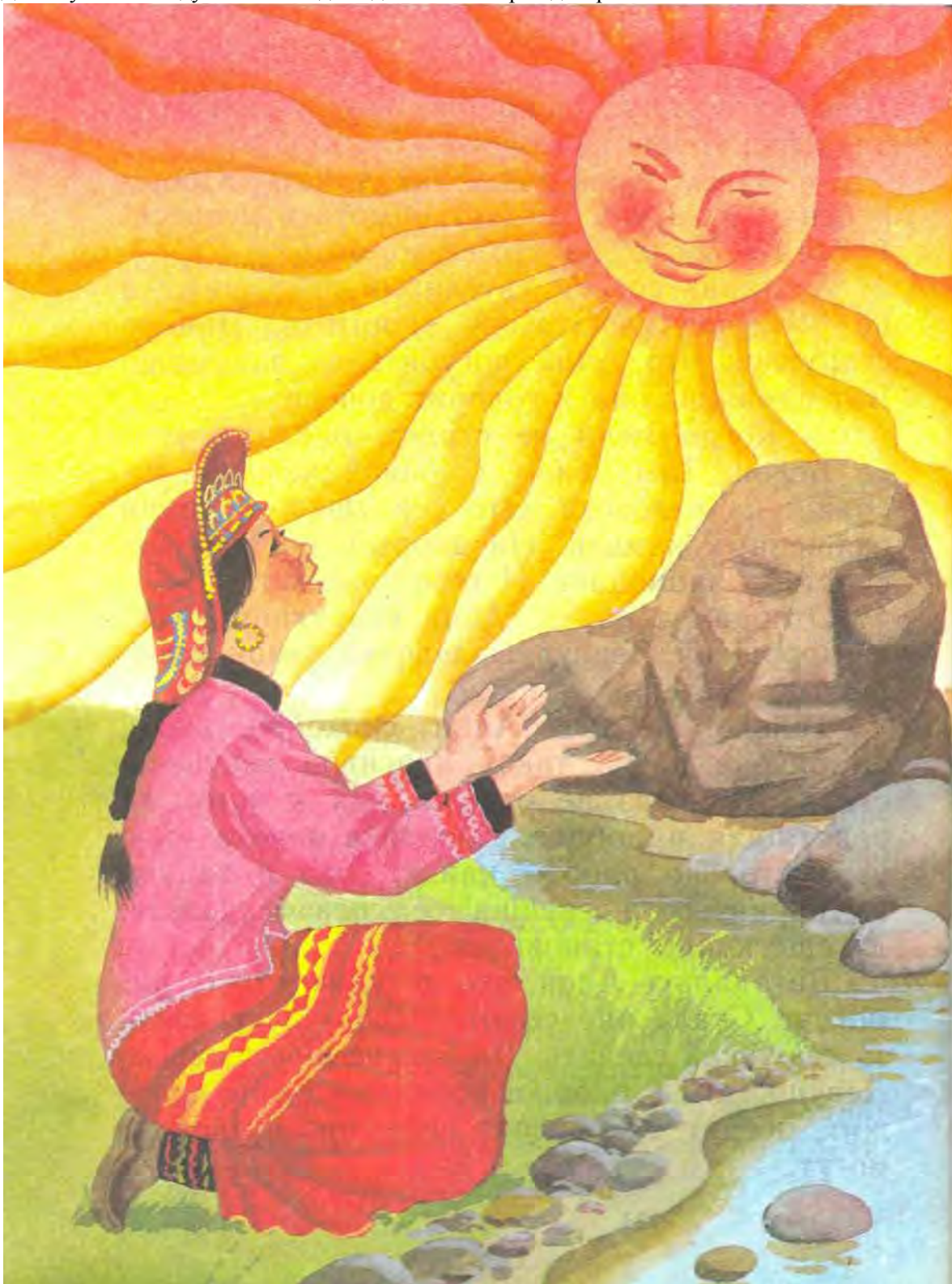
Ацци старикову жену с дочкой в овечий загон жить выгнала, заставила на своих сыновей-бездельников работать. Аццины дети — один хуже другого: старший — Кипчудыш — Обгорелый Пенёк, средний — Иохтя-плеззиш — Лоскутный Воротничок, а младший — Куацкем-Чалмныш — Орлиный Глаз. У него на затылке третий глаз был.

Пока старикова жена была рядом, не чувствовала себя Ацци полной хозяйкой. И задумала она старуху погубить. Каждый день старалась как-нибудь её очернить. Волк оленя задерёт — старуха недосмотрела. Девочка по воду пойдёт — Ацци ей обору* потихоньку разматает и сама же на неё наступит.

Девочка упадёт, ушибётся, воду прольёт, а злодейка говорит старику:

— Зачем твоей дочке такая мать? Оборы ребёнку и то как следует обмотать ленится! Работает плохо. За что её кормить?

А старик совсем трусливый стал, даже и не пытается свою жену защитить. Поняла старушка, что Ацци погубить её задумала. Вот однажды она и говорит дочери:

— Когда меня не станет, пойдя к речке Белой. Там лежит большой камень, похожий на человека. Это сёйдушко — хозяин священных камней. Он добрый, он всех несчастных защищает. И тебе поможет.

Отправила как-то Ацци старухину дочку за морошкой. Вернулась девочка домой, смотрит: нет матери.

Только недолго Ацци спокойно жила. Старикова дочка такой красивой девушкой стала, что глаз не отвести. Да к тому же работающая и добрая. Злодейка-мачеха ей с утра столько работы найдёт, что и за год не управиться, а девушка всё успевает сделать, да ещё краше становится.

Догадалась Ацци, что девушке кто-то помогает. Стала она сыновей своих заставлять за девушкой следить. Да больно они ленивые. Девушка им в плоски побольше рыбы наложит, поедят они и спят себе, проснуться не могут.

Ацци у них вечером спрашивает:

— Что девушка целый день делала? А они в один голос отвечают:

— Ничего мы не видели, ничего не слышали!

На следующий день Ацци опять посылает сыновей за девушкой следить и наказывает младшему сыну, Орлиному Глазу:

— Ты лицом к стене ложись, тогда твой третий глазок всё увидит. Он у тебя никогда не спит.

Пришли братья. А девушка рыбы в плоски им побольше наложила, они поели, спать улеглись. Только Орлиный Глаз лёг к стене лицом, как мать велела.

Смотрит девушка: уснули братья. Побежала она к речке Белой, к камню, в котором сейдушко жил. Стала она там с лучами Солнца играть, золотое вязанье из его лучей вязать, медовые ягоды есть, а из речки перед ней медовый ручей побежал.

Попила девушка из ручья и ещё краше стала. Солнце, как увидело её, налюбоваться не смогло — так на небе и осталось, забыло Луне место уступить. Просит Солнце девушку быть его женой.

Всё это Орлиный Глаз видел, обо всём матери рассказал. Стала Ацци девушки бояться: и сейдушко ей помогает, и Солнцу она невеста. Решила она погубить девушку. Велела старику завернуть дочь в рогожу, положить в керёжу* да в речку столкнуть.

Жалко старику дочь, да совсем безвольным стал, во всём Ацци слушается. Сделал всё, как она приказала.

Вода в реке холодная, а девушке тепло. Это ей сейдушко помогает. Плывёт себе керёжа по реке. День плывёт, другой, третий...

Вот однажды, когда ночь наступила, на небе сполохи заиграли — полярное сияние. В старину сполохов этих боялись, думали: могут за волосы на небо утащить. Древние саамы считали, что сполохи — это люди, которые раньше на земле жили, а потом на небо переселились.

Вдруг один лучик сполохов стал длинным, до самой керёжи опустился. Поднялась девушка по нему наверх. Идёт по небу, смотрит: большая тупа* стоит. Вошла в неё — никого нет. Прибралась девушка в тупе, а как ночь на убыль пошла, услышала: кто-то идёт. Обернулась она веретенном и быстро за очаг спряталась.

Вошли юноши — это они ночью сполохами были, — и с ними Найнас-Месяц.

— Кто-то в тупе был, — говорит Найнас. — Кто-то всё прибрал. Выйди, покажись нам.

Но никто не выходит. Стали юноши искать. За очагом веретено нашли, сломали его, и вышла из веретена девушка. Очень понравилась она Найнасу.

— Будь моей женой, — просит он.

— Нет, не могу, — отвечает девушка. — Я невеста¹ Солнца.

— Как же ты, невеста Солнца, на ночной стороне оказалась?

Рассказала девушка, что Ацци её погубить задумала за то, что ей сейдушко помогал.

Ещё больше понравилась девушка Найна-су-Месяцу, не хочет он с ней расставаться.

— Тебе, — говорит Найнас девушке, — надо к моей матери Земле вернуться. Тогда ты своего жениха сможешь увидеть. Я тебя провожу.

Сказал так Найнас, а про себя подумал: «Задержу её у матери в гостях, может, она своего жениха забудет».

Спустилась девушка с Месяцем на землю. Подошли они к большой веже*. Вышла из вежи старушка, увидела Найнаса с девушкой, обрадовалась. Это была мать Найнаса. Зашли они в вежу. Месяц снял с себя потихоньку звёздный пояс и накинуд его на рёп-пень — дымовую трубу. Девушка глаза поднимет — видит звёзды на небе. Месяц прошёл, второй, а девушка всё у матери Найнаса гостит. Только дымно в веже стало: реппень звёздным поясом прикрыт. Много дыму скопилось, пояс и приподнялся над вежей.

А Солнце только этого и ждало. Оно по всему свету свою невесту искало, только в эту вежу заглянуть не могло. Но не хочет Найнас отдавать девушку. Засветили одновременно Солнце и Месяц на небе, заспорили. Только Месяц рядом с Солнцем совсем бледным стал.

Посмотрела мать Земля — не победить Найнасу Солнце. Пожалела старушка сына и говорит девушке:

— Раз Солнце и Месяц не могут спор решить, быть тебе звездой на небе!

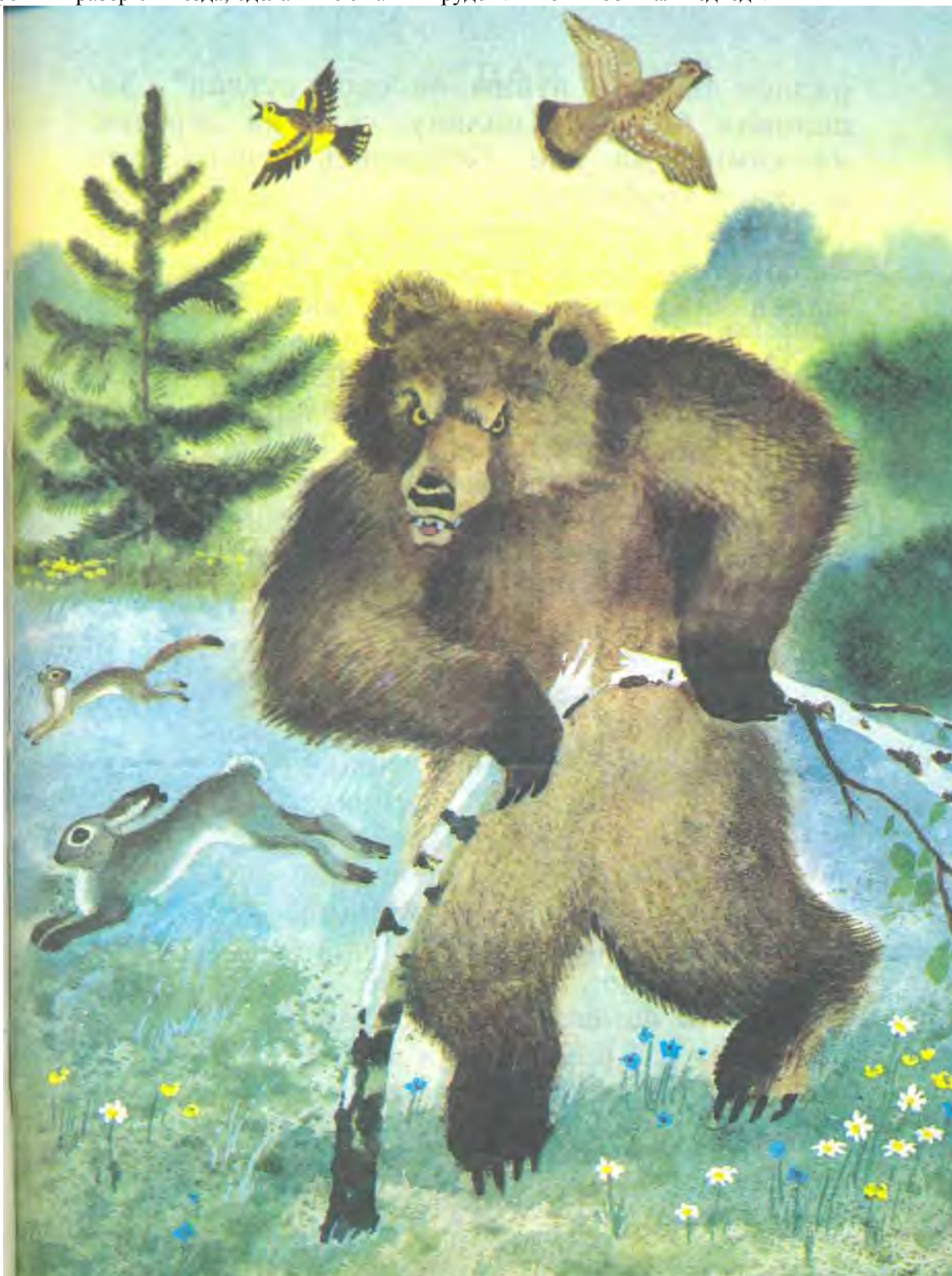
И стала девушка утренней звездой. Месяц, утром уходя с неба, на неё любуется. Солнце на небо взойдёт — с той звездой встречается, налюбоваться не может.

И вы, если утром рано встанете, ту звезду увидите.

КАК БЫЛ НАКАЗАН МЕДВЕДЬ

ТОФАЛАРСКАЯ СКАЗКА

РАНЬШЕ МЕДВЕДЬ никому житья не давал. Большой и сильный, он то громко рывкал и пугал кого-нибудь, то нечаянно, неуклюжий, придавливал насмерть маленьких зверюшек и птиц, то ломал деревья и разорял гнёзда, сделанные с таким трудом. Многих обижал медведь.

Пытались звери как-то унять хозяина тайги, но он и слушать не стал.
— Не учите меня, — ответил, — я сам знаю. Что хочу, то и делаю!

Наступила осень. С деревьев с шумом летели пожелтевшие листья. Пора было подумать и о зиме.

Задумались звери: как быть с медведем? Если он так же будет вести себя, то добра от него не жди. Со всей тайги дружно собрались звери и птицы на свой суглан*. Заполнили большую поляну, сели на деревья, на камни, на пни. Собрались решать, что делать с грубияном.

Устроили над медведем суд. Судьёй избрали сохатого. Много обид высказали большие и маленькие звери. Шум стоял такой, что, казалось, поднялся ураган. Медведь никогда не слышал такого шума, испугался, сжался.

И вынесли звери приговор: наказать медведя, чтобы он был в заточении всю зиму.

С тех пор косолапый не ходит по тайге зимой, а лежит в берлоге в наказание за свою грубость.

БЕЛАЯ НЕРПА

НИВХСКАЯ СКАЗКА

В ДОЛИНЕ Пила и — Большой реки — построили себе землянку два рыбака. Один был бедный, другой — богатый. Бедный жил как все, все обычаи соблюдал. Приедут из других селений гости — он их накормит, ночевать пустит, табаком угостит. А богатый скупой был. Даже рыбьего хвоста никому не давал. Всё для себя берёт.

Пошёл как-то бедный рыбак навагу ловить. Сел в лодку, закинул удочку. Утро ждал, день ждал — нет рыбы. Только к вечеру несколько наважин поймал.

— И это хорошо, — говорит.

Вытащил он лодку на берег, идёт домой, шатается от голода. И тут видит: нерпа показалась, к нему плывёт. Взял рыбак палку, за камень спрятался.

Приблизилась нерпа, на берег выбралась. Кинулся рыбак к ней и удивился: нерпа не такая, как другие, — вся белая как снег. Лежит нерпа, едва дышит — бок у неё поранен. Жалко стало рыбаку нерпу. Отдал он ей рыбу. Ест нерпа рыбу и на глазах выздоравливает. А когда всё съела, рана совсем затянулась.

Протёр глаза рыбак, ещё больше удивился: на том месте, где была нерпа, поднялась песчаная коса. Пошёл рыбак по ней. Идёт, а сам боится — справа море, слева море. Вдруг косу зальёт? Но всё же идёт. До конца косы добрался, а она в крышу какого-то жилища упирается. Осмелился рыбак и в томе хуты — дымовое отверстие — заглянул. Видит: внутри большой дом, на нарах у очага старик сидит.

Заметил старик вошедшего, к себе поманил. Подошёл рыбак ближе, а это сам Тол-ызнг — хозяин моря — перед ним. Отложил старик трубку и говорит:

— Сегодня ты спас белую нерпу. Это была моя дочь. Если бы не ты, она бы погибла. За доброту твою отдаю её тебе в жёны.

Махнул старик рукой — и приплыло в жилище много белых нерп. Тут одна нерпа превратилась в девушку, подошла к отцу, в руках нерпичью шкуру держит.

— Возьми шкуру и иди с этим человеком, — сказал Тол-ызнг. — Женой ему будешь. Рыбу вместе с ним лови, детей расти.

Выслушала девушка отца и пошла с рыбаком в стойбище*. Хорошо они жили. Соберётся муж кету ловить — и жена с ним. Выйдут на лодке, забросят невод, а девушка наденет нерпичью шкуру, превратится в нерпу, заплывёт в море и начинает рыбу гнать. Много набьётся её в невод. На всю зиму хватит и ещё остаётся.

Завидовали люди такой удаче, а скупой богач — больше других. «Как же, — думает, — и мне удачу найти?» И придумал. Когда в жилище соседа никого не было, украл он волшебную шкуру — и скорей на берег. Накинул шкуру на себя, в воду прыгнул. Но шкура так и осталась шкурой, ничего с ним не сделалось. Начал он кричать, на помощь звать. Но кто спасёт, если никого вокруг нет?

Не утонул, однако. Жиру на нём много было, как поплавок, на волнах прыгал. Плавал он, плавал, пока чхарушем — морским чёртом — не стал: туловище короткое, ноги и руки длинные, головы нет, глаза на груди огнём горят.

Так был наказан богач за свою жадность.

ЖЕНЩИНА-ЛИСИЦА

АЛЕУТСКАЯ СКАЗКА

ЖИЛИ-БЫЛИ муж да жена. Каждый день, как только рассветет, муж уходил из дому. Целый день он где-то бродил, и жена не знала, почему он не приходит домой днём. Решила она узнать, где он бывает.

Однажды, когда муж утром ушёл из дому, она пошла за ним. Когда она подошла к нему близко, то заметила, что у него нет одного глаза. Увидев это, женщина решила уйти от него.

Отправилась она в путь. Идёт, идёт, а навстречу ей великан. Схватил он её, посадил на плечи и понёс домой. Дошёл до горы, поднялся на самую вершину, а там оказалась подземная юрта*. Великан бросил женщину в юрту.

Очнулась женщина. Холодно, одежды на ней нет. Пожалела она, что оставила мужа только за то, что он одноглазый, и начала плакать. Вдруг услышала:

— Перестань плакать! Вот над тобою висят шкурки земных птиц. Возьми их и надень!

Женщина посмотрела вверх и увидела плетённую из травы корзину. В ней она нашла кухлянку* из вороньих шкур. Но, как ни старалась, надеть её не смогла. Кухлянка была ей мала.

Женщина опять заплакала и снова услышала чей-то голос:

— Перестань плакать! Вот над тобою висит травяная корзина. В ней ты найдёшь шкуры земных животных. Возьми их и надень!

Посмотрела женщина наверх и увидела корзину. Там она нашла выделанные шкуры лисиц. Взяла она их и попробовала закутаться. И ей сразу стало тепло.

Закутавшись в шкуры, женщина убежала из юрты. По дороге ей захотелось пить. Она дошла до реки и нагнулась, чтобы напиться. И вдруг она увидела, что у неё лисьи уши. Пошла она дальше, и ей показалось, что за нею кто-то идёт. Оглянувшись, она увидела, что за нею волочится лисий хвост. Попыталась женщина от него освободиться, но, сколько ни старалась, не смогла. Так с лисьим хвостом и пошла дальше.

Дошла она до того места, где промышлял её отец. Спустилась к берегу моря и стала смотреть, как отец добывает тюленей. Старик увидел лису и причалил к берегу, где она сидела. Он хотел взять лисицу, но она отскочила от него. Тогда он бросил ей тюленины, а сам отправился в своё селение. И когда отец ушёл, лисица побежала вслед за ним.

Наступил вечер. Прибежала женщина-лисица к дому своего отца. Много раз пыталась войти в дом, но как только она наклоняла голову, чтобы войти, голова тотчас отскакивала в сторону.

Не смогла лисица войти в дом отца, ушла в поле, так и осталась навсегда лисицей.

АЙОГА

НАНАЙСКАЯ СКАЗКА

ЖИЛ В РОДУ Самаров один нанаец — Ла. Была у него дочка по имени Айога. Красивая была Айога. Все её очень любили. И сказал кто-то, что красивее дочки Ла никого нет ни в этом, ни в каком другом стойбище*. Загордилась Айога, стала рассматривать своё лицо. То в медный таз начищенный смотрится, то своим отражением в воде любит. Ничего делать Айога не хотела. Всё любит собой. Ленивая стала Айога.

Вот один раз говорит ей мать:

— Пойди воды принеси! Отвечает Айога:

— Я в воду упаду.

— А ты за куст держись.

— Куст оборвётся, — говорит Айога.

— А ты за крепкий куст возьми.

— Руки поцарапаю. Мать говорит ей тогда:

— Рукавицы надень.

— Изорвутся, — говорит Айога, а сама всё в медный таз смотрится: ах, какая она красивая!

— Так зашей рукавицы иголкой.

— Иголка сломается.

Тут соседская девочка говорит:

— Я схожу за водой.

Пошла девочка на реку и принесла воды сколько надо.

Замесила мать тесто. Сделала лепёшки из черёмухи. На раскалённом очаге испекла. Увидела Айога лепёшки, кричит матери:

— Дай мне лепёшку!

— Горячая она — руки обожжёшь, — отвечает мать.

— А я рукавицы надену, — говорит Айога.

— Рукавицы мокрые.

— Я их на солнце высушу.

— Покоробятся они.

— Я их мялкой разомну.

— Руки заболят, — говорит мать. — Зачем тебе трудиться, красоту свою портить? Лучше я лепёшку той девочке отдам, которая своих рук не жалеет.

И отдала мать лепёшку соседской девочке. Рассердилась Айога, пошла на реку. Смотрит на своё отражение в воде. А соседская девочка сидит на берегу, лепёшку жуёт. Стала Айога на ту девочку оглядываться, и вытянулась у неё шея, длинная-длинная стала. Говорит девочка Айоге:

— Возьми лепёшку. Мне не жалко. Совсем разозлилась Айога. Замахала на девочку руками, пальцы растопырила, побелела вся от злости: как это она, красавица, надкушенную лепёшку съест! Так замахала руками, что руки у неё в крылья превратились.

— Не надо мне ничего-го-го! — кричит Айога.

Не удержалась на берегу, упала в воду и превратилась в гуся. Плавает и кричит:

— Ах, какая я красивая! Га-га-га! Ах, какая я красивая!..

Плавала, плавала, пока по-нанайски говорить не разучилась. Все слова забыла. Только своё имя не забыла, чтобы с кем-нибудь её, красавицу, не спутали. И кричит, чуть людей завидит:

— Ай-ога-га-га! Ай-ога-га-га!

ЧУЖАЯ УРАСА

ЮКАГИРСКАЯ СКАЗКА

КАК-ТО ПОД ВЕЧЕР сидели в своей урасе* три брата. Старшего звали Лошийя, среднего — Лопчуо, младшего — Акчйн-хондо. Делать было нечего, старший брат и говорит:
— Давайте песни петь, голоса пробовать. Я первый начну.

И запел:

— Лошийя-я! Шийя! Лошийя!
Спел так и похвалил себя:
— Хороший у меня голос. Потом запел средний брат:
— Лопчуо-о! Чуо! Лопчуо! Кончил он петь и говорит:
— И я хорошо пою! Посмотрим, как наш младший споёт.

Запел младший брат:
— Акчин-хондо! Хондо-хон-до! Акчин!
Когда он кончил петь, братья говорят:
— Что ж, и у него получается. Теперь давайте вместе споём!

И запели. Каждый своё поёт. Никак песня не получается. Старший брат на младшего рассердился, младший — на среднего, а средний — на обоих:

— Зачем свои имена поёте?! Моё пойте! Тогда песня получится!

— Из твоего имени песня не получится! Моё имя петь надо! — кричат старший брат.

— А я ваших имён и знать не хочу! — кричит младший. — Я своё имя знаю и буду петь!

И затянул:

— Акчин-акчин-акчин-хондо! Хондо-хон-до-до-до-до! Акчин!

Тут братья набросились на него, стали бить. И он им спуска не даёт. Дрались, дрались — котёл опрокинули, огонь в очаге залили. Катались по полу — стрелы изломали.

Старший брат сказал:

— В уресе плохо драться. Давайте выйдем.

Вышли братья из урасы и принялись на траве драться. Старший младшего брата на землю повалил. Лежит младший брат на спине, лицом кверху. Увидел над собой звёздное небо, закричал:

— Стойте, братья! Беда идёт!

— Какая беда? Где беда? — закричали средний и старший братья.

Младший вскочил, на небо пальцем показал:

— Смотрите, чужие люди сухой тальник зажгли. Дорогу себе огнём освещают! На нас войной двинулись!

Братья испугались:

— Убегать надо! Их много, нас мало! Побежали они к реке, в лодку-стружок прыгнули, за вёсла схватились. Гребут, да так, как песню пели: один — назад, другой — вперёд, третий вёсла опустит-поднимет — ни назад, ни вперёд!

Лодка-стружок на месте крутится. Вода о борта плещется. Кажется братьям, что лодка их быстро идёт.

Старший вверх взглянул, говорит:

— Гонятся!

Опять братья гребут.

Средний вверх взглянул, закричал:

— Как будто отставать начали! Ещё вёслами помахали. Младший задрал голову, сказал:

— Отстали!

А на самом деле уже наступило утро. В сером небе звёзды померкли.

— Знаю, почему отстали, — сказал старший брат. — Они нашу урасу грабят!

— Ясное дело — грабят! — сказал средний.

— Котёл унесут, шкуры унесут! Что делать? — убивается младший.

Вдруг видят братья: стоит на берегу ураса. Хорошая ураса, большая.

— Наверное, это жилище вражеских воинов, — говорит старший.

— А чьё же?! Конечно, их! — отвечает средний.

— Если они наше жилище грабят, мы их урасу разорим! — закричал младший и выпрыгнул из лодки.

За ним и двое других братьев выскочили. С криком бросились они к вражескому жилью. Шесты изломали, шкуры сорвали, котёл схватили, в лодку унесли. Опять роятся на том месте, где чужая ураса стояла. Младший брат нашёл лук. Поднял его и закричал:

— А ведь это мой лук! Я сам его делал!

— Не может быть! — отмахнулся старший.

Сказал так и свой лук увидел.

— Послушай, — толкнул он среднего. — Кажется, Акчин-хондо не совсем глупый. Я тоже свой лук нашёл.

А средний брат третий лук в рука-х держит, рассматривает, головой качает:

— Луки, выходит, наши. Может, и ураса наша?

Разобрали шкуры, что в кучу бросили, всё узнали.

— Вот этого оленя я убил!

— Этого я!

— А эта медвежья шкура нам ещё от отца досталась!

Посмотрели братья друг на друга. Друг у друга спросили:

— Как же так вышло: всю ночь гребли — к своей же урасе приплыли?

И решили братья: не иначе, какой-то шаман* их песне позавидовал, туман на их глаза, в их головы наслал. До того только не додумались, что у этого шамана имя есть. Догадайтесь сами какое!

ВЕЛИКАНША МАЙЫРАХПАК

ЭСКИМОССКАЯ СКАЗКА

ТАК, ГОВОРЯТ, было. Пошли однажды пять девочек в тундру. Увидела их великанша Майырахпак, догнала, посадила в камлэйку*. Девочки испугались, заплакали, а великанша подошла к дереву и сказала:

— Дерево, наклонись! Дерево наклонилось. Майырахпак привязала девочек к его верхушке и сказала:

— Дерево, поднимись!

Дерево поднялось. Великанша оставила девочек на дереве, а сама ушла. В это время мимо проходил медведь. Девочки попросили:

— Мёведище, хороший, отвязи нас!

— Нет, не отвязу! — сказал медведь. — Когда мы, медведи, еду ищем, ваши охотники стараются убить нас! — И ушёл.

— Плохой ты! — сказали девочки. Пролетал мимо ворон, девочки и его попросили:

— Ворон, миленький, отвязи нас!

— Нет, не отвязу! Когда мы прилетаем к вам, чтобы подобрать остатки пищи, вы кидаете в нас чем попало! — сказал ворон и улетел.

Пробегала мимо лисичка. Девочки попросили её:

— Лисичка, добрая, отвяжи нас! Пожалела лисичка девочек, подошла ближе к дереву, спрашивает:

— Как же вы туда забрались?

— Майырахпак нас привязала, велела дереву наклониться, а потом снова подняться!

— Дерево, наклонись! — сказала лисичка. Дерево наклонилось, лисичка развязала камлейку, и оттуда вышли четыре девочки, а пятая так крепко в рукаве уснула, что подружки не смогли её разбудить. Наполнили девочки камлейку ягодами, а сами убежали.

Тем временем Майырахпак возвращалась и точила на ходу свой большой нож. Она подошла к дереву и сказала:

— Дерево, наклонись!

Когда дерево наклонилось, Майырахпак разрежала один рукав камлейки и оттуда посыпались ягоды.

— О-о! Глазки, глазки! — обрадовалась великанша.

Разрезала она второй рукав и поранила девочке мизинец. Девочка вывалилась из кам-лейки, испугалась и заплакала:

— Только не убивай меня! Я буду работать у тебя, буду зажигать тебе жирники*.

— Ну, если так, ладно! — согласилась Майырахпак.

Она взяла девочку за руку и повела к себе домой. Всю одежду с девочки она сняла, порвала и выбросила. Так девочка осталась жить в землянке у великанши.

Однажды она попросила:

— Бабушка, отпусти меня погулять!

— Что же ты наденешь? Ведь у тебя нет ни торбасов*, ни кухлянки*.

— Я надену твои торбаса и кухлянку. Выпустила Майырахпак девочку на улицу и привязала её к столбу яранги*, чтобы та не убежала.

Девочка посмотрела на видневшуюся вдали песчаную косу, увидела там двоих мужчин и запела: Там вдали я вижу двоих мужчин. Они идут сюда. Один идёт с копьём, Другой — с луком!

Услыхала великанша голос девочки, спрашивает:

— О чём ты там поёшь, доченька?

— Да так, ни о чём. Я вспоминаю своих братьев Нбгьяке и Мытылюка.

В это время к девочке подошли двое мужчин. Это были её братья. Они отвязали сестру и убежали с нею. Майырахпак позвала:

— Доченька, доченька!

Но ей никто не ответил. Тогда она вышла из яранги и увидела убежавших. Великанша побежала вдогонку и закричала:

— Берегитесь! Догоню — всех съем!

И вот уже колдунья совсем близко. Тогда братья сказали девочке:

— Сестрица, Майырахпак порезала тебе палец. Теперь ты тоже, наверное, стала колдуньей. Сделай же что-нибудь!

Девочка взяла камень, положила его на дорогу и провела по нему порезанным мизинцем. И камень сразу превратился в высокую, неприступную скалу. Но Майырахпак поднялась на эту скалу, спустилась с неё вниз и снова погналась за беглецами.

Братья говорят:

— Сестрица, сделай что-нибудь! Девочка подула на порезанный палец и провела им черту через дорогу. И на месте черты появилась река.

Майырахпак закричала:

— Доченька, доченька, как же мне реку перейти?

— А ты воду из реки выпей! — ответила девочка.

И вот стала великанша воду из реки пить. Пила, пила — всю выпила. Живот у неё стал большой-пребольшой и лопнул.

ГАДАЗАМИ

УДЭГЕЙСКАЯ СКАЗКА

ЖИЛ ОДИН ЖАДНЫЙ, богатый человек. Звали его Гадазамй. Что ни увидит у бедного — обязательно отнимет. Все его боялись. Ничего с ним сделать не могли.

— Я избавлю вас от него, — сказал весёлый охотник Гаха.

— Как же ты это сделаешь, Гаха? — спросили его.

— Да уж сделаю! — ответил Гаха, взял пустой сундук, нагрузил его камнями и пошёл к речке. Сел он в берестяную лодочку — оморочку, отъехал от берега, опустил в воду сундук и делает вид, что тянет его обратно.

В это время по берегу шёл Гадазами.

— Эй! — закричал он, увидев Гаху. — Что ты там делаешь?

— А вот сундук с золотом достаю! — ответил Гаха.

— С золотом? Подожди, Гаха, я тебе помогу!

Сел Гадазами в оморочку, гребёт к охотнику, пыхтит, торопится. Только подплыл, а Гаха взял да и опустил сундук в воду.

— Ах ты! — закричал Гаха. — Упустил сундук-то! Придётся снова нырять. Вот горе-то какое!

А Гадазами даже побелел. Рассердился, веслом охотника ударил.

— Растяпа! — кричит. — Подожди, надо подумать, как лучше нырять! — И начал халат с себя стаскивать.

— Я-то знаю, как нырять, — говорит Гаха. — Я-то достану!
— Ничего ты не знаешь. Я прыгну первым! — кричит Гадазами.
— Не достанешь ты!
— Нет, достану!

Гадазами и нырнул, вцепился в сундук, дёргает его, а поднять не может. Ему уже и дышать нечем, а он всё за сундук держится.

Так и утонул. Ну и пускай на дне лежит!

ПОЧЕМУ У СОРОКИ ДЛИННЫЙ ХВОСТ

ИТЕЛЬМЕНСКАЯ СКАЗКА

РАНЫШЕ У СОРОКИ хвост был коротким, как у всех птиц. Но болтлива она была всегда. Где что услышит — сразу по всей тайге разнесёт да ещё и от себя прибавит. Житья от неё птицам не стало. Вот они и пожаловались орлу. Созвал орёл на совет всех птиц и говорит сороке:

— Голубушка, язык у тебя больно длинный. Болтаешь много лишнего. Обижаешь птиц напрасно.

— Это я-то болтаю?! — встрепелась сорока. — Неправда! Это всё куропаткины сплетни! Уж я-то её знаю! Сама видела: ночью куропатка из гнезда в тундру летала. Где это видано, чтобы порядочная птица...

— Постой! — остановил её орёл. — Ты же опять сплетни распускаешь!

— Да какие это сплетни?! Вот ворона вчера своему мужу каркала, что кукушка все яйца в чужих гнёздах побила...

— Да прекрати же ты! — грозно вскричал орёл. — Ты, видно, не понимаешь, где находишься.

— Это я-то не понимаю?! — тараторила сорока. — Да вы на глухаря посмотрите: вот он и вправду всякий стыд потерял. Взгляните, как он вырядился! Даже брови покрасил!..

— Хватит! — закричал орёл. — Видно, ты, сорока, неисправима. Подальше надо держаться от тебя. Пусть же за твоим длинным языком тянется и длинный хвост, чтобы птицы сразу узнавали тебя и остерегались.

С тех пор и носит сорока длинный хвост. Где она появляется, там птицы в кусты улетают — от греха подальше.

КАК ЗМЕЕВ ПОБЕДИЛИ

ЭВЕНКИЙСКАЯ СКАЗКА

ЖИЛИ НА СВЕТЕ три сестры: старшая, средняя и младшая. И был у них брат Гончауль. А родители их давно умерли.

Сестры были самыми красивыми в округе, а Гончауль — самым сильным парнем в тайге. После смерти отца права хозяина чума* к нему перешли. Да только в чуме ничего не было. Одни сёстры-невесты...

Многие парни заглядывали в чум, сватались, но Гончауль не соглашался отдать за них своих сестёр.

Однажды над чумом змей трёхглавый взвился. Чёрными крыльями машет. Ветер поднялся, а от того ветра сосны гнутся. Покружил змей над чумом, сел, громовым голосом зовёт Гончауля:

— Выйди, хозяин, ко мне!

Вышел Гончауль, спрашивает:

— Что тебе нужно, змей трёхглавый?

— Отдай старшую сестру за меня замуж!

— Нет, не отдам!

— Ну, так я украду её! — сказал так трёхглавый змей, взвился вверх и скрылся за горами.

Шесть дней и шесть ночей не спал Гончауль — сестёр охранял, а на седьмую ночь заснул. Проснулся, а старшей сестры уже нет. Плакали сестры, горевал брат, только слезами горю не поможешь.

А тут новое горе пришло. Через три дня над чумом змей двуглавый взвился. От крыльев его ветер поднялся, молодые сосенки* гнутся. Покружил змей над чумом, сел, громовым голосом зовёт Гончауля:

— Выйди, хозяин, ко мне! Вышел Гончауль, спрашивает:

— Что тебе нужно, змей двуглавый?

— Отдай среднюю сестру за меня замуж!

— Нет, не отдам!

— Ну, так я украду её, как украл мой брат твою старшую сестру! — сказал так двуглавый змей, взвился вверх и скрылся за лесом.

Четыре дня и четыре ночи не спал Гончауль — сестёр охранял, а на пятую ночь заснул. Проснулся, а средней сестры уже нет. Рыдала младшая сестра, охал брат, но только горю этим не поможешь.

А горе снова пришло. Через день над чумом змей одноглавый пролетел. От взмахов его крыльев ветер поднялся, трава к земле приклонилась. Покружил змей над чумом, сел, громовым голосом зовёт Гончауля:

— Выйди, хозяин, ко мне! Вышел Гончауль, спрашивает:

— Что тебе нужно, змей одноглавый?

— Отдай младшую сестру за меня замуж!

— Нет, не отдам!

— Ну, так я украду её! — сказал так одноглавый змей, взвился вверх и скрылся за болотом. Два дня и две ночи не спал Гончауль — сестру охранял, а на третью ночь заснул. Проснулся, а младшей сестры уже нет.

Сел Гончауль на пень и горько заплакал. Думает-гадает: как жить дальше? Как найти и выручить сестёр?

Вдруг откуда-то с небес голос раздался:

— Мы тебя научим!

Кто бы это мог быть? Смотрит Гончауль в высь поднебесную, видит: летают над ним два орда — один постарше, другой помоложе. Сели они на дерево, человеческими голосами заговорили. Старший сказал:

— Далеко-далеко у моря стоит высокая гора. Такая высокая, что на неё редко кто взбирается. На той горе золотой чум, в чуме живёт змей всех змеев по имени Шестигла-
вый. Многие пытались отрубить ему головы, но не смогли. Оттого и наши с тобой несчастья. А будут они до тех пор, пока на свете живут змеи. Рядом с золотым чумом стоит второй, берестяной чум. Тысячи змеев и сам Шестиглавый охраняют тот чум, а живёт в нём самая красивая девушка на свете — Оланг-мук. Кто к той девушке зайдёт — секрет победы над Шестиглавым узнает. Иди туда! И твои сестры снова будут с тобой!

— Только горсть земли родной в карман положи, — говорит орёл помоложе. — Она тебе поможет. Сыпь её змеям в глаза. А когда дойдёшь до той горы, вспомни о нас.

Сказали так орлы, взвились в небо и скрылись за облаками.

Поклялся Гончауль дойти до Олангмук и отправился в путь. Шёл день, месяц. Целый год шёл, а на второй увидел вдали много гор высоких, а среди них гору выше всех. И на горе той виден чум золотой, на солнце блестит. А кругом змеи летают.

Стал Гончауль на гору подниматься, глядит: дом белокаменный стоит. «Дай, — думает, — зайду. Отдохну и дорогу к золотому чуму расспрошу». Только дверь открыл, а на пороге старшая сестра стоит, в руках скребок* держит. Видно, шкуры выдывала. Увидела брата, ахнула, скребок уронила, горько заплакала:

— Милый брат! Откуда ты взялся? Как меня нашёл? Ой, тяжело в неволе! Змей трёхглавый день и ночь заставляет работать. Возьми меня отсюда!

— Скоро, скоро, сестра, возьму! — отвечает Гончауль. — Расскажи только, как к золотому чуму пройти.

— Ой, что ты, брат! До того чума ещё никто не доходил. И тебе не дойти...

— Нет, я дойду! — отвечает Гончауль. Видит старшая сестра, что брат твёрдо решил, и рассказала ему дорогу:

— Иди по той дороге только ночью, когда змеи спят. Дойдешь до дома деревянного. Кто там живёт, я не знаю. Там спросишь, как дальше идти.

Простились они, и Гончауль пошёл дальше.

Идёт он по той, мало кому известной, дороге. Крутая она. По сторонам колючки растут. Идёт Гончауль, сорвётся, за колючки руками ухватится. Одежду изорвал, руки в кровь изрезал. На пятый день увидел на горе деревянную избушку. «Дай, — думает, — зайду. Отдохну и дорогу расспрошу». Только дверь открыл, а на пороге средняя сестра стоит, иглу и камыс* в руках держит. Видно, унты* шила. Увидела брата, ахнула, иглу и унты из рук выронила, горько заплакала:

— Брат родной! Откуда ты взялся? Как меня нашёл? Ой, тяжело в неволе! Змей двуглавый день и ночь заставляет работать. Возьми меня отсюда!

— Скоро, скоро, сестра, возьму! — отвечает Гончауль. — Расскажи только, как к золотому чуму пройти.

— Ой, что ты, брат! До того чума ещё никто не доходил. И тебе не дойти...

— Нет, я дойду! — отвечает Гончауль. Видит средняя сестра, что брат твёрдо решил, и рассказала дорогу:

— Иди по той дороге только ночью, когда змеи спят. Дойдешь до дома серебряного. Кто там живёт, я не знаю. Там спросишь, как дальше идти.

Простились они, и Гончауль пошёл дальше.

Идёт он по той, мало кому известной, дороге, а она ещё круче первой. По сторонам иглы острые из земли торчат. Идёт Гончауль, сорвётся, за иглы руками ухватится. Всё тело в кровь исколол. На седьмой день увидел на горе серебряный дом. «Дай, — думает, — зайду. Отдохну и дорогу

расспрошу». Только в дом зашёл, а на пороге сестра младшая стоит, поварёшку в руке держит. Видно, мясо варила. Увидела брата, ахнула, поварёшку из рук выронила, горько заплакала:

— Брат родной! Откуда ты взялся? Как меня нашёл? Ой, тяжко в неволе! Змей одноглавый день и ночь заставляет работать. Возьми меня отсюда!

— Скоро, скоро, сестра, возьму! — отвечает Гончауль. — Расскажи только, как к золотому чуму пройти.

— Ой, что ты, брат! До того чума ещё никто не доходил! И тебе не дойти...

— Нет, я дойду! — отвечает Гончауль. Видит младшая сестра, что брат твёрдо решил, и рассказала дорогу:

— Иди по той дороге только ночью, когда змеи спят. Дойдешь до золотого чума — опасайся Шестиглавого!

Простились они, и Гончауль пошёл дальше.

Идёт он по той, мало кому известной, дороге, а она ещё круче стала. По сторонам огненные прутья из земли торчат. Идёт Гончауль, сорвётся, за прутья ухватится. Все руки сжёт. На двенадцатую ночь на горе золотой чум увидел. Рядом берестяной чум стоит. Вокруг змеи спят.

Подошёл Гончауль к берестяному чуму. Только хотел войти, откуда ни возьмись — змей Шестиглавый взвился. Ударил крылом — голову Гончаулю рассёк. Замертво упал Гончауль. Вскочили змеи, шум подняли, разорвали Гончауля на части и в ущелье сбросили.

Лежит Гончауль, вороны его клюют, вот уж одни белые кости остались. А далеко-далеко за горами в это время два орла между собой разговаривают:

— Где-то наш Гончауль? Что-то долго не возвращается!

— Надо туда слетать и узнать, что случилось.

Взвились орлы и полетели. Высоко в небе вьются над теми горами. Увидели кости, догадались, что случилось.

Опустились орлы в ущелье, сложили кости Гончауля, как они должны быть, принесли в клювах живой воды. Брызнули на кости, они мясом обросли. Дунул орёл постарше в лицо Гончаулю, тот проснулся, на ноги вскочил:

— Ух, как долго я спал!

— Спал бы ты вечно, если бы не мы! — говорит орёл постарше.

— Почему не сыпал землю в глаза змею? — спрашивает орёл помоложе.

— Ох, забыл! Простите меня! — говорит Гончауль.

— Больше не забывай! Это тебе наука будет! Возьми ещё горсть земли и вот эту золотую коробочку. Откроешь первую крышку — столы с разными яствами появятся. Откроешь вторую — музыка заиграет, весело станет. А теперь иди!

Попрощались орлы с Гончаулем, улетели за синее море. А Гончауль снова к золотому чуму пошёл. Шестиглавого дома не было. Окружили Гончауля змеи, вот-вот схватят, а он им в глаза по зёрнышку землю бросает, змеи тут же погибают. Только на их месте другие появляются. Бросал Гончауль землю, бросал — она вся и вышла, а змеев ещё тьма-тьмушая. Схватили они Гончауля, в пещеру потащили, там бросили и на пятипудовый замок закрыли.

Смотрит Гончауль: сидят в подземелье люди. Кто уже умер, а кто умирает с голоду. Открыл он первую крышку на золотой коробочке — появилось двенадцать столов, на них яства стоят. Крикнул Гончауль:

— Ешьте, люди добрые, кто в живых остался!

Наелись люди, сразу повеселели. Открыл Гончауль вторую крышку — музыка заиграла, люди пустились в пляс. Услыхала музыку Олангмук и захотелось ей посмотреть. Пришла она к подземелью, открыла замок. Смотрит, удивляется.

Гончауль закрыл коробочку, и сразу всё стихло. Коробочка осветила подземелье, заметила её Олангмук. Велела она Гончауля к себе в чум привести. Пришёл Гончауль. Олангмук накормила его, спать уложила, а когда он проснулся, рассказала, где спрятана смерть Шестиглавого:

— Есть в горах большое озеро. К нему протоптана тропа. И по той тропе бык ходит. Если быка убьёшь, в его животе собаку найдёшь, а в животе собаки заяц прыгает, у зайца в животе утка бьётся. Утку убьёшь — два яйца найдёшь. В каждом яйце по одному оводу сидит. Не отпускай тех оводов — в них смерть всех змеев!

Гончауль поблагодарил Олангмук и стал собираться в путь. Приготовил ружьё « патроны.

Олангмук дала ему красный платочек и сказала:

— Когда из чума или в чум будешь идти, платочком помаши — ни один змей на тебя не бросится!

Идёт Гончауль тропой к озеру. Вдруг из кустов лиса выскочила. Сдёрнул Гончауль ружьё с плеча, хотел лису застрелить, а она говорит человеческим голосом:

— Не убивай меня, Гончауль! Я тебе пригожусь...

Не убил Гончауль лису, дальше пошёл. Вдруг видит: впереди на берёзе орёл сидит, громко кричит. Хотел Гончауль его убить, а орёл говорит человеческим голосом:

— Не убивай меня, Гончауль! Я тебе пригожусь...

Опустил Гончауль ружьё, дальше пошёл. Долго шёл. К озеру вышел. Видит: щука на берегу в кустах запуталась, кричит человеческим голосом:

— Распутай, меня, Гончауль! Добром тебе за это отплачу...

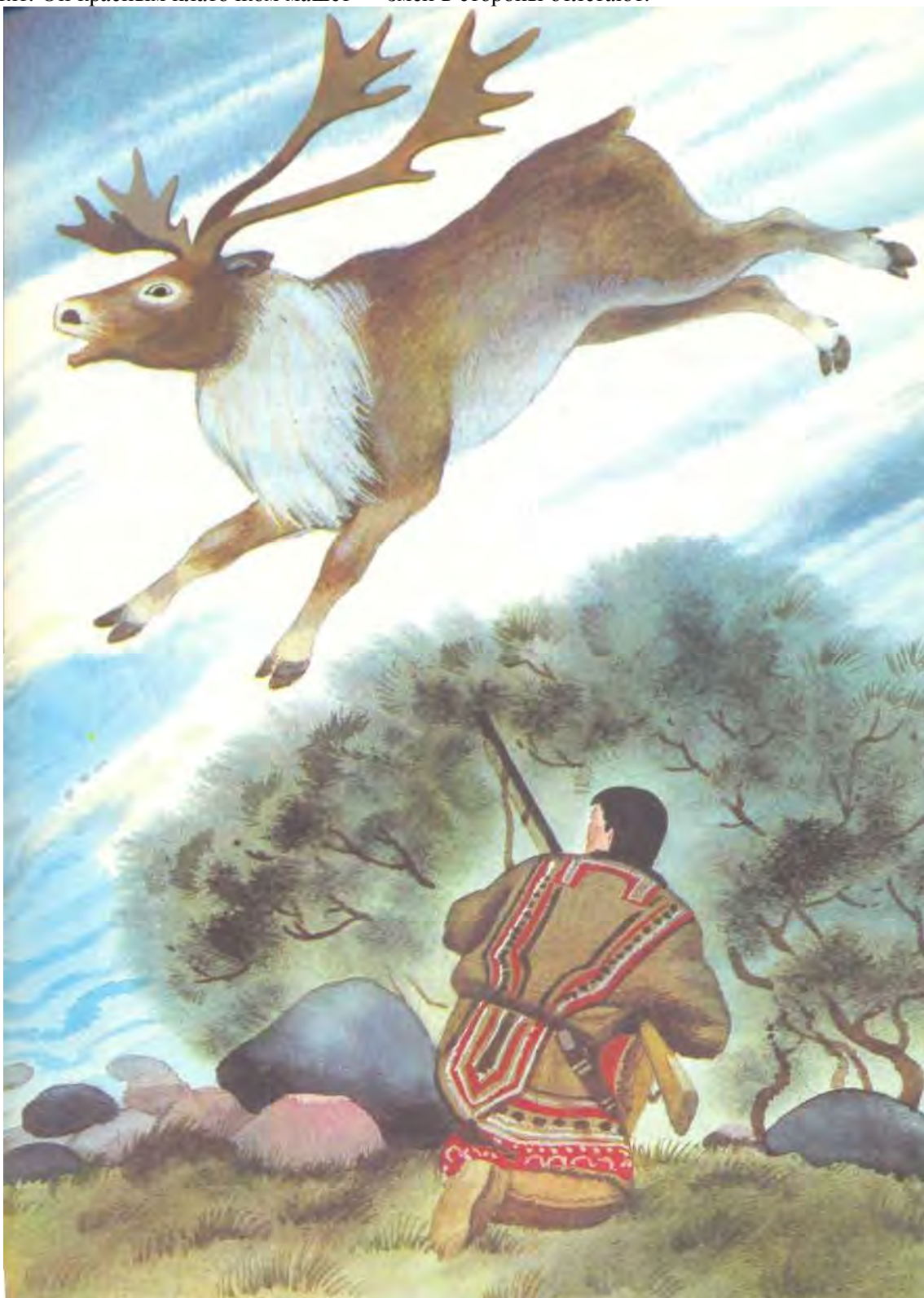
Удивился Гончауль. Шуку распутал, в воду отпустил. Отошёл, в кустах притаился — быка ждёт.

Солнце уж за горы садится. Вдруг земля задрожала. Видит Гончауль: из леса рыжий бык бежит прямо к воде. Выстрелил Гончауль — бык упал. Разрезал Гончауль его живот — оттуда выскочила собака и побежала. Выстрелил Гончауль ей вдогонку — собака упала замертво, а из неё заяц выскочил, в кустах скрылся. Сел Гончауль на камень, голову с горя опустил — всё пропало!

Тут лиса из чащи выскочила, за зайцем бросилась, догнала, Гончаулю принесла. Разрезал Гончауль зайцу живот — оттуда утка вспорхнула. Только Гончауль заплакать хотел, смотрит: орёл за уткой вдогонку полетел. Утку поймал и Гончаулю передал.

Разрезал Гончауль утку, вынул два яйца. «Яйца-то никуда не убегут и не улетят», — обрадовался Гончауль, положил их на бережок и стал умываться. А яйца в озеро покатались, на дно нырнули.

Не успел Гончауль испугаться, как показалась из воды щука — одно яйцо во рту, другое на носу. Схватил Гончауль яйца, в карман положил, к Олангмук побежал. А змеи его окружают, схватить хотят. Он красным платочком машет — змеи в стороны отлетают.

Прибежал Гончауль к Олангмук, отдал ей яйца, она их разбила — оттуда два овода вылетели. Раздавил Гончауль оводов. Вышли они с Олангмук из чума, видят: возле золотого чума Шестиглавый мёртвый валяется, а кругом и все остальные змеи, тоже мёртвые. К чуму сестры Гончауля идут, улыбаются. А в небе два орла летают. На землю сели, говорят: — Спасибо вам, Гончауль и Олангмук! Вы дали нам счастье!

ОХОТНИК И ТИГР

НИВХСКАЯ СКАЗКА

ОТПРАВИЛСЯ раз охотник с сыном в тайгу охотиться на соболя. Пришли, нарубали молодых ёлок, около толстой берёзы с развилиной построили шалаш. Отец говорит:

— Опасно здесь в тайге, страшно...

— Я никого не боюсь! — отвечает сын. — Нет у меня страха! Кто бы ни напал — всех одолею!

Стал отец укорять его:

— Не говори так. Мал ты ещё, не много у тебя силы. Лучше скажи: всех боюсь!

— Нет, — говорит сын, — не скажу так! Где у меня силы не хватит, там я ловкостью возьму. С любым врагом справлюсь!

Не успел он сказать это, как подошёл к шалашу большой тигр. Заглянул он в шалаш и спрашивает:

— Кто это тут хвастается, что всех одолеет?

Отец увидел тигра, испугался, весь от страха затрясся, еле вымолвить мог:

— Не я это говорил... Я всех боюсь... И тебя сильно боюсь... Отвернись, не гляди на меня: я хочу выйти из шалаша!

Тигр отвернулся и выпустил охотника. Побежал охотник что было сил. Тигр опять спросил:

— Так кто же это тут собирался со всеми справиться? Кто тут никого не боится?

Не испугался мальчик, ответил:

— Я никого не боюсь! Я со всеми справлюсь!

Тигр говорит:

— Ну, тогда давай бороться. Если ты сильнее — ты меня убьёшь. Если я сильнее — я тебя съем!

Тут тигр просунул голову и лапы в шалаш и приготовился схватить мальчика. Мальчик подпрыгнул, хотел перескочить через тигра. Тигр поднял голову и не пускает.

— Ну, что теперь будешь делать? Мальчик попробовал проскочить низом.

Тигр присел и опустил голову.

Опять нельзя выскочить!

Тогда мальчик придумал хитрость: сделал вид, будто опять низом проскочить хочет. Тигр присел, опустил голову, ждёт. А мальчик изловчился — скок! — неожиданно перескочил через него и быстро взобрался на самую верхушку берёзы. Тигр бросился за ним, хотел схватить, да не успел. С разбегу попал головой в развилину, застрял и повис. Дерёт тигр лапами берёзовую кору, бьёт длинным хвостом, рычит — высвободиться не может.

Тут мальчик спустился с берёзы и сказал:

— Говорил я, что никого не боюсь, всех одолею?

Молчит тигр, ничего ответить не может. И хвостом бить перестал — совсем умирает.

Посмотрел мальчик на тигра и думает: «За-чем тигру умирать?» Взял он топор, взобрался на берёзу и срубил один сук развилины. Высвободился тигр и упал на землю. Долго лежал. Потом очнулся, встал на ноги. Стоит под берёзой, смотрит вверх, на сук, где мальчик уселся, и не уходит.

Мальчик говорит:

— Почему ты не уходишь? Уходи! Взглянул тигр на мальчика и сказал:

— Ты смелый и ловкий. И добрый: не дал мне зря умереть. Спускайся вниз — повезу тебя к себе в гости, хороший подарок дам.

Спустился мальчик с берёзы. Тигр велел ему сесть на него верхом и отправился в путь.

Пошёл он через тайгу, через горы. Долго шёл. Поднялся он на вершину самой высокой горы. Смотрит мальчик: место жилое — большая зимняя юрта*, собаки на привязи. Вокруг юрты на шестах висят тигровые шкуры.

Спустился мальчик с тигра, обернулся, а тигра уже нет — перед ним стоит молодой высокий юноша, а рядом на земле лежит тигровая шкура. Удивился мальчик, не знает, что и думать. А юноша повесил на шест тигровую шкуру и говорит:

— Мы только в ваших местах в виде тигров ходим, а здесь людьми становимся. Пойдём со мной в юрту.

Вошли они в юрту. Там седой старик сидит. Посмотрел он на мальчика и спрашивает юношу:

— Кого ты привёл ко мне?

— Отец, этот охотник спас меня от смерти. Я думал, что я сильнее его и вызвал его на борьбу. А он ловкий — перескочил через меня, на дерево взобрался. Я хотел схватить его, да попал в развилину. Если бы он не срубил сук развилины, я бы умер, не вернулся бы к тебе — не было бы у тебя сына!

Старик кивнул и сказал:

— За это дадим ему хороший подарок! Пошёл старик и принёс большие нарты*.

Стал на них собольи шкуры класть. Долго

клат. Столько положил, что и не сосчитать. Потом сказал:

— Ну, теперь отправляйся домой! Мальчик говорит:

— Как я домой пойду? Я дороги не знаю, в тайге заблужусь.

— Не заблудишься: нарты сами поедут. И правда, нарты сами поехали. С высокой горы спустились, через другие горы перевалили, потом по тайге поехали. Долго ехали. Наконец подъехали к отцовской юрте. А отец в юрте сидит, горюет. Из щепки вырезал фигурку сына, смотрит на неё, плачет. Сам думает: «Съел его тигр! Один я остался... Как жить буду?»

А сын возле юрты стоит, отца зовёт. Вышел отец, глядит — глазам не верит: перед ним сын — цел и невредим, да ещё столько собольих шкурок привёз, что всем охотникам стойбища* и за пять лет не добыть!

ХОЗЯИН И РАБОТНИК

НЕНЕЦКАЯ СКАЗКА

ЖИЛИ ДВА БРАТА. Бедно жили. Вот однажды и говорит один брат другому:

— Придётся одному из нас идти в работники к богачу.

Пошёл к богачу старший брат. Богач говорит:

— Будешь работать у меня до весны, пока не закричит кукушка. И вот что я тебе ещё скажу: ты ни на что не должен обижаться. Если обидишься, отдашь мне сто оленей. Если же я на тебя обижусь, тогда я отдам тебе сто оленей.

— Но у меня нет оленей! — говорит бедняк.

— Ну, тогда будешь работать у меня до следующей осени.

Подумал бедняк, подумал и согласился. «Уж я-то ни на что не обижусь», — решил он про себя и начал работать у богача.

Однажды утром послал хозяин работника в оленьё стадо:

— Ступай, на улице уже светло. Вернёшься, когда стемнеет.

Целый день пробыл работник в стаде. Когда солнце скрылось, вернулся он в чум*.

— Почему ты уже вернулся? — спрашивает хозяин.

— Ведь солнце скрылось, вечер наступил! — отвечает бедняк.

— Верно. Уже наступил вечер, но я ведь тебе так говорил: «Работай, пока не стемнеет». Сейчас, правда, солнце скрылось, но вместо него луна взошла.

— Что же это? Так мне придётся работать все дни и ночи! — говорит бедняк.

— Ты что, обиделся на меня? — спрашивает богач.

— Нет, не обиделся! — ответил работник и пошёл опять в стадо.

Всю ночь луна светила, всю ночь провёл работник в стаде. Утром луна спряталась, вместо неё солнце на небо взошло.

Бросился работник на землю, стал хозяина бранить:

— Так и придётся мне работать всё время! Сам-то богач не работает, сытно ест, а меня не кормит, одежды не даёт!

Не видел бедняк, что богач был в это время рядом и всё слышал.

— Ты на меня обиделся, — говорит богач. — Давай сто оленей, а не то придётся тебе работать до осени.

Проработал бедняк у богача до следующей осени и вернулся домой с пустыми руками. Спрашивает его брат:

— Ну, сколько оленей тебе богач дал? Рассказал старший брат, как он работал, младший ему и говорит:

— Теперь ты оставайся дома, а я работать пойду!

Говорит богач младшему брату:

— Работать у меня будешь до тех пор, пока кукушка в лесу не закричит. Пока работаешь, на меня не обижайся, иначе отдашь мне сто оленей. Если же я на тебя обижусь, я тебе отдам сто оленей.

— Хорошо, — говорит бедняк. — Только ста оленей мало. Давай так договоримся: кто первый обидится, другому тысячу оленей отдаст!

Долго думал богач, наконец сказал:

— Пусть так! — А про себя подумал: «У меня же оленей больше будет!»

Вот на другой день солнце уже взошло, а работник всё спит. Стал богач будить его:

— Вставай! Солнце уже давно поднялось, а ты всё спишь!

— Ты что, на меня обижаешься? — спрашивает работник.

Богач говорит:

— Нет, я не обижаюсь. Просто я говорю тебе: «Иди в стадо».

Стал работник потягиваться.

— Скорее, уж очень медленно ты собираешься, — торопит его богач.

А работник опять спрашивает:

— Ты что, обижаешься на меня?

— Нет, не обижаюсь, — отвечает богач. — Только если ты будешь так возиться, опоздаешь на работу.

Пока работник одевался, умывался, наступил полдень. Работник и говорит:

— Знаешь, давай сначала хорошенько поедим, а уж потом я пойду на работу.

Поели, работник опять говорит:

— Уж очень я наелся. Не могу сейчас работать. Вздремну немного, — положил голову на траву и заснул.

Богач не выдержал, закричал:

— Почему ты не идёшь на работу?! Другие уже вернулись, а ты всё ещё здесь!

Открыл глаза работник, посмотрел на небо и говорит:

— Уже темнеть начинает. Пожалуй, я сегодня работать не буду.

Богач закричал ещё громче:

— Почему это ты работать не будешь?!

— А, ты начинаешь обижаться на меня? — спрашивает работник.

— Нет, я не обижаюсь. Хорошо, не ходи сегодня на работу. Давай спать ложиться. Так прошли три месяца. Не радует хозяина его новый работник.

Работает мало и ни на что не обижается. Решил богач избавиться от хитреца, думает: «Что сделать, чтобы кукушка в лесу закричала?»

Долго думал, наконец сказал жене:

— Ступай в лес и заберись на дерево. Как только мы с работником покажемся, крикни кукушкой. Только на глаза не попадайся!

Пошёл богач к работнику, на охоту зовёт. Взяли они ружья, отправились в лес. Увидела их издалека жена богача, начала кричать кукушкой.

Говорит хозяин работнику:

— Слышишь, кукушка кричит! Пора тебе заканчивать у меня работу. Ступай домой!

Понял бедняк, что богач его обманывает: разве кричат кукушки зимой?

— Ладно, — говорит, — только сначала посмотрим, что это за зимняя кукушка. Что за птица такая? — И навёл ружьё на дерево, на котором сидела жена богача.

Как увидел это богач, набросился на работника, стал ружьё отнимать, кричит:
— Если убьёшь её, плохо тебе будет!

— А ты, кажется, обиделся на меня? — спрашивает бедняк.
— Ты чуть жену мою не убил! — кричит богач. — Забирай оленей и отправляйся домой!
Взял бедняк тысячу оленей и вернулся домой.
С тех пор хорошо зажили братья.
Тут и сказке конец.

СИРОТА МАНГА И КРАСАВИЦА КЫСИ

УЛЬЧСКАЯ СКАЗКА

ДАВНО ЭТО БЫЛО. В одном стойбище* жил богатый старик. Звали его Котка. Были у него старуха жена Аякта и маленькая дочь Кыси. Котка был самым богатым человеком стойбища. Было у него три амбара. Один набит мясом, юколой*, другой — лисьими и собольими шубами, дорогим шёлком, вышитыми халатами, третий — ружьями, снастями и разным рыболовным имуществом.

Взял Котка одного мальчика-сироту к себе. Звали сироту Манга. Котка его за человека не считал. Мясо, рыбу ли едят — Манга только кости глодает, ему только объедки достаются. Старуха Аякта работать сироту заставляла днём и ночью.

К Котке по вечерам много гостей приходило. Соберутся и разные сказки, одна другой страшней, рассказывают. Манга в своём углу, дрожа от страха, слушает, пока не заснёт. А Аякта нарочно Мангу ночью на речку за водой пошлёт.

Только маленькая Кыси жалела Мангу. Если отец и мать начинали его бить, она куда-нибудь уходила и плакала. Тайком она делилась с Мангой лепёшками.

Вот так сирота и жил. Мало ли, много ли времени прошло — стал он красивым юношей. И Кыси красавицей стала. По всему Амуру ищи — таких не найдёшь! Парень и девушка полюбили друг друга, решили стать мужем и женой.

Пошёл Манга к старикам, пал в ноги, Кыси в жёны просит. А старик со старухой обругали его, прогнали. Тогда Кыси сказала родителям:

— Делайте со мной что хотите, а я Мангу люблю. Ни за кого больше замуж не пойду! Не отдадите за Мангу — в Амуре утоплюсь!

Что делать? Котка и Аякта свою дочь любили — одна она у них была. Но как единственную дочь за бедного отдать? И стали они думать, как от Манги избавиться. Самых почётных, самых богатых стариков пригласили. Все вместе думали. День думали, ночь думали, не одну трубку выкурили. Вот поднял голову самый большой шаман*:

— Старые люди так рассказывали. Далеко-далеко отсюда, за девятью» сопками, за сорока болотами, есть речка. Та речка не простая — человеческой кровью течёт. Там живёт хозяин речки — большое чудовище си-мули. Много человеческих костей вокруг лежит. Ни зверь, ни птица к речке близко подойти не могут: симули их съедает. Звери и птицы плачут, то место проклинают. Ты, Котка, скажи Манге, что тогда ты Кыси ему в жёны отдашь, когда он принесёт тебе голову симули.

Обрадовался Котка, Мангу к себе зовёт:

— Хочешь стать моим зятем — слушай мои слова. Мать Кыси тяжело больна. Есть за девятью сопками, за сорока болотами речка. В той речке чудовище симули живёт. Убей чудовище и принеси его голову мне. Старуха съест его мозг и сразу поправится. Так сказал наш великий шаман. Сделаешь, что я тебе сказал, — Кыси твоей женой будет. Моё слово твёрдое.

Что поделаешь? Взял Манга топор, нож и немного юколы, впрягся в нарты* и пошёл.

Сколько Манга шёл, никто не знает. Снег, буря — Манга всё идёт. Ноги отказываются идти — Манга ползком ползёт. Целый день ползёт, вечером назад оглянется, а его утренний костёр невдалеке дымится. И так каждый день, много дней подряд.

Однажды, съев последнюю юколу, Манга уснул. Ночью он видел сон: со стороны, где восходит солнце, прилетел орёл, сел на дерево и говорит человеческим голосом:

— Не унывай, Манга. Выслушай мои слова. Скоро ты увидишь большое дерево. То дерево в ветреные дни звенит колокольчиками. Около дерева отдохни. От того дерева хорошо видна речка. Сразу к ней не подходи. Сначала выруби шест из берёзы, заостри оба конца его. Симули, увидев тебя, скажет: «А, Манга пришёл! Давно я тебя жду!» Тогда попроси его открыть пошире пасть, скажи:

«Прыгну, чтобы проглотил». Симули пасть откроет — ты прыгни и поставь шест. Тогда симули будет в твоих руках!

Манга проснулся. Никого нет. Одни голь-ко звёзды светят да ветер шумит. Подумал, подумал Манга и пошёл. Много ли, мало ли шёл — видит: стоит большое дерево. От ветра то дерево колокольчиками звенит. А внизу, в лощине, красная речка вьётся. Отдохнул Манга у дерева, вырубил шест из молодой берёзы и стал спускаться к речке. Увидел симули Мангу, говорит:

— А, Манга пришёл! Иди, иди — я тебя¹ давно жду, проголодался.

А Манга отвечает:

— Подожди, симули. Дай перед смертью на небо, на горы полюбоваться!

Посидел Манга, оба конца шеста заострил, кричит:

— Ну, открой пошире пасть! Я тебе прямо в пасть прыгну!

Симули пасть раскрыл, а Манга как разбежался да как прыгнул — сунул в пасть симули свой шест, дотянулся до самого сердца симули и вырвал его.

Симули стал биться — горы с долиной сровнял. Потом задохнулся и скатился к речке. Манга отрубил ему голову, положил на нарты и пошёл домой. Идти обратно совсем легко. Шёл, шёл — дошёл до леса. Там нарты с головой симули оставил, пошёл в стойбище, позвал стариков. Пришли старики, боятся к нартам подойти, один за другого прячутся.

— Манга великий грех совершил, — говорит шаман. — Теперь наше стойбище постигнет беда. Не отдавай, Котка, за него дочь!

Говорит Котка Манге:

— Если ты храбрый и хочешь жениться на Кыси, выслушай меня. Далеко-далеко, куда солнце уходит ночью спать, есть озеро. В этом озере живут семь чудовищ — морских драконов паймулей. Никакой зверь, никакая птица к тому озеру подойти не могут — паймулей их съедают. Знай, Манга, что паймулей убили твоего отца. Если ты храбрый и сильный, убей этих чудовищ. Тогда отдам за тебя Кыси.

Делать нечего. Сделал Манга оморочку*, 1взял юколы и сёптулы* и поехал туда, где солнце садится. Много ли, мало ли ехал — вся еда кончилась, одежда изнасилась, обувь порвалась. Начался шторм. Одна волна в щепки разбила оморочку. Но Манга родился на Амуре. Он плыл, плыл и доплыл до песчаного острова. Огня у него нет, еды нет, ничего нет. Что делать? Думал Манга, думал, и вот ему чудится: прилетел орёл, сел рядом и говорит:

— Не горюй, Манга. Встанешь — увидишь: возле тебя будет стоять лиственница. У её корня найдёшь свою котомку. Сделай себе из лиственницы оморочку, поезжай в сторону заката, увидишь большой остров. На середине того острова будет озеро. Ближе к озеру не подходи. Там живут паймули. Убить их можно так: нарви берёсты и бросай в озеро. Паймули будут берёсту глотать, она у них в животах загорится, и они умрут!

Манга очнулся. Никого рядом нет. Только высокая лиственница появилась. У корня её котомка лежит. Содрал Манга с дерева кору, сделал оморочку, поехал в сторону заката. Много ли, мало ли ехал — видит: большой остров впереди показался. Подъехал он к тому острову, увидел чёрное озеро. Стал Манга берёсту в озеро бросать. Целый день и целую ночь носил. Только бросит берёсту — паймули сразу ловят и проглатывают. Наконец видит Манга: паймули мёртвые всплывать стали. Связал он их за усы и поехал домой.

Долго ехал Манга, наконец приехал в стойбище. Котка и шаман на паймули поглядели — от страха у них языки отнялись...

Свадьбу Манги и Кыси всем стойбищем праздновали. Такой свадьбы никто не видел. Манга все богатства Котки разделил между бедными.

С тех пор люди в стойбище хорошо зажили. А сироту Мангу и сейчас вспоминают.

КУТХ У ЖИТЕЛЕЙ МОРСКОГО ЦАРСТВА

ИТЕЛЬМЕНСКАЯ СКАЗКА

УВИДЕЛ ОДНАЖДЫ ворон Кутх на морском песке спящего краба. Подошёл к нему, стал будить:

— Эй, краб, проснись! Покатай меня!

Краб отвечает:

— Не мешай мне спать! А Кутх не отходит:

— Довольно спать! Вставай! Краб приподнял голову, расправил клешни и сказал:

— Ладно уж, садись! Покатаю тебя!

Взобрался Кутх на краба и поехал на нём по дну морскому. А краб как помчится — Кутх чуть не свалился с него, закричал:

— Остановись, а то упаду! Краб остановился, Кутх слез с него и пошёл по морскому дну. А кругом огромные водоросли извиваются и великое множество морских рыб вертится.

Шёл, шёл Кутх и подошёл к селению нерпичьего народа. Подбежали к нему нерпё-ныши на коротеньких ножках-ластах, спрашивают:

— Кто ты? Откуда идёшь?

— Я Кутх, который может жить на земле, в воздухе и под водой! — отвечает Кутх. — Отведите меня вон в тот большой дом!

Отвели его детёныши в дом старейшины. Дом большой, светлый, стены из тонкого льда. Посредине подвешен светильник, по бокам нары. В углу на ледяном кресле сидит усатый хозяин — передние лапы похожи на короткие руки, задние — на короткие ноги.

Спрашивает он:

— Зачем пришёл, Кутыхэй?

— Посмотреть, как живёт твой нерпичий народ, — отвечает Кутх.

— Раньше мы лучше жили, — говорит старейшина. — Теперь верхние жители сетями да неводами всю рыбу выловили. Нам есть нечего. Да и нас добывают — едва успеваем вырастать.

Угостили женщины-нерпы Кутху самой лучшей едой — свежей рыбой, разными рачками и морскими водорослями.

— Сытно я поел, — говорит Кутх. — А о ваших нерпичьих бедах я расскажу людям. Пусть они поберегут рыбу и для вас.

Постелили женщины-нерпы Кутху постель из морских водорослей, и он заснул... А утром проснулся в селении моржового народа.

Теперь перед Кутхом сидел в ледяном кресле огромный старый морж с длинными белыми клыками. Морж смотрел на Кутха добрыми глазами.

Моржовое жилище было таким же светлым, как и нерпичье, но гораздо больше. По бокам на нарах лежали клыкастые моржи — родственники старого моржа.

— Уважаемый Кутыхэй, — сказал морж, — я уже знаю, зачем ты прибыл в наше подводное царство. Нам не очень нужна рыба. На морском дне живут мелкие рачки и моллюски, которых мы едим. Но плохо моржовому народу от огненных стрел, которыми осыпают нас охотники. Мы с давних пор кормим людей мясом и жиром. Хотелось бы, чтобы нас добывали понемногу, столько, сколько нужно для еды и одежды.

Кутх сказал:

— Расскажу людям о вашей великой заботе..

Накормили Кутха моржихи, спать уложили, а наутро очутился Кутх в селении китового народа.

В огромном доме из прозрачного льда на каменной плите лежал старейшина — синий кит. По бокам на нарах из плит отдыхали другие киты. Старый кит сказал:

— Уважаемый Кутыхэй, мне известно, зачем ты путешествуешь в нашем подводном царстве. И я скажу тебе, как мы жили и как живём теперь. В давние времена нас было великое множество. Жили мы во всех морях и океанах. Люди добывали нас ручными гарпунами и копьями на жир и мясо. Из китовых костей строили жилища и изготавливали разные домашние вещи. Охотники добывали столько китов, что наше племя не уменьшалось. Но жадность обуяла людей, и они нарушили соглашение с миром животных. Теперь синих китов осталось совсем мало. Если люди не поймут нашей и своей беды, то моря и океаны останутся без рыбы и зверя. Скажи об этом жителям суши.

— Я непременно передам твою просьбу охотникам и рыболовам, — обещал Кутх.

Женщины-киты угостили Кутха морскими моллюсками, уложили в постель из морских водорослей, и он заснул крепким сном.

Когда же Кутх проснулся, то оказался на маленьком острове посреди бескрайнего моря. Осмотрелся он вокруг — земли нигде не видно. «Если я полечу по небу, — подумал Кутх, — то мои крылья скоро устанут, и я не доберусь до берега».

Кутх подошёл к воде и крикнул:

— Эй, жители моря — нерпы, лахтакй*, моржи, киты! Помогите мне перебраться с острова на землю!

Тут со всех сторон к острову стали подплывать жители моря и выстроились на морской глади. Ближе к берегу — нерпы, за ними — лахтакй, за лахтаками — моржи, за моржами — киты, за китами — снова моржи, лахтакй, нерпы. До самого горизонта выстроился большой живой мост, и по этому мосту Кутх перебрался на землю.

— Спасибо вам! — крикнул Кутх. — Я никогда не забуду вашей доброты!

Вот так закончилось морское путешествие Кутха.

КАК ВОРОН И СОВА ДРУГ ДРУГА ПОКРАСИЛИ

ЭСКИМОССКАЯ СКАЗКА

ДАВНО ЭТО БЫЛО. Дружно жили ворон и сова — вместе добывали пищу, делили всё поровну, нужды не знали. Долго они прожили, состарились и стали от седины белее снега.

Вот однажды сова и говорит ворону:

— Совсем мы с тобой постарели, а красивыми так никогда и не были. У всех птиц пёстрые наряды — красные, чёрные, серые, а нас с тобой только коротким летом и видно.

— И то правда, — сказал ворон, — не видно нас, когда мы на снегу сидим.

— А давай разукрасим друг друга, — предложила сова. — Сначала ты меня, а потом я тебя.

Согласился ворон. Взял он чёрный жировой нагар от светильника, выдернул из своего хвоста перо и велел сове приготовиться. Села сова на камень, и ворон осторожно стал её раскрашивать. Ходит вокруг камня и рисует на каждом перышке красивые чёрные пятна. Раскрашивает ворон сову, а сам думает: «Постараюсь её красавицей сделать. Увидит она мою работу и меня тоже красавцем сделает».

Долго ворон старался. Надоело сове сидеть, думает: «Замучил меня ворон. Вот придёт его очередь, так я его вмиг раскрашу».

Наконец закончил ворон работу и говорит:

— Смотри, какой красивой я тебя сделал! Теперь подсохни на ветру и меня покрась!

Подсохла сова на ветру и велела ворону приготовиться. Ворон сел на камень, а сова говорит: .

— Нет, садись рядом с камнем. Я по-другому тебя красить буду. Закрой глаза, а откроешь, когда я скажу!

Сел ворон у камня, глаза зажмурил, ждёт. А сова тем временем взяла светильник с чёрным жировым нагаром, взгромоздилась на камень и облила ворона с головы до хвоста. В один миг почернел ворон.

— Теперь, — говорит сова, — подсохни на ветру, а потом открой глаза и посмотри на себя. Хотя я и быстро тебя покрасила, но теперь и зимой, и летом всякий тебя заметит!

Подсох на ветру ворон, открыл глаза и закричал:

— Что ты наделала! Ты сделала меня чёрным! Теперь каждый зайчишка, каждая мышка издали увидят меня! Как же я буду добывать себе пищу? Ты сделала меня заметным!

Сова сказала:

— Сам же хотел быть красавцем! Совсем рассердился ворон:

— Я так старался тебя разрисовать! Ты теперь красавица! А меня ты сделала чёрным! И дети мои будут чёрными! Уходи отсюда, сова, уходи!

Испугалась сова. Улетела подальше от ворона.

С тех пор ворон стал чёрным, а сова — пёстрой. И старается сова не встречаться с вороном — боится его.

СТАРИК И ЕГО ДОЧЕРИ

НЕНЕЦКАЯ СКАЗКА

В ОДНОМ СТОЙБИЩЕ* жил старик с тремя дочерьми. Бедно они жили. Чум* дырявый, плохой, одежды тёплой нет. В большие морозы сидел старик с дочерьми в чуме у огня. Ночью огонь гасили, спать ложились, до утра мёрзли.

Однажды в середине зимы поднялась над тундрой страшная пурга. День метёт, другой, третий — вот-вот чумы снесёт. Люди из чумов выйти не могут, голодные сидят.

Сидит старик с дочерьми в чуме, слушает, как пурга воет, и говорит:

— Не переждать нам пургу! Послал её хозяин ветров Котура. Видно, хочет, чтобы мы ему хорошую жену прислали. Иди ты, старшая дочь, к Котуре, не то погибнет весь наш народ. Упроси его, чтобы пургу остановил!

— Как же я пойду? — говорит девушка. — Я дороги не знаю!

— Я тебе маленькие саночки дам. Толкни их против ветра и иди за ними. Будет ветер развязывать вязки на твоей одежде — ты не останавливайся, не завязывай их. Будет тебе в обувь снег набиваться — ты его не вытряхивай, не задерживайся. На твоём пути встретится высокая гора — поднимись на неё. Там остановись, вытряхни снег из обуви и завяжи вязки. Когда будешь на горе, прилетит к тебе маленькая птичка, сядет на плечо. Ты её не гони, погладь, приласкай. Потом сядь на саночки и скатись под гору. Саночки привезут тебя прямо к входу в чум Котуры. Войди в чум, но ничего не трогай. Когда Котура придёт, делай всё, как он велит.

Оделась старшая дочь, встала позади саночек и покатила их против ветра.

Немного прошла — развязались у неё вязки, холодно стало. Не послушалась она отца — стала вязки завязывать. Набилась снег в обувь — остановилась она и принялась снег выбивать. Потом пошла дальше, навстречу пурге. Долго шла. Увидела гору, поднялась на неё. Подлетела тут маленькая птичка, хотела сесть девушке на плечо, а девушка руками замахала — прогнала птичку. Села старикова дочь на саночки и скатилась под гору. Остановились саночки у большого чума.

Вошла девушка. Смотрит: лежит в чуме жареное оленьё мясо. Развела она огонь, обогрелась и стала с мяса жир отрывать. Отрывает да ест, отрывает да ест. Много съела. Вдруг слышит: кто-то подошёл к чуму. Приподнялась шкура у входа, вошёл в чум молодой великан Котура.

— Откуда ты? Что тебе здесь надо? — спросил.

— Меня отец прислал, чтобы ты взял меня в жёны.

Велел Котура девушке сварить мясо, которое он принёс с охоты, и разделить его пополам.

— Одну половину мяса мы есть будем, — сказал он, — другую положи в корытце и отнеси в соседний чум. Сама в чум не заходи, у входа стой. Выйдет к тебе старуха. Поддай ей мясо и жди, когда она вынесет тебе корытце.

Взяла девушка мясо, вышла из чума, а пурга воет, снег идёт — ничего не видно. Что найдёшь в такую метель? Девушка отошла немного в сторону, выкинула мясо в снег, а сама вернулась в чум с пустым корытцем.

Увидел Котура пустое корытце, ничего не сказал, поел и спать лёг. Наутро принёс в чум сырые оленьи шкуры и сказал:

— Пока я хожу на охоту, выделай эти шкуры и шей мне из них одежду, унты* и рукавицы. Вернусь — посмотрю, какая ты мастерица.

Ушёл Котура, а старикова дочь принялась за работу. Вдруг приподнялась шкура у входа, и в чум вошла седая старуха.

— Девушка, — сказала она, — мне в глаз попала соринка. Вытащи её!

— Не мешай мне работать! — говорит девушка. — Некогда мне!

Повернулась старуха и ушла, а старикова дочь мнёт шкуры, кроит их ножом, торопится, шьёт кое-как, да и шить-то нечем.

Вечером Котура вернулся с охоты, спрашивает:

— Готова ли одежда?

— Готова.

Пощупал Котура одежду — шкуры жёсткие, выделаны плохо, сшито всё криво, косо, не по росту. Рассердился он и выбросил старшую дочь старика далеко в сугроб. Там она и замёрзла. А пурга ещё сильнее завывала...

Сидит старик в своём чуме, слушает, как пурга воет, шумит и днём и ночью, и говорит:

— Не послушалась меня старшая дочь! Не делала так, как я велел! Оттого и не перестаёт выть пурга: сердится Котура. Собирайся в дорогу, средняя дочь!

Сделал старик маленькие саночки, рассказал средней дочери всё, как и старшей, и отправил её к Котуре.

Покатила средняя дочь саночки навстречу ветру. Дорогой у неё вязки развязались, в обувь снег набился. Забыла она отцовский наказ — раньше времени вытряхнула снег из обуви, вязки завязала.

Поднялась на гору, увидела птичку, замахала руками — прогнала её. Села на саночки и скатилась под гору, прямо к чуму Котуры. Вошла, развела огонь, наелась оленьего мяса, стала Котуру ждать.

Вернулся Котура с охоты, увидел девушку, спрашивает:

— Ты зачем ко мне пришла?

— Меня отец прислал, чтобы ты взял меня в жёны!

— Что же ты сидишь? Я голодный, вари скорее мясо!

Когда мясо сварилось, Котура сказал девушке:

— Одну половину мяса мы есть будем, другую положи в корытце и отнеси в соседний чум. Сама в чум не входи, подожди, пока тебе корытце вынесут.

Взяла девушка мясо, вышла из чума, а пурга воет, снег кружит — ничего не видно. Не пошла она никуда, выбросила мясо в снег, постояла немного и вернулась в чум.

Взглянул Котура на пустое корытце, ничего не сказал, поел и лёг спать. Наутро принёс в чум сырые олени шкуры и велел девушке к ночи сшить ему одежду.

Ушёл Котура на охоту, а девушка принялась за работу. Торопится, чтобы хоть как-нибудь успеть сшить всё к ночи.

Вдруг вошла в чум старушка:

— Девушка, попала мне в глаз соринка. Вытащи её! Сама я не могу!

— Некогда мне вытаскивать твою соринку! У меня и без того дел много! Уходи, не мешай работать!

Вернулся Котура с охоты, спрашивает:

— Готова ли новая одежда?

— Готова.

Стал Котура одежду примерять. Всё сшито криво, плохо, не по росту. Рассердился он и забросил среднюю дочь в сугроб. И она замёрзла.

А старик сидит в своём чуме с младшей дочерью, самой послушной и любимой, не может дожидаться тихой погоды. Пурга воеет сильнее, чем прежде, вот-вот свалит чумы...

— Не послушалась средняя дочь моих слов! — говорит старик. — Ещё хуже сделала — разгневала Котуру. Ты у меня последняя дочь, любимая, а придётся и тебя послать в жёны Котуре. Если не пошлю, весь народ погибнет от голода.

Научил старик младшую дочь, как ей идти и что делать. Вышла девушка из чума, стала позади саночек и покатила их навстречу пурге.

А пурга воеет, ревёт, с ног валит, глаза слепит. Девушка сквозь пургу идёт, ни одного отцовского слова не забывает. Всё делает, как он наказывал. Развязываются на одежде вязки — не завязывает их,

набирается в обувь снег — не вытряхивает его. Холодно, тяжело идти против ветра, а она не останавливается, всё идёт и идёт.

Дошла девушка до горы, поднялась на неё, остановилась. Вытряхнула из обуви снег, завязала вязки. Тут подлетела к ней птичка, опустилась на плечо. Девушка приласкала её, погладила перышки. Птичка улетела, а девушка села на саночки и скатилась с горы прямо к чуму Котуры.

Вошла она в чум, стала ждать. Вдруг откинулась у чума шкура, и вошёл молодой великан Котура. Увидел он девушку, спросил:

— Ты зачем ко мне пришла?

— Отец послал просить тебя, чтобы ты остановил пургу, не то погибнут все люди в нашем стойбище.

— Что же ты сидишь, огня не разводишь и мяса не варишь? Я голоден.

Девушка быстро сварила мясо, вынула из котла, подала Котуре. Разделил он мясо пополам, одну половину они съели, а другую велел Котура отнести в соседний чум.

Взяла девушка корытце с мясом и вышла из чума. А кругом пурга ревет, снег метёт — ничего не видно. Куда идти? Где чум искать? Стоит девушка, думает, в какую сторону идти. Вдруг появилась та самая птичка, которая к ней на горе подлетала. Возле самого лица порхает. Девушка пошла за птичкой и увидела большую кочку. Из кочки дымок идёт. Обошла девушка вокруг кочки, увидела вход. Выглянула оттуда седая старуха, спросила:

— Кто ты? Зачем пришла?

— Я принесла тебе мясо.

Взяла старуха корытце с мясом и скрылась. Стоит девушка у кочки, ждёт. Долго ждала. Наконец вход снова открылся, выглянула старуха и подала корытце.

Вернулась девушка в чум, Котура спрашивает:

— Отдала ли мясо?

— Отдала.

— Дай-ка мне корытце — я посмотрю, что в нём.

Взял Котура корытце, а в нём ножи, скребки* и мялки, чтобы шкуры выделывать, иголки стальные.

— Много полезных вещей тебе дали! Всё пригодится!

Наутро Котура принёс в чум сырые оленьи шкуры и велел девушке сшить ему к вечеру одежду, унты и рукавицы.

— Сошьёшь хорошо — возьму в жёны! — сказал и ушёл на охоту.

Принялась девушка за работу. Тут-то ей и пригодился старухин подарок — для шитья у неё всё было. Но много ли сделаешь за один день?

Вдруг поднялась у входа шкура, и в чум вошла седая старуха. Девушка узнала её: это была та самая старуха, которой она относила мясо.

— Помоги мне, девушка, — просит старуха. — Вытащи соринку из глаза!

Отложила девушка работу, вытащила соринку.

— Хорошо, — говорит старуха, — не болит глаз. Теперь загляни мне в правое ухо!

Заглянула девушка ей в ухо, испугалась — увидела там девушку.

— Что же ты не позовёшь девушку к себе? Зови! Она поможет тебе шить одежду.

Обрадовалась старикова дочка, позвала ту девушку, и выскочили из старухиногo уха не одна, а четыре девушки. Все принялись за работу — мнут шкуры, скоблят, кроят, шьют. Всю одежду быстро сшили. Спрятала старуха девушек снова в ухо и ушла.

Вечером Котура вернулся с охоты, спрашивает:

— Всё ли сделала, что я велел?

— Всё.

Взял Котура шитьё в руки — шкуры мягкие. Надел на себя одежду — ни узка, ни широка, скроена впору, сшита крепко, хорошо.

Улыбнулся Котура и говорит:

— Понравилась ты мне! И матери моей, и четырём сестрам моим понравилась! Работаете хорошо, и смелая ты: чтобы не погиб твой народ, навстречу страшной пурге шла. Будь моей женой! Оставайся жить в моём чуме!

И только сказал — стихла в тундре пурга. Перестали люди прятаться, перестали мёрзнуть, вышли из своих чумов!

ЭРМЭЧЫН-БОГАТЫРЬ

ЧУКОТСКАЯ СКАЗКА

БЫЛО ЭТО ДАВНО, когда таньги* напали на стойбище* одного племени. Всех людей они убивали, а оружие и одежду забирали. Ничего не могли люди поделывать, потому что эти таньги родились от песка и были хитрыми.

Однажды, когда солнце ушло спать в свою ярангу*, таньги опять напали на стойбище. Только один чукча с женой и маленьким сыном успел сесть на нарту* и уехать. Закричали таньги от злости, кинулись вдогонку. Долго гнались, устали, вернулись, а чукча погнал оленей дальше. Он и не заметил, что его маленький сын выпал из нарты.

Утром мимо того места проезжали люди из другого стойбища. Один старый охотник увидел: мальчик прямо на снегу лежит. Взял он его к себе.

Рассердились на него сородичи:

— Зачем чужого в наш род берёшь? Может быть, он сын злого духа? Плохо будет нам от него.

Охотник засмеялся:

— Видно, сердца ваши как копыта оленей стали — от всего бегут. Посмотрите — мальчик совсем замёрз. Наверное, таньги угнали его родителей. Он один остался. Стар я уже, и яранга моя совсем дырявая, но мальчика всё же возьму. Пусть у меня живёт.

Пока старик вёз мальчика, тот очень вырос. Стал совсем как взрослый охотник. Десять оленей убил старик, чтобы сшить мальчику кухлянку*. Назвал охотник мальчика Эрмэчын — сильный человек, богатырь.

Хорошим пастухом и охотником стал Эрмэчын. Ни один зверь близко к стаду не подходил, все его боялись. А олени любили его за доброе сердце и за смелость. Они знали: если Эрмэчын в стаде, ни один волк не подойдёт. Олени научили Эрмэчына бегать быстрее самого быстрого из них и прыгать с сопки на сопку.

Хорошо жилось Эрмэчыну. И старику тоже было хорошо. Только не могут богачи у своего жирника* сидеть спокойно, когда к соседу в ярангу счастье приходит. Стали они говорить старику:

— Зачем держишь у себя чужака? Не человек Эрмэчын. Звери его боятся, олени любят. Всю силу стойбища он забрал себе. Если не убьёшь его, мы тебя убьём!

— Люди стойбища убить тебя велели. Говорят, ты всю их силу забрал. Если не убью тебя, плохо мне будет, — сказал старик Эр-мэчыну и рассказал, как нашёл его. Только теперь Эрмэчын узнал, что находится в чужом племени, и решил уйти из стойбища искать своих.

Старик дал ему в дорогу торбаса*, нож и горсть камней и сказал:

— Иди прямо. Вскоре увидишь большое озеро. На озере лёд крепкий, а в середине островок. Иди туда. Когда к озеру придёшь, надень новые торбаса. Видишь, у них когти на подошвах? Они за лёд хвататься будут, упасть тебе не дадут. На остров придёшь, ложись и спи, но только один глаз не закрывай. Окружат озеро таньги, станут к тебе подходить, ты подожди, пока все на лёд войдут, тогда кидай камни и убивай их. Но самого главного пока не трогай. Он один знает, где твои родители. Когда всех убьёшь, собери их одежду и брось в прорубь. Потом возьми главного таньга и покажи ему нож. Он испугается, будет просить у тебя нож, стадо оленей пообещает. Ты не соглашайся, скажи: если он покажет дорогу к отцу, даром ему нож отдашь. А сам потом сломай нож на куски и разбросай их.

Запомнил Эрмэчын всё, что сказал ему старик и отправился в путь. Ноги у него быстрые, как у оленя. Быстро добежал он до большого озера, сделал всё, как старик велел, и лёг спать, а один глаз открытым держит.

Вскоре появились таньги. Хотел Эрмэчын подняться, а торбаса не пускают. Вспомнил он тогда, что старик велел подождать, пока все таньги на лёд не войдут. Долго ждал. Тут налетел северный ветер — стали таньги на лёд падать: скользко им, и ветер толкает, подняться не даёт. Вскочил Эрмэчын, стал камни кидать. Всех таньгов убил, только их главный остался. Поймал его Эрмэчын, нож старика показал. Здрожал таньг, испугался, стал просить, чтобы Эрмэчын ему нож отдал, большое стадо оленей за нож предлагал. Эрмэчын сделал вид, что поверил ему.

— Ладно, — говорит, — ничего не надо. Покажи только, где живут мои родители, — отдам нож и оленей твоих не возьму.

Обрадовался таньг, говорит:

— Идём, покажу дорогу!

Хотел Эрмэчын идти вперёд, а торбаса назад поворачивают. Тут он вспомнил, что одежду таньгов в прорубь бросить забыл. Хорошо, что вспомнил: таньги уже оживать стали. Всю одежду с них Эрмэчын снял, в прорубь бросил и тогда увидел, что все таньги превратились в мёртвых песцов.

Эрмэчын снял с них шкуры и понёс, а главного таньга ремнём привязал, чтобы не убежал. Дошли они до большой горы, поднялись на неё и увидели внизу стойбище.

— Вот стойбище твоего отца. Теперь отдай нож! — сказал таньг.

— Подожди, сначала посмотрю, крепкий ли нож, — засмеялся Эрмэчын. — Плохой нож нельзя дарить. — И он стал гнуть нож.

Таньг завыл, заметался, стал зубами снег хватать и превратился в песца.

Эрмэчын сломал нож и раскидал кусочки. Видит: возле него мёртвый песец лежит. Снял он с него шкуру, вместе с другими связал. Потом спустился к озеру и стал у проруби кету караулить. Когда поймал, вынул из неё икру и вымазал себе лицо. Захотел Эрмэчын узнать, как его, некрасивого, в родном стойбище примут. Спрятал он шкуры песцов под снегом и пошёл искать ярангу отца.

Всё стойбище прошёл Эрмэчын. И вот увидел маленькую дырявую ярангу. Вошёл он в полог*, сел. Родители сначала не узнали его, а потом мать догадалась, что это их сын. Заплакала она от обиды, что её сын таким некрасивым вырос. Да делать нечего. Стали они жить вместе.

Шло время, и Эрмэчын решил жениться. Но ни одна девушка не хотела идти за него замуж: страшное лицо было у Эрмэчына.

В яранге, где жил хозяин стойбища, было десять дочерей. У каждой лицо как луна, а самая младшая на летнее солнце похожа. Только младшая и взглянула на Эрмэчына.

Смеются над нею сестры:

— Наша красавица за этого уroda замуж решила идти! Видно, в голове у неё мозги зайца!

Вскоре хозяин стойбища объявил, чтобы все готовили оленей — будут гонки. Кто первый придёт — дорогой подарок получит.

Стали все оленей готовить, только отец Эрмэчына сидит в своей яранге, трубку курит. Нет у него оленей. Эрмэчын говорит:

— Отец, готовь нарту, на гонки поедем! Рассердился отец:

— Глупо рыбе торбаса шить, раз она безногая! Зачем мне нарта? Разве ты не знаешь, что у нас нет оленей?

Ничего не ответил отцу Эрмэчын, пошёл к соседу и попросил у него нарту. Сосед дал ему старую, поломанную нарту. Починил её Эрмэчын и стал готовиться к гонкам.

В день, когда начался праздник, Эрмэчын сказал отцу, чтобы тот запряг его в нарту вместо оленя. Не хотел отец этого делать, боялся, что люди засмеют, а потом согласился. Запряг он Эрмэчына, сам сел на нарту.

Тут все стали смеяться:

— Смотрите, урод Эрмэчын жену не нашёл, теперь думает оленем стать, важенку* в свою ярангу привести!

Ничего не ответил Эрмэчын, только глаза у него заблестели, как у дикого оленя.

Вот все помчались. И Эрмэчын свою нарту тащит. Сначала медленно бежал — все его перегнали, а потом понёсся вперёд. Быстро бегут олени, а Эрмэчын ещё быстрее.

После гонок Эрмэчын умылся и стал таким красавцем, что все девушки стойбища захотели выйти за него замуж. А он подошёл к младшей дочери хозяина стойбища и взял её в жёны. Потом принёс шкурки песцов и раздал их всем жителям.

ДВЕ ДЕВУШКИ

НАНАЙСКАЯ СКАЗКА

В БОЛЬШОМ селении на берегу моря жили две девушки. Одна была дочерью богатых родителей, другая — бедных. Но однажды умерли от болезней их родители, и стали девушки жить одни. Богатая девушка ни в чём не нуждалась — ела лучшие кушанья, одевалась в шёлковые халаты; а бедная часто даже кусочка юколы* не видела. Платье её всё износилось и висело на ней лохмотьями.

Богатая девушка сама ничего не делала, слуги даже олочи* ей на ноги надевали, серьги в уши вдевали. Бедная всё сама делала — бельё стирала, дрова колола, рыбу ловила да ещё и у богатой работала.

Однажды бедная девушка нашла в мусоре выброшенные тряпочки. Собрала она их и стала в реке стирать — думала что-нибудь себе из них смастерить. В это время мимо пролетала ворона и с криком «гак-гак-гак!» схватила эти тряпочки и улетела. Бедная девушка бежит по полю вслед за вороной — плачет, бежит по тайге — кричит:

— Гаки! Гаки! Отдай мои тряпочки! Старый халат у меня совсем износился, починить его нечем!

Бежит девушка через реки, по берегу озера, через болото, и её жалобный крик сливается со свистом ветра. Эхо его подхватывает и уносит ещё дальше. Долго она так бежала; её голос терялся то в тайге, то в долине, то в горах, то в низине. Когда она пробегала по глухой тайге, навстречу ей вышла сгорбленная старушка:

— Ты почему ходишь по глухой тайге? Почему плачешь? Кто тебя обидел?

Девушка, глотая слёзы, ответила:

— Я бегу за вороной. Она утащила мои тряпочки, когда я стирала их в реке.

— Ладно, оставь свои тряпочки вороне! — сказала старушка. — Пойдём со мной.

Она взяла девушку за руку и повела в глубь тайги.

В доме старушка вымыла девушку, накормила и протянула ей свёрток:

— Когда пойдёшь домой, не обращай внимания ни на какие крики зверей и птиц.

Какие бы красивые ягоды и цветы тебе ни попадались, не рви их. Придётся домой, положи свёрток в угол и ложись спать, утром развернёшь его.

Старушка исчезла, и тайга вновь обступила девушку. Пока она шла по дорожке, её преследовали разные звери, которые рычали, визжали, кричали на разные голоса, пугали и хватали её за халат.

Когда она шла через горы, в вышине с клёкотом проносились стаи птиц, с вершин срывались орлы, камнем падали на неё. Но стоило девушке сделать шаг вперёд, как они отставали и пропадали.

Пришла девушка домой, положила свёрток в угол, как велела старушка, а сама завернулась в одеяло и легла спать. А утром проснулась и не может узнать своего дома. На нарах лежат дорогие циновки, стены коврами завешаны. По краям нар у стенок стоят сундуки с красивой одеждой, полки ломятся от посуды. Сама она одета в шёлковый халат с красивыми узорами. Такой одежды она даже у богатой девушки не видела.

Днём к бедной девушке пришла богатая. Увидела богатство, спросила:

— Подружка, да где же ты такое богатство получила?

Рассказала ей бедная девушка обо всём, что с ней случилось. Богатая стала её просить:

— Дай мне свой рваный халат и тряпочки. Я тоже попытаюсь найти своё счастье.

Отдала ей тряпочки бедная девушка. Богатая поспешила на берег реки и стала их стирать. Только стирать она не умела — хуже запачкала. Прилетела ворона, утащила тряпочки. Девушка с криком стала догонять ворону. Вышла из лесу старушка, спросила:

— Почему ты так кричишь и плачешь?

Рассказала ей девушка, что ворона утащила у неё тряпочки. Старушка привела девушку в дом, вымыла, накормила и дала ей свёрток:

— Возьми этот свёрток. Когда домой пойдёшь, не обращай внимания на крики зверей и птиц, не рви цветы и ягоды. Дома брось свёрток в угол и ложись спать.

Пошла девушка домой. Вокруг неё красивые птицы летают, разные звери проходят, а под ногами сплошной ковёр из ягод и цветов. Каждая ягода так в рот и просится, каждый цветок так в руки и тянется.

«Чего это я буду слушаться какую-то старуху? — думает девушка. — Свёрток со счастьем теперь у меня в руках. Могу же я ещё к нему прибавить то, что мне нравится!» И она стала рвать ягоды, бегать за птицами. Не заметила, как наступили сумерки. Потеряла она дорогу домой. Села богатая девушка на пенёк, решила в свёрток заглянуть, надорвала самый верхний пакетик. И только она это сделала, как из него полезли большие и маленькие змеи, и каждая из них кусала девушку.

Тут опять появилась старушка и сказала:

— Не послушалась ты меня! Твоя жадность погубила твоё счастье!

Когда девушка очнулась, она опять сидела в своём доме. Но всё её богатство превратилось в ничто: где лежал шёлковый халат — там осталась лужица, где висели серьги и лежал золотой браслет

— лишь поблёскивали огнём угольки. С тех пор так и повелось: жадность и непослушание рядом ходят. Кто с ними встретится, тот счастье своё потеряет.

ГЕОХАТУ

ОРОКСКАЯ СКАЗКА

НА ОКРАИНЕ одного небольшого города стоял маленький травяной домик. В нём жил бедный человек по имени Геохату. А в центре того же города в большом дворце жил царь, владелец этого города и страны.

Однажды Геохату, как всегда, встал рано утром и пошёл косить сено на лугу своего господина. Косил он долго — до самого вечера. И вдруг видит: в небе появилась огромная птица. Она летела быстро и так высоко, что на миг закрыла солнце.

Как заворожённый, стоял Геохату и не отрываясь смотрел на неведомую диковинку. Вот птица села на край трубы дворца царя, юркнула в трубу, вытащила царскую дочь, посадила себе на спину и улетела прочь.

Геохату следил за ней до тех пор, пока птица не скрылась в неведомых краях. Ещё миг — и лишь серая дымка промелькнула перед Геохату, а в глазах помутилось. Протёр он глаза, но ничего больше не увидел — ни птицы, ни царской дочери. Геохату продолжал косить сено, а вечером, когда солнце зашло за сопку, отправился в свой травяной домик.

На следующее утро весь город уже знал о случившемся. Горюет и плачет царь: исчезла его любимая дочь. Разослал он по всему своему царству приближённых. Ходят они из одного селения в другое, из одного дома в другой, спрашивают:

— Не слышали ли что-нибудь о царской дочери? Царь в долгу не останется, по-царски наградит!

Но сколько ни спрашивали, никто ничего не знал, никто ничего не видел.

Спросили приближённые царя и у Геохату:

— Геохату, ты рано утром встаёшь, с косой в руках солнце встречаешь. Не видел ли ты, кто утащил царскую дочь?

А Геохату молчит. Опять его спрашивают:

— Геохату, ты много видишь, ещё больше знаешь. Не видел ли ты дочку царя, красавицу нашу? Если видел, скажи. Царь наградит тебя щедро. Не утаивай ничего, скажи всё, что видел, что знаешь.

Жалко стало Геохату царя, да ещё больше пожалел он царскую дочь и стал рассказывать:

— Косил я сено на лугу и видел, как прилетела огромная птица, села на край дымовой трубы дворца, нырнула в трубу, вытащила оттуда спящую царскую дочь, посадила её себе на спину и улетела.

Царь, услышав это, стал просить Геохату:

— Разущи мою дочку, Геохату! Спаси её! В помощь тебе дам семь самых сильных, самых хитрых, самых умных своих людей. Помогите найти дочь — награжу тебя так, как никто другой этого не делал. Ничего не пожалею!

Согласился Геохату. Оседлали восемь лошадей — для Геохату и его помощников, и отправились они в путь, в неведомые края искать дочь царя. Весь город, вся страна провожала их, а царь даже плакал.

Вот скачут они по полю, едут по сопкам, идут по тайге, через реки переплывают, через овраги перескакивают, ищут дочь царя. Наконец они нашли отверстие в сопке, куда влетела птица с царской дочкой: с ноги её упала тапочка и застряла между камней. Это был вход в подземный мир, куда все могут спуститься, но откуда никто не может выбраться.

Заспорили между собой царские помощники, кому в подземный мир идти, кому у входа дожидаться. Никто не хочет пропасть, все жить на земле хотят. Геохату стоял в стороне и думал, как бы спасти несчастную девушку. И вот все его помощники хором заявили:

— Геохату, тебе спасать царскую дочку! Тебе спускаться в эту дыру!

Делать нечего — согласился Геохату. Обмотали его верёвкой вокруг пояса, и начал он спускаться в подземный мир. Долго спускался, наконец очутился на другой земле. Осмотрелся, видит: дорога идёт куда-то. Геохату прямо по ней и зашагал. Идёт, песни поёт, по сторонам смотрит. Шёл он так, шёл и дошёл до дома. Дом как дом. Вошёл в него и увидел царскую дочь. Она спрашивает:

— Ты зачем пришёл? Геохату отвечает:

— Твой отец послал меня с помощниками тебя разыскивать. Помощники наверху остались, только я за тобой вниз спустился.

Царская дочь ему отвечает:

— А знаешь ли ты, что мой муж людоед ненасытный? Сейчас он сюда прилетит. Спрячься скорее!

Геохату спрятался, замер и ждёт. В полночь что-то загрохотало, засвистело. Вошёл чёрт. Поел он своей похлёбки, перегрыз все кости и лёг отдыхать. Лежал, лежал, да и заснул крепким сном. Спит, сладко посапывает, а потом вдруг как захрапит: хр-хр-там-там-тр-тр!

Царская дочка тихо-тихо зовёт:

— Геохату! Ты не заснул? Чёрт крепко спит. Иди сюда, я покажу тебе его слабое место. Выбрался Геохату из убежища, подошёл к людоеду.

— Смотри! — говорит царская дочка. — Вот здесь, на макушке и на этом ухе, красная шерсть виднеется. Это не простые волосы — в них жизнь чёрта. Вырвешь рыжие волосы — вырвешь жизнь из него! А теперь скорее прячься обратно — он скоро проснётся.

Побежал Геохату в угол, схватил там острую саблю людоеда, взмахнул ею и перерубил одним махом рыжие волосы. Тут жизнь покинула чёрта.

Схватил Геохату царскую дочку за руку, вытащил её из дома, а дом тут же вспыхнул ярким пламенем и сгорел. Ничего не осталось ни от чёрта, ни от его дома.

Пошли юноша с девушкой по дороге, а она уже зарастать стала, еле-еле виднеется. Дошли до отверстия. Геохату кричит:

— Эй, помощники мои! Не заснули ли вы? Бросайте верёвку, вытаскивайте нас!

— Геохату, — говорит царская дочь, — садись на верхнюю ступеньку, а я сяду на нижнюю!

— Нет! — отвечает Геохату. — Я не сяду выше тебя. Ты — царская дочка, ты и садись на верхнюю ступеньку.

Сколько она его ни упрашивала, Геохату не соглашался. Села тогда она на верхнюю ступеньку, а Геохату на нижней пристроился. Дёрнули верёвку. Стали их наверх поднимать. Чем выше поднимают, тем труднее на лестнице удержаться: кто-то внизу из стороны в сторону дёргает, верёвку рвёт, за ноги тянет. А на верхней ступеньке хорошо сидеть — ничто не мешает.

Вскоре вверху стало светлеть. Подняли из подземелья царскую дочь. Вдохнул облегчённо Геохату, но кто-то быстро ударил саблей по верёвке, и упал Геохату на дно ямы. Лежит и не дышит.

Вытащили царскую дочку, под руки подхватили и повели во дворец. На радостях царь даже и не вспомнил о спасителе. И только на следующее утро* попросил он показать ему героя. Царская дочь рассказала отцу, что её спас Геохату, а помощники его, царские приближённые, утверждали, что это они спасли царевну.

Ничего не мог понять царь и решил оставить этот разговор до следующего раза.

Пришёл в себя Геохату. С тоской посмотрел вверх, где был мир земных людей, да рукой до него не достанешь, взглядом не приблизишь, словом не расскажешь. С трудом поднялся Геохату на ноги и пошёл куда глаза глядят. Идёт по дороге, а она опять такая ровная, прямая, длинная. Так и дошёл он до селения, в котором жила большая птица. Эта птица привозила умерших в подземный мир. Увидела она Геохату, говорит:

— Заходи ко мне, молодец, победитель хозяина этого мира! Подари мне волосинку с головы чёрта
— выполню любое твоё желание.

Обрадовался Геохату и говорит птице:

— На тебе золотую волосинку! Подними меня на землю, где я родился, рос, где сено косил, где свежим воздухом дышал, где солнечным светом любовался.

Только птица взяла в клюв волосинку — поднялся вихрь, подхватил Геохату, закружил, завертел.

Вот уже и земля видна, и царский дворец показался. Со всего размаху швырнула волшебная птица Геохату с невиданной высоты на землю, а он никакой боли не почувствовал. Оказался Геохату перед воротами царского дворца.

Увидела его царская дочка, бежит навстречу, за руку берёт, к отцу ведёт. По дороге дала она Геохату золотое кольцо, а Геохату отдал ей последнюю волосинку чёрта. Только приложила царская дочь волос к своему пальцу, как он превратился в красивое кольцо с драгоценным камнем. Привела царевна Геохату к отцу и говорит:

— Вот мой спаситель. А твои приближённые — обманщики. Геохату спас меня от людоеда. Когда нас тянули из подземного мира, я сидела на верхней ступеньке, а Геохату — на нижней ступеньке верёвочной лестницы. Как только меня подняли, верёвку перерезали, и Геохату остался внизу. Он сам выбрался из подземного мира. Посмотри на его руку — на ней моё кольцо. Посмотри на мой палец — на нём его кольцо.

Услышал эту историю царь, велел схватить обманщиков и казнить их. Но Геохату и царская дочка за них заступились, и царь их простил.

После этого сыграли свадьбу, и стали они жить-поживать.

ДЯТЕЛ

ЭВЕНКИЙСКАЯ СКАЗКА

В ЛЕСУ на берегу реки жили старик и старуха росомахи. Детей у них не было. Совсем одни жили. И задумали старики перекочевать на другой берег реки. Но без лодки разве перевезёшь чум* и всё имущество через реку!

Старик росомаха и говорит:

— Пойду-ка я в лес лодку делать, а ты здесь оставайся. Разбери чум и приготовься переезжать на другой берег.

Старик ушёл, а старуха осталась его ждать на берегу. Сидит, на реку смотрит. Вот показалась лодочка. «Наверное, это едет мой старик», — подумала росомаха, быстро разобрала чум и собрала вещи.

Лодка причалила к берегу, в ней и правда был старик.

Старик поднялся на берег и сказал:

— Я очень устал, пока делал лодку. Спина заболела. Не могу больше грести. Лягу отдохну.

Лёг старик на траву под дерево и скоро заснул.

Сидит старуха, ждёт, когда старик проснётся.

Вдруг откуда-то лисица бежит. Подбежала, спрашивает:

— Что ты тут сидишь, бабушка?

— Жду, когда проснётся мой старик, — ласково сказала росомаха. — Сама видишь, задумали мы перекочевать на ту сторону реки. А как без лодки через большую реку переехать? Вот мой старик делал в лесу лодку, устал, лёг отдохнуть.

Выслушала лисица слова росомахи, убедилась, что старик спит, и говорит:

— Жаль мне вас, стариков. Хочу хоть немного помочь вам. Давай, пока твой старик спит, я перевезу тебя и твоё имущество через реку.

Обрадовалась росомаха, сложила все вещи в лодку. Только хотела сама в неё сесть, а лисица посмотрела, спит ли старик, и говорит:

— Бабушка, лодка полна. Если ещё ты сядешь, лодка может утонуть. Я пока перееду через реку, а ты отдыхай. Как перевезу вещи, за тобой приеду.

Росомаха не стала спорить и осталась на берегу. Лисица оттолкнула лодку от берега, и её стало уносить течением.

— Смотри, бабушка, — кричит лисица, — наверное, меня далеко унесёт течением.

— Это ничего, что далеко, — отвечает росомаха. — Ты только смотри сама не утони!

— Не бойся, бабушка, я не утону! — отвечает лисица. — Я потихоньку поеду. Посмотри, как я поеду!

Лисица взялась за вёсла и уплыла вниз по реке. Поняла росомаха, что лисица её обманула, и заплакала.

Плач росомахи услышал дятел. Он подлетел и спросил:

— О чём ты, бабушка, плачешь? Росомаха рассказала, как лисица обманула её. Выслушал это дятел и говорит:

— Не плачь, бабушка! Я верну тебе всё, что увезла лисица.

Отправился дятел следом за лисицей и, чтобы опередить её, полетел прямо через мыс. Вылетел на берег и стал ждать, когда к этому месту лисица подъедет.

Долго сидел дятел. Но вот на реке показалась лодочка с лисицей. Дятел закричал, как будто больной:

— Причаль к берегу, хорошая лисичка! Возьми меня в лодку!

Причалила лисица к берегу, спросила:

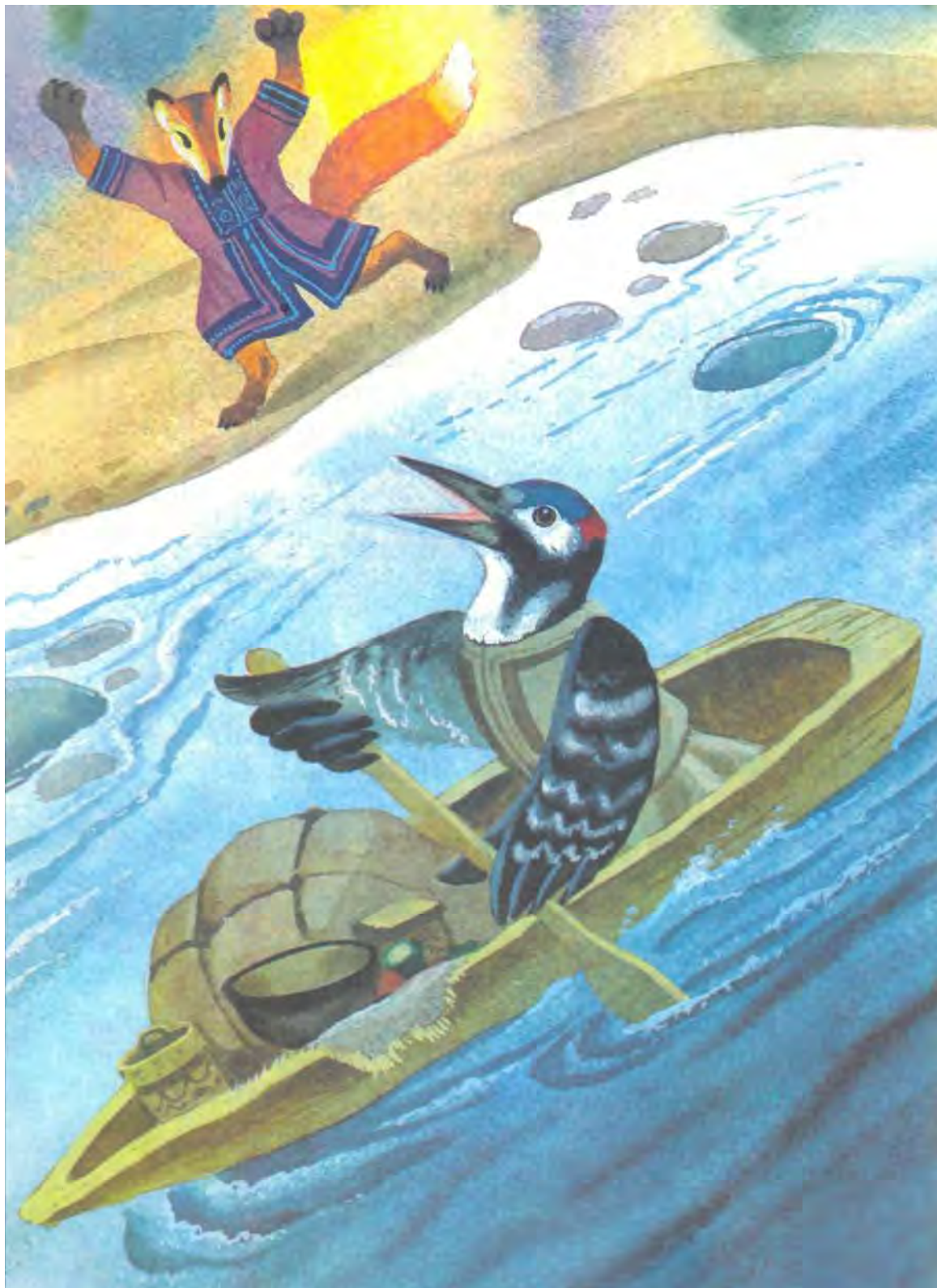
— Что с тобой случилось?

— Я ходил в лес на охоту, — ответил дятел. — Теперь иду обратно домой. По дороге заболел, совсем обессилел. А идти мне ещё далеко. Посади меня в свою лодку.

— Взяла бы я тебя, да лодка у меня мала и к тому же нагружена, — говорит лисица. — Сесть негде.

— Возьми меня, — снова просит дятел. — Я маленький. Мне много места не нужно. И сидеть я буду спокойно. Только посади меня. Ты хорошая лисичка, добрая.

Понравилась лисице слова дятла. Посадила она его в лодку. Дятел на самое дно уселся. Совсем не видно его за вещами росахи.

Лисица оттолкнула лодку от берега и взялась за вёсла.

Вот едут они вниз по реке, лисица гребёт. Доехали до середины реки. Тут дятел просверлил в дне лодки дырочку. В лодку стала вода набираться. Лисица промокла и говорит:

— Около меня откуда-то взялась вода. А около тебя есть вода?

— Да, я тоже промок, — отвечает дятел.

— Наверное, на дне смола отстала, — говорит лисица, — поэтому лодка протекла. Надо скорее причаливать к берегу, починить лодку.

Причалили они к берегу. Лисица выскочила из лодки и говорит дятлу:

— Я пойду в лес смолы набрать, а ты выгрузи из лодки вещи, вытащи лодку на берег, переверни вверх дном и ищи дырку.

Только лисица скрылась в лесу, как дятел сломал тоненький прутик, заткнул им дырку, сел в лодку и направился к тому месту, где осталась обманутая россомаха.

Лисица вернулась из леса, увидела, что дятел уехал, и подняла крик:

— Вернись назад! Утонешь!

— Нет, лисица, я не утону!

— Вернись назад! Вор!

— Нет, я не вор! — крикнул в ответ дятел. — Я только хочу вернуть старикам то, что ты у них украла!

Тем временем проснулся старик. Рассказала ему старуха, что случилось. Сел старик рядом со старухой, начал её бранить, заплакали они оба и не слышали, как около них причалила к берегу лодка. Дятел выпрыгнул на берег и сказал старикам:

— Не плачьте! Вот ваши вещи! Вот ваша лодка!

За добрый поступок дятла старуха сшила ему красивую одежду из замши. На голову она надела ему пёструю шапочку.

Старик был искусным кузнецом. Он сковал крепкий стальной клюв и острые когти. И всё это подарил дятлу.

С той поры дятел носит сшитую для него бабушкой одежду. Добывает себе пищу подаренным дедом стальным клювом. У него хорошие, крепкие когти. Живёт дятел на деревьях, поэтому и не попадаете лисице.

ЛУЧШИЙ ОХОТНИК НА ПОБЕРЕЖЬЕ

ОРОКСКАЯ СКАЗКА

ЖИЛ-БЫЛ ОХОТНИК. Были у него жена и сын. Сын вырос, пора бы уж отцу помогать, Да мать его избаловала, во всём ему потакала. Ничего он делать не хочет.

Однако, хоть и поздно, стал его отец к охотничьему промыслу приучать. Глаза у сына зоркие, ноги быстрые, руки сильные. Но чтобы зверя убить, хитрость нужна и терпение. Бывает, целый день в засаде просидишь из-за одного зайца. А сын этого не любил, ему бы всё побыстрее.

Однажды снарядили отец с сыном оморочки*, отправились на нерп охотиться.

Вышли устьем реки в море, туда поглядели, сюда — нет нерп.

Сын говорит:

— Чего ждать? Вернёмся домой!

А отец отвечает:

— Куда торопиться? Подождём, — может, ещё появятся.

Ждать пришлось недолго. Сразу три нерпы вынырнули. Смотрят круглыми глазами по сторонам, а охотников не замечают.

Отец направил к ним оморочку, крикнул сыну:

— За мной греби! А сын в ответ:

— Эти нерпы для меня мелковаты. Вон у мыса большая нерпа плещется. За ней погонюсь!

— Не нерпа это, косатка, — говорит отец.

— Нет, я вижу: это нерпа! — отвечает сын и поворачивает оморочку к мысу.

В море не до споров. Нерпы ждать не будут. Погнал отец к ним свою оморочку. Две нерпы ушли от него, одну он убил. И то добыча!

«Как-то у сына охота идёт?» — подумал отец и поплыл к мысу. Обогнул он мыс, открылось пустынное море. Куда глаз хватает — валы катятся, а сына нигде не видно.

Долго отец вдоль берега плыл, всё сына выглядывал. Нет его нигде. Утонуть не с чего — море тихое. Да и оморочка, хоть и перевёрнутая, плавала бы.

Пришёл отец домой. И дома сына нет. Жена заплакала, мужа упрекает:

— Не уберёг дитя родное! Какой же ты отец? Мальчика одного в море оставил.

— Молчи, жена, — говорит охотник. — Может, он далеко заплыл, ещё вернётся.

Но сын не вернулся.

Каждый день ходил отец к морю, сына высматривал. И охоту бросил — ни к чему душа не лежит.

А однажды сел на берегу и горько-горько заплакал.

И вдруг услышал:

— В моём море, в моих владениях горько-солёной воды и так много! О чём плачешь?

Не знает охотник, то ли голос это, то ли шум волны. Прикрыл он ладонью глаза от солнца, в море посмотрел. Видит: невдалеке на скале сидит старик в халате из кожи кеты. Борода у него зелёная, как водоросли.

Испугался охотник, однако ответил:

— Как мне не плакать? Сын у меня пропал. Молодой, красивый. На всём побережье лучшего охотника не было!

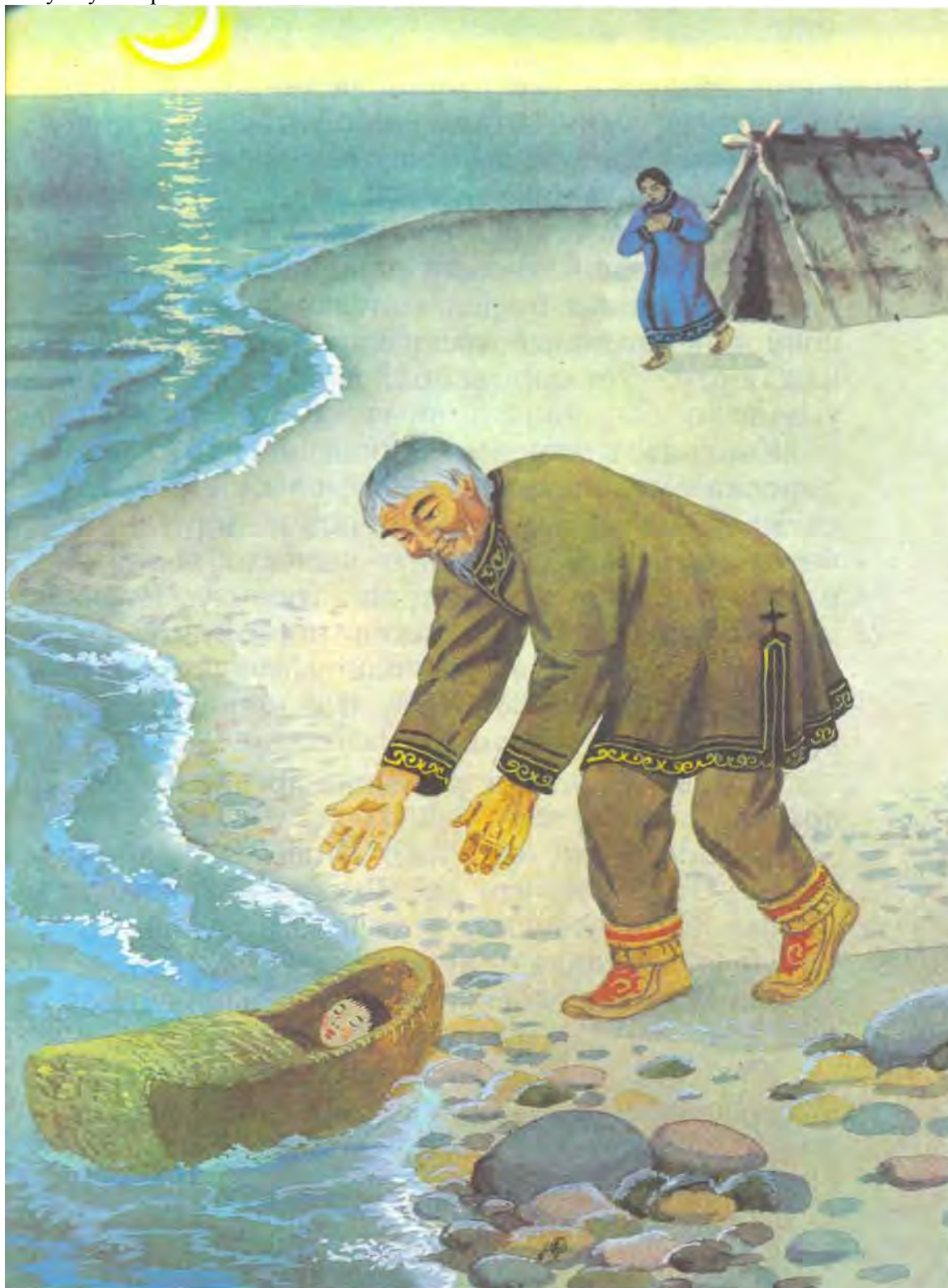
Засмеялся старик:

— Лучше, говоришь, не было?

Отцу обидно, что над его пропавшим сыном чужой смеётся. Хотел он недобрим словом ответить, да вдруг понял, что не простой старик перед ним. Ясное дело, это Тэму — Хозяин моря.

Оробел охотник, проглотил худые слова.

Тэму ему говорит:

— Давно я так не веселился! За то, что рассмешил меня, отдам тебе сына. Построй на берегу юрту* и жди. Когда народится новый месяц, вернётся твой сын.

Сказал так и ушёл в глубину. Охотник побежал за женой. Вместе принялись они юрту строить. Спешат очень: кончаются безлунные ночи, вот-вот новый месяц народится. Построили юрту. Устали, забрались в неё и оба уснули.

Как раз в эту ночь узкий месяц, словно лодочка-оморочка, на небо выплыл. Проснулся охотник на заре, выскочил из юрты, побежал к берегу. Смотрит: вынесло волнами плетённую из морской травы люльку. В ней младенец плачет. Тут и жена из юрты выбежала, услышала детский плач. Муж говорит:

— Видно, ошибся Тэму. Не наш это сын, наш-то уж охотником был!

А жена схватила ребёнка, крепко к себе прижала:

— Ослеп ты, что ли? Лица его не видишь? Оглух ты, что ли? Голоса его не слышишь? Наш это сын, в точности такой, каким был двенадцать лет назад!

Унесла мать ребёнка в юрту. Слышит охотник: уже песню ему поёт. .

К этому времени рассеялся утренний туман, солнце показалось. Увидел охотник, что на той же скале опять Тэму сидит. В зелёную бороду посмеивается.

— Я своё слово сдержал, — сказал Хозяин моря. — Сына тебе вернул.

— А почему он маленький? — спрашивает охотник. — У меня большой был!

— Большой, да глупый! — отвечает Тэ-му. — Вместо нерпы за косаткой погнался. За той косаткой, в пасти которой я устроил своё жилище. Я ему кричу, чтоб убирался, а он не слушает, острой* размахивает. Ну, я его и схватил. Когда сына второй раз растить будешь, получше учи! Построже воспитывай!

Тут волна на скалу накатилась. Накатилась и отхлынула. А Тэму уже на скале нет.

Пошёл охотник в юрту. Жена младенца на руках качает, говорит мужу:

— Хорошо, что сыночек маленьким вернулся. Теперь я его никуда от себя не отпущу! Глаз с него не спущу, чтобы с ним ничего не случилось.

— Нет уж! — отвечает муж. — Теперь я его растить буду! Только ходить начнёт, буду приучать его к охоте. Всему с малолетства обучу — и терпению, и умению!

ИМИ-ХИТЫ И ВОШИНГ УРТ

ХАНТЫЙСКАЯ СКАЗКА

ЖИЛИ-БЫЛИ бабушка с внуком. Внука звали Ими-Хиты. Бабушка дома сидела, пряла шерсть, внук на улице играл.

Шло время. Ими-Хиты вырос, стал ходить на охоту, на рыбалку. А однажды сказал бабушке:

— Пойду-ка я к Вошинг Урту, посватаю его младшую дочь!

Бабушка говорит:

— Не ходи, внучек! У тебя руки слабы, ноги не окрепли.

— Нет, пойду!

Собрался Ими-Хиты, вышел на улицу, бросил свои подволбж-ные лыжи* и, куда они носами встали, туда и пошёл.

Шёл, шёл, нашёл след горностая, пошёл по нему. Вдруг видит: горностай на дерево залез. Ими-Хиты убил горностая, снял с него шкурку, в карман положил, дальше пошёл.

Долго шёл. Нашёл беличий след. Пошёл по беличьему следу, видит: белка на дерево взобралась. Убил её, снял с неё шкурку, в карман положил, дальше пошёл.

Наконец пришёл к огромному городу. Оглядел его кругом. Богатый дом всегда выделяется. И ми-Хиты вошёл в этот приметный дом, видит: Вошинг Урт сидит.

— Здравствуй, дедушка Вошинг Урт!

— Здравствуй, внучек! Что тебя сюда привело?

— Я пришёл к тебе, чтобы посватать твою младшую дочь. Может, выдашь её за меня замуж?

Вошинг Урт опустил голову и держал её так ровно столько времени, сколько варится котёл, а потом поднял голову и сказал:

— Ну что ж, отдам за тебя дочь свою, но только выполни моё условие. На краю города живёт летающий великан Тунгх с женой. Уже семь лет они ежедневно похищают людей из моего города и

кормят ими своих детей. И так они будут похищать детей до тех пор, пока не научатся летать их дети. Если сумеешь увести Тунгхов прочь, отдам за тебя свою дочь.

Пошёл Ими-Хиты искать Тунгхов. Смотрит: стоит высокое дерево, совсем без сучьев. А на самой верхушке его гнездо летающего Тунгха.

Достал Ими-Хиты из кармана шкурку горностая, влез в неё, обернулся горностаем и стал взбираться на дерево. Лез, лез — устали когти горностая. Снял он эту шкурку, оделся в беличью. Белкой обернулся, опять стал наверх взбираться. Вдруг из гнезда ему навстречу выскочила большая жаба. Ими-Хиты выхватил топор и разрубил жабу пополам.

Влез он в гнездо, где сидели детёныши Тунгха, спрашивает:

— Почему вы не улетаете отсюда? Птенцы отвечают:

— Мы отрачиваем крылья. Только они начинают вырастать, как кто-то приходит и отгрызает их у нас.

— Это была большая жаба. Я её убил, теперь ваши крылья отрастут.

Он вынул из кармана золотую бутылочку, помазал жидкостью кончики крыльев птенцов и сказал:

— Машите крыльями!

Начали птенцы крыльями махать. Немного погодя Ими-Хиты опять помазал им крылья — стало ещё лучше. Тогда Ими-Хиты в третий раз помазал крылья. Полетели птенцы, облетели весь белый свет и вернулись к гнезду:

— Скоро прилетят наши отец и мать. Давай мы тебя спрячем!

Только птенцы спрятали Ими-Хиты на дне гнезда, как прилетел Тунгх и принёс красивого юношу. Потом прилетела жена Тунгха и принесла красивую девушку.

Детёныши Тунгха говорят:

— Мы уже поправились! Теперь мы можем летать!

— Кто же вас вылечил?

— Мы его спрятали! Отец и мать говорят:

— Покажите его нам! Мы не тронем его, а только скажем ему «спасибо».

Вынули птенцы Ими-Хиты из гнезда. Летящий Тунгх говорит:

— Здравствуй, Ими-Хиты! Как тебя сюда занесло?

Рассказал Ими-Хиты, зачем пришёл. Тунгх говорит жене:

— Ты с детьми улетай. Где найдёшь хорошее место, там и сделай гнездо, а я останусь здесь, буду помогать Ими-Хиты.

Отпустили великаны девушку и юношу домой. Ими-Хиты сел на спину летающего Тунгха, и они полетели к городу Вошинг Урта.

Пришёл Ими-Хиты к Вошинг Урту и говорит:

— Я выполнил твоё условие: летающего Тунгха с женой прогнал!

— Это верно, — говорит Вошинг Урт, — но для хорошего пира нужно хорошее угощение.

А где его найдёшь? Поблизости ничего подходящего нет. Но я слышал, что за неизвестными землями, за неизвестными морями есть тридцатиголосые птички. Принесёшь этих птичек — отдам за тебя дочь!

Загрустил Ими-Хиты, пришёл к Тунгху, говорит:

— Вошинг Урт велел достать тридцати-голосых птичек. Если достану, отдаст за меня дочь.

Тунгх отвечает:

— Не горюй. Сходи к городским кузнецам, вели сделать железный перевес*.

Сходил Ими-Хиты к кузнецам, принёс перевес, положил его на спину великана, сам сел, и они полетели.

Летели, летели, наконец опустились. Тунгх говорит:

— Сходи наруби шестов для перевеса!

Нарубил Ими-Хиты шестов — дальше полетели. Прилетели к водоразделу двух морей. Ими-Хиты поставил шесты, растянул перевес, а Тунгх пошёл загонять тридцатиголосых птичек. Пригнал он птичек, и все они в перевес попали.

— Теперь погрузи их мне на спину, и полетим обратно, — сказал Тунгх.

Долго ли, коротко ли летели — прилетели в город Вошинг Урта. Тунгх говорит:

— Пойди к Вошинг Урту и попроси у него тридцать коней.

Привёл Ими-Хиты тридцать коней, погрузил на них птичек и повёз в амбары Вошинг Урта. Все амбары наполнил, пришёл и говорит:

— Я исполнил твоё приказание!

Долго молчал Вошинг Урт, а потом сказал:

— Жаль, рыбы у нас нет. Какой же пир без рыбы! Говорят, в неизвестной стороне, в неизвестном направлении есть море. В том море водится златопёрый окунь. Поймаешь окуня — дочь отдам и большой пир устрою!

Рассказал Ими-Хиты всё летающему Тунгху, сел ему на спину, и они полетели. Долго ли, коротко ли летели — сели. Тунгх говорит:

— Сходи наруби тридцать толстых кольев для запора*.

Нарубил Ими-Хиты колья, погрузил их на спину великана, дальше полетели.

Прилетели к водоразделу двух морей, сели на землю. Тунгх говорит:

— Теперь сделай запор, колья поставь против течения. В середине запора выдолби большую прорубь!

Ими-Хиты всё сделал, как Тунгх велел, сам сел поблизости.

Вдруг из проруби два чебака* выпрыгнули.

— Ими-Хиты, сделай доброе дело, — говорят, — отпусти нас в реку!

Ими-Хиты отвечает:

— Я отпущу вас, если пригоните в мой запор златопёрого окуня!

— Мы боимся златопёрых окуней. Они нас съедят!

— Ну, не хотите — здесь погибайте! Рыбки опять просят:

— Смилуйся, Ими-Хиты, отпусти нас в реку — мы совсем замерзаем!

— Приведите мне златопёрого окуня — тогда отпущу!

— Ну, ладно, так и быть. Приведём сюда златопёрого окуня.

Уплыли рыбки. Прошло немного времени — заходила, заволновалась вода подо льдом. Видит Ими-Хиты: чебаки плывут, а за ними громадный окунь гонится. Выпрыгнули рыбки на лёд — окунь за ними. Ими-Хиты разрубил окуня на тридцать частей, погрузил на спину летающего Тунгха, а рыбок в реку отпустил.

Стал Тунгх взлетать: махал, махал крыльями — не взлетел. Второй раз собрался с силами: махал, махал крыльями — насилу взлетел.

Прилетели Ими-Хиты и Тунгх в город Во-шинг Урта.

Тунгх говорит:

— Иди проси тридцать лошадей, запряжённых в сани.

Привёл Ими-Хиты лошадей, погрузил рыбу, повёз в амбары Вошинг Урта. Потом пришёл к нему, говорит:

— Я выполнил твоё приказание!

— Вот теперь, — говорит Вошинг Урт, — можно настоящий пир устроить!

На весь город, на все юрты* пир устроили. Месяц пировали и ещё неделю. А когда праздник кончился, зажили они счастливо. И теперь живут.

ПТИЧКА-НЕВЕЛИЧКА

КЁТСКАЯ СКАЗКА

ЖИЛИ СТАРИК и старуха. Вот старуха как-то раз говорит:
— Пошёл бы ты в лес да при-и нёс бы дров. Дома нет ни щепки.

Старик пошёл в лес, стал гнилые пни на дрова ломать. Много уже наломал. Подошёл к одному маленькому пеньку, ударил его ногой, хотел повалить. А из-под пенька птичка вылетела, совсем маленькая. Села на пенёк и говорит человеческим голосом:

— Что тебе, дедушка, нужно? Зачем в мой пенёк постучал?

Удивился старик. Поклонился птичке и говорит:

— Хотел я твой пенёк на дрова разломать да домой унести. Моей старухе обед варить нужно.

— Не трогай мой пенёк, дедушка, — говорит птичка. — Иди домой и ложись спать. К утру у вас много дров будет.

Птичка вспорхнула и улетела, а старик подумал да и сделал, как птичка велела. Пришёл домой и говорит старухе:

— Не нашёл я сегодня подходящих дров. Завтра опять пойду.

Утром старуха проснулась, видит: у чума* много нарубленных дров лежит. Стала она старика будить:

— Вставай, погляди, чудо какое! Ты ведь ночью дров не колот?

Поглядел старик на дрова, поглядел на старуху да и рассказал ей всё, как было.

Обрадовалась старуха, развела огонь в чуме и говорит старику:

— Дров-то у нас теперь много, а есть нечего. Пойди в лес, найди тот пенёк, попроси у птички мяса.

Пошёл старик в лес. Целый день ходил, наконец нашёл вчерашний пенёк, постучал в него. Вылетела птичка из-под пенька:

— Зачем, дедушка, в мой пенёк стучишь? Что тебе надо?
— Да вот, — отвечает старик, — старуха меня прислала. Дров у нас теперь много, а есть нечего. Велела она мне мяса у тебя попросить.
— Хорошо, — говорит птичка, — дам я вам мяса. Иди домой и ложись спать.
Вернулся старик в чум и лёг спать.
Утром проснулся и видит: жирное мясо у порога лежит.
Досыта наелись старик со старухой. А старуха после обеда говорит:
— Видно, твоя птичка любую просьбу может исполнить. Пойди-ка ты ещё раз в лес, стукни хорошенько по пеньку, вызови птичку и скажи, что мы хотим быть богатыми купцами.
Покачал старик головой, опять в лес пошёл. Долго ходил, пенёк искал. К вечеру всё же нашёл. Ногой в него постучал. Вылетела оттуда птичка-невеличка, спрашивает:
— Зачем, дедушка, в мой пенёк стучишь? Что тебе надо?
Старик отвечает:
— Опять меня старуха прислала. Хочет, чтобы мы купцами богатыми стали.
— Хорошо, — отвечает птичка, — иди домой, ложись спать. Будет по-твоему.
Вот проснулись утром старик со старухой да так и ахнули! Глазам своим не верят: полон чум разных товаров — и платки тут, и пуговицы, и медные чайники, и колечки!
Обрадовался старик, а старуха говорит:
— Иди, старик, в лес, вызови птичку скажи ей, чтобы сделала нас хозяевами всего леса.
Старик испугался:
— В своём ли ты уме, старуха?
Замахнулась старуха палкой:
— Иди! Делай, что велела!
Пришёл старик к знакомому пеньку, постучал. Вылетела из-под пенька птичка-невеличка:
— Что тебе, дедушка, нужно? Зачем в мой пенёк стучишь?
— Прислала меня моя старуха просить, чтобы ты сделала нас хозяевами всего леса.
— Жадность не даёт ей покоя, — говорит птичка. — Иди домой, ложись спать.
Вспорхнула птичка и улетела, а пенёк вдруг под землю ушёл.
Вернулся старик домой, легли они со старухой спать, одеялами тёплыми укрылись. А утром проснулись — ни товаров в чуме, ни еды, ни дорогих платьев — ничего нет!

МЫРГЫ

УЛЬЧСКАЯ СКАЗКА

ДАВНО ЭТО БЫЛО. Жили в одном стойбище* ульчи. Много ли, мало ли жили — пришла к ним беда. Появился трёхглавый змей — дядба: глаза его, как угли, горят, изо ртов огненные искры сыплются. Летаёт тот дядба с горы на гору — страшные громы гремят. Людям выйти нельзя — дядба унесёт, поехать на рыбалку нельзя — дядба убьёт, пойти на охоту нельзя — дядба задавит. Совсем плохо жить стало. Думали, думали люди — ничего не могут придумать. Стрелами били в трёхглавого дядбу — стрелы отлетают, копьями метали — копия ломаются. Несчастье нависло над людьми.

Жил в том стойбище парень по имени Мыргы. Стариков уважал, детей не обижал, песни пел — людей тешил. На охоту пойдёт — больше всех зверя убьёт, на рыбалку поедет — больше всех рыбы поймает. Любил Мыргы людей. Сердце у него разрывалось, когда он видел, как матери и жёны плачут, как у мужчин от горя волосы седеют.

Сказал Мыргы отцу и матери:

— Не могу, ама! Не могу, энэ! Лучше умереть, чем так жить! Пойду против трёхглавого дядбы биться!

Отец Мыргы, старый Мурун, и мать Мыргы, седая На, очень любили сына, но сказали:

— Иди, сын!

Старый Мурун дал сыну дедовский меч в руки, чтобы смело сражался в бою. Старая На зашила в мешок прядь седых волос, повесила сыну на шею, чтобы был бесстрашным в бою. Люди стойбища принесли по горсти земли, зашили в мешочек, повесили ему за пояс, чтобы помнил свою родину в бою.

Обвязал себя Мыргы в девять слоев старой сетью, взял дедовский меч и поплыл на маленькой берестяной оморбчке*. Едет, едет, слышит: плачет ветер старой женщиной. Видит: деревья, как старики, качают головами. Звери попрыгали, птицы не поют.

Много ли, мало ли ехал — доехал до синего озера.

Видит Мыргы: на берегу озера огромное дерево стоит. На том дереве трёхглавый дядь-да живёт.

Подъехал Мыргы к берегу, не вылезает из оморочки.

Увидел его дядьда, огненные глаза вытаращил:

— Зачем приехал, человек-ий сын? Что тебе надо?

Застучало у Мыргы сердце — клоч волос старой матери зашелестел на груди, родная земля затрепетала на поясе. Мыргы говорит:

— К тебе я приехал, проклятый дябда, нашей земли мучитель! С тобой биться буду!

Полетели из глаз трёхглавого дябды молнии, громы загремели из горла. Налетел трёхглавый дябда на Мыргы, ударил его в грудь — не пробил девять слоев сети, только на четверть озера оморочку с Мыргы отбросил.

Размахнулся Мыргы дедовским мечом — одну голову чудовища отсёк.

Заревел дябда и в другой раз кинулся на Мыргы. Три слоя старой сети пробил дябда, на середину озера оморочку с Мыргы отбросил.

Размахнулся Мыргы дедовским мечом — вторую голову отсёк.

Заревел дябда и в третий раз кинулся на Мыргы.

Изловчился Мыргы — последнюю голову отсёк. Подхватило синее озеро голову дябды, унесло на дно.

Едет, едет Мыргы домой, слышит: поёт ветер молодой девушкой. Видит: молодыми парнями раскачиваются деревья. Звери из нор вышли, птицы песни распевают — славят его.

Не напрасно героев восхваляют!

ВОРОН

КОРЯКСКАЯ СКАЗКА

ЖИЛ-БЫЛ ВОРОН — старый и жадный. Мало еды в тундре — один мох да ягоды. Летал, летал ворон — ничего не нашёл. С пустым брюхом домой вернулся. «Полечу, — думает, — к морю. Жирной морской еды добуду».

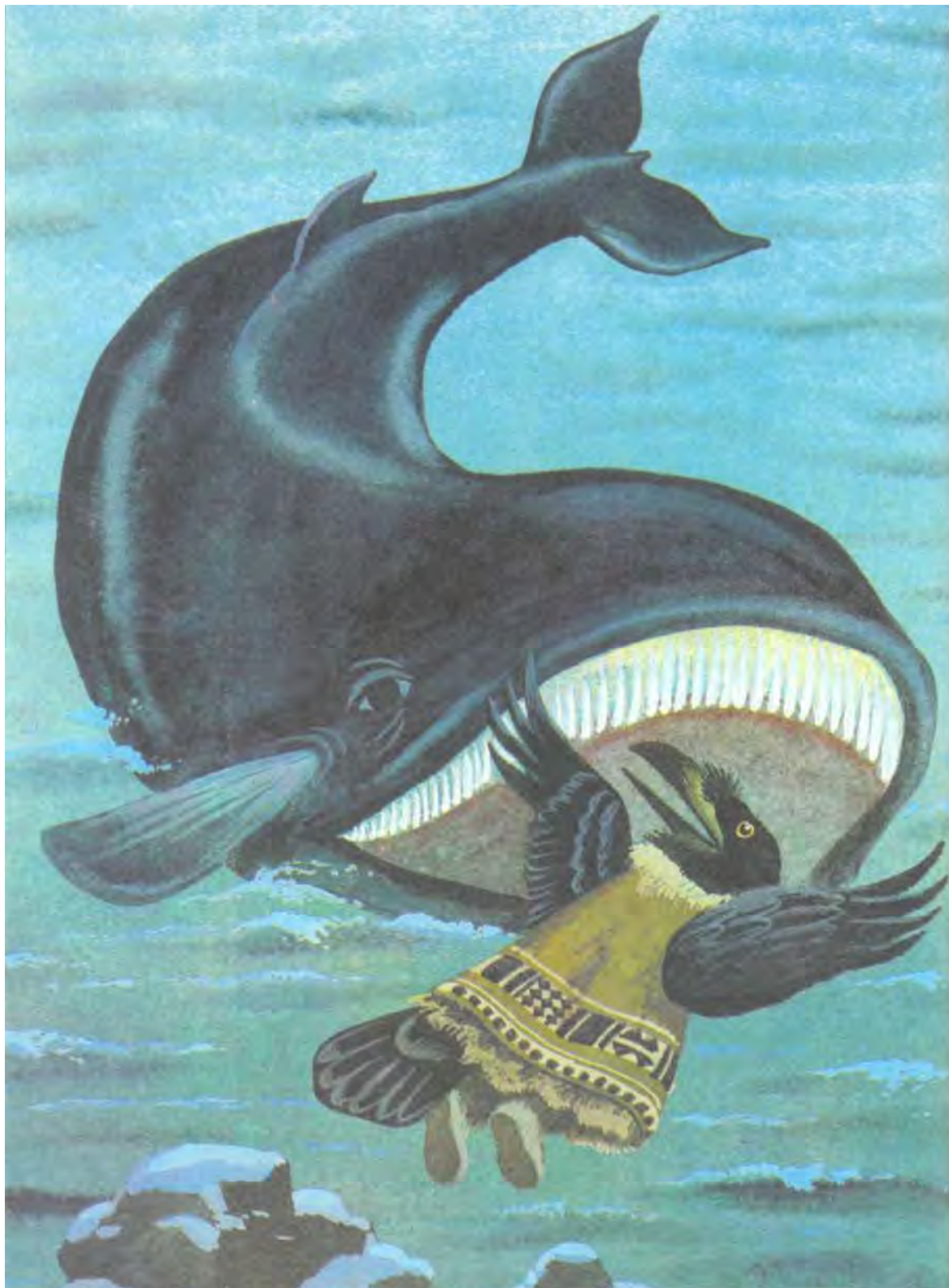

Вот прилетел ворон к морю, сел на камень. Тихо в море. Сидит ворон на камне, добычи ждёт.

Попалась ему камбала. А что еды в камбале? Сама сухая, и глаза с одного боку.

— Не хочу тебя, кособокая, — сказал ворон. — Уж очень ты сухая.

Убил ворон камбалу и бросил назад в море. Упала камбала в воду — пошли по морю волны.

Сидит ворон на камне, ждёт добычи. Попался ему тюлень. Молодой тюлень — спина пёстрая, брюхо белое.

— Не хочу тебя, — сказал ворон. — Уж очень ты молод, жиру не нагулял.

Убил ворон тюленя, толкнул назад в море. Упал тюлень в воду — ещё выше поднялись морские волны.

Сидит ворон на камне, ждёт добычи. Попался ему морж. Старый морж — усатый, оба клыка сломаны.

— Не хочу тебя, — сказал ворон. — Уж очень ты стар, мясо у тебя жилистое.

Убил ворон старого моржа и спихнул его назад в море. Упал морж в воду — потемнело море, поднялись волны горами. А ворон всё сидит на камне, добычи ждёт.

Попался ему кит — большой, жирный, на спине плавник, будто парус. Лежит кит — хвост в воде, голова на берегу, и рот открыт. Заглянул ворон в рот, а там рыбы всякой, как в неводе, полным-полно.

— Вот это по мне добыча! — сказал ворон и прыгнул киту прямо в рот. Наелся там рыбы досыта, а самую большую рыбу, самую жирную треску, с собой про запас взял. Потом выскочил изо рта, крыльями взмахнул и домой в тундру полетел.

Летит ворон, а навстречу ему лиса бежит.

— Откуда, ворон, треску несёшь? — спрашивает лиса.

А ворон и не отвечает, будто не слышит.

— Знаю тебя, старого, — говорит лиса, — подобрал на берегу дохлятину и рад.

Рассердился ворон, разинул рот:

— Врёшь ты, рыжая! Я нынче кита жирного поймал!

Только он это крикнул — выпала треска у него из клюва. Подхватила лиса треску и побежала.

«Ничего, — думает ворон, — у кита во рту ещё много рыбы. Сыт буду». Взмахнул крыльями и полетел назад к морю. А на море буря поднялась. Качается на волнах кит — хвост в воде, голова на берегу, и рот открыт. Прыгнул ворон киту прямо в рот.

А кит ударил хвостом по волнам, распустил плавник на спине, будто парус, рот закрыл и ушёл в море.

МЫШКА ВУВЫЛЬТУ

ЭСКИМОССКАЯ СКАЗКА

ПОГНАЛАСЬ лисичка за мышкой Вувильту.

Вувильту бежала, бежала, видит: лисичка уже догоняет её — и скорей вскарабкалась на высокий камень.

Сидит там Вувильту и дрожит от страха.

А лисичка легла у камня и ждёт, когда мышке надоест сидеть наверху и она спустится вниз.

«Лучше я с голоду помру, чем лисичке на обед достанусь, — подумала Вувильту. — Надо спасаться!»

Думала Вувильту, думала, как ей перехитрить лисичку, и придумала. Запрыгала она на камне и запела:

— Пи-пи-пи! Пи-пи-пи!

— Что это ты так развеселилась? — спрашивает лисичка.

— Да во-он, вижу, охотники с копьями и луками идут сюда!

— А тебе-то что, если они сюда придут? — спрашивает лисичка.

— А как же! — говорит Вувильту. — Они всегда, когда доходят до этого камня, разжигают костёр и садятся обедать. Может, и мне что-нибудь останется.

— Охотники всегда садятся у этого камня? — насторожилась лисичка.

— Да, вот здесь, где ты сидишь, — говорит Вувильту.

— Знаешь что, — сказала лисичка, — пожалуй, и мне пора обедать. Пойду-ка я порыбачу.

Поднялась и пошла потихоньку, а потом всё быстрее и быстрее. Так и убежала лисичка в тундру.

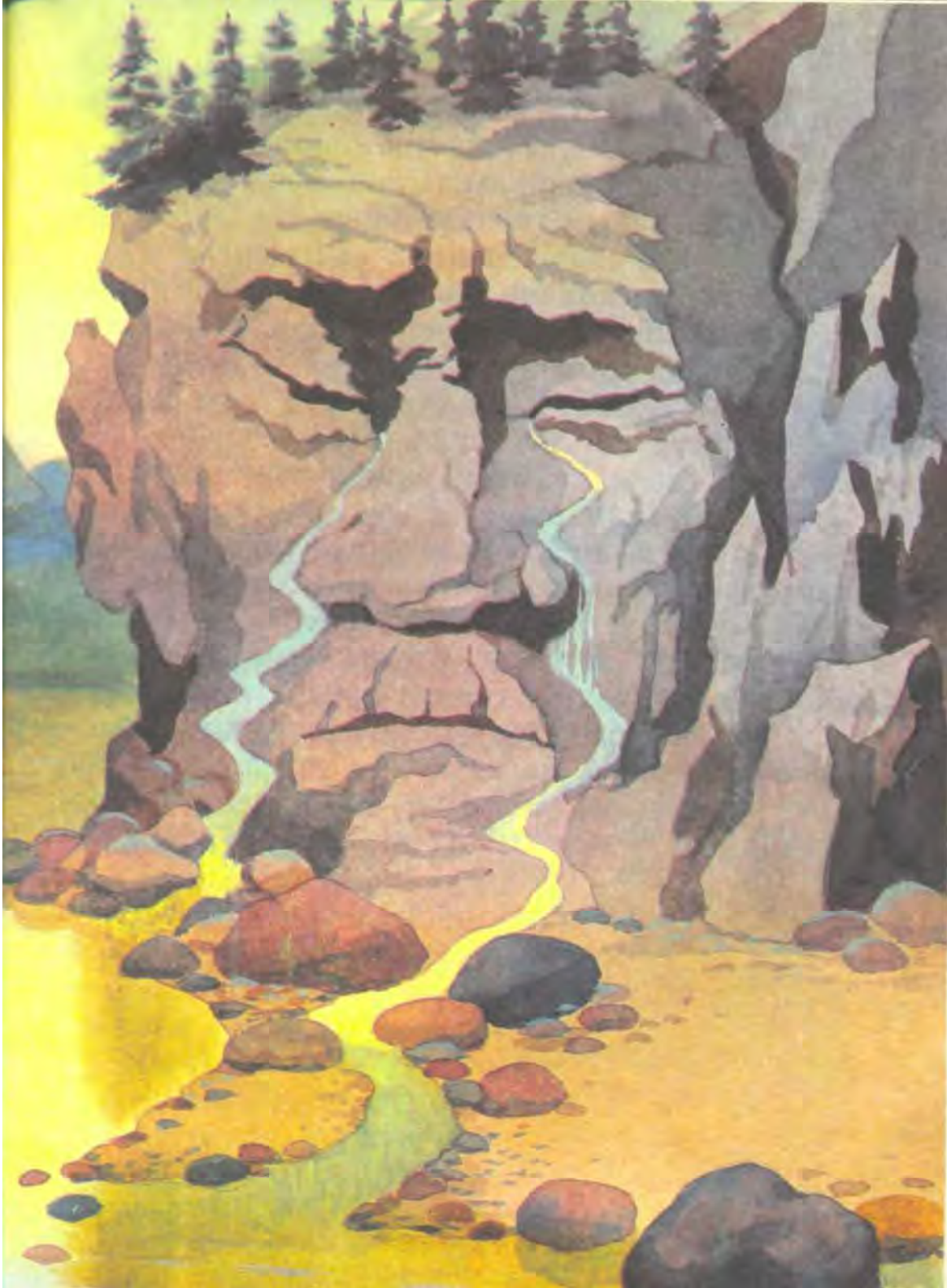
А Вувильту прыгнула с камня на землю и запела:

— Пи-пи-пи! Пи-пи-пи! Про охотников-то я всё выдумала! А ещё говорят, что в тундре хитрей лисички зверя нет!

АЙГУЛЬ

ТОФАЛАРСКАЯ СКАЗКА

ВЫСОКО в горах жил старый Саян — богатый и нелюдимый. У него были многочисленные стада оленей, но самым большим богатством Саяна была его дочь, красавица Айгуль.

Отец очень любил свою дочь и никуда её не отпускал. И Айгуль никогда не видела людей. Она не хуже кабарги* бегала по горам, взбиралась на самые крутые скалы, метко била из лука любого зверя и птицу, ездила на оленях, и олени понимали её и слушались.

Старый Саян был суров и замкнут, но его лицо добрело и глаза шурились в улыбке, когда до его слуха доносился звонкий смех дочери, её серебристый голосок и чудные песни. Они раздавались сначала тихо, потом всё громче и громче, наполняя волшебной мелодией необъятные просторы тайги. Песни Айгуль слушали горы, суровые и древние, как старый Саян. Могучие кедры, сосны и лиственницы стояли боясь шевельнуть ветвями. Гордые олени и изюбры останавливались, слушая пение Айгуль. Даже ручьи переставали журчать. Так и росла Айгуль, не зная печали.

Однажды к Саяну пришёл молодой охотник из племени, живущего в долине. Он принёс старику много ценных шкурок соболя в обмен на жирных оленей. Саян сидел в своём чуме*, дымя длинной трубкой, и молча смотрел на дары, разложенные гостем у его ног. А у входа в чум застыла красавица Айгуль. Она смотрела своими огненными чёрными глазами на прекрасного юношу и, конечно, влюбилась в него.

Молодой гость тоже был не слепой. И хоть много он видел красавиц, но такую, которая казалась сотканной из солнечного и лунного света, он видел впервые.

С этой минуты Айгуль пела песни о любви. А молодой охотник думал только о ней.

День прожил юноша у старика, а наутро, захватив несколько оленей, отправился в путь. Напрасно он просил Саяна отдать ему дочь — тот был неумолим. Слышать ничего не хотел и зорко следил за Айгуль.

Давно уехал юноша, оставив Айгуль в печали. Теперь в её песнях была тоска по людям, по смелому юноше из долины.

Не смог удержать Саян свою дочь. По диким звериным тропам убежала она от отца, но упрямый старик догнал её и вернул в чум.

Долго тосковала Айгуль, глаза её не просыхали от слёз. Слушая её горькие песни, плакали звери и птицы...

Есть у нас высоко в горах озеро, вода в нём студёная и чистая, как слеза. Говорят, что в него с высокой скалы бросилась красавица Айгуль, а злой и жестокий Саян прыгнул вслед за ней. Увидела девушка, что отец догоняет её, и превратилась в птицу-гагару, что живёт теперь в этом прекрасном озере, которое называется Агульским. А старый Саян окаменел от горя и превратился в скалу. Он и теперь стоит над озером, ищет в волнах свою дочь, но не может узнать её в птице-гагаре, слёзы текут по его каменным морщинам.

СЛОВАРЬ

Аргйш — обоз из оленьих упряжек; аргй-шить — ездить аргйшом, кочевать.

Бакарай — обувь, сшитая из камоса — шкур с ног оленя.

Важенка — самка оленя.

Вежа — старинное саамское жилище из жердей, покрытое дёрном.

Евражка — суслик.

Жирник — плоская с фитилём, заливаемая жиром морского зверя.

Заезок — плетень, перегораживающий реку, в проёме которого устанавливалась сеть для ловли рыбы.

Запор — сооружение для ловли рыбы, перегораживающее всю реку.

Кабарга — горный олень.

Камлэйка — полотняный или ситцевый балахон с капюшоном, надеваемый поверх меховой одежды для предохранения её от дождя и снега.

Камос, камыс — шкура с ног оленя.

Керёжа — старинное средство передвижения у саамов в виде лодочки на одном полозе; в неё впрягается только один олень.

Кухлянка — верхняя зимняя одежда из оленьих шкур.

Лахтак — большой тюлень.

Малица — верхняя одежда из оленьих шкур с капюшоном и рукавицами.

Нарта — лёгкие сани для езды на собаках или оленях.

Обора — завязка у обуви, которая, обвиваясь вокруг ноги, держит обувь.

Олочи — обувь в виде чулок из рыбьей или лосиной кожи.

О мор очка — берестяная лодка.

Острога — рыболовное орудие в виде вил с двумя или тремя зубьями на длинной деревянной рукоятке.

Пальма — длинный нож-тесак, укрепленный на древке.
Перевес — подвесная сеть для ловли уток, гусей и другой водоплавающей птицы.
Пимы — высокие меховые сапоги из оленьих или нерпичьих шкур.
Подволожные лыжи — лыжи, подбитые ка-мосом — шкурой с ног оленя.
Полог — отгороженная оленьими шкурами часть жилища.
Семь перевалов — расстояние, равное ширине хребта Сихотэ-Алинь.
Сёптула — кушанье из жареной и измельченной в порошок рыбы.
Скребок — инструмент для выделки шкур.
Сохатый — лось.
Стойбище — поселение кочевых народов Севера.
Суглан — собрание, сход.
Таньгй — люди другого племени.
Торбаса — меховые сапоги из оленьей шкуры.
Тунгаки — злые духи в виде фантастических существ, которые приносили людям всевозможные бедствия.
Тупа — землянка.
Унты — меховые сапоги.
Ураса — жилище юкагиров.
Чебак — рыба из породы карповых.
Чум — жилище в форме конуса, покрытое шкурами оленей.
Шайтан — деревянный божок, который, по поверью, охраняет жилище от злых духов.
Шаман — колдун-знахарь у народов, верящих в духов.
Юкола — вяленая рыба.
Юрта — жилище кочевых народов.
Ягель — лишайник, который служит кормом северным оленям.
Яр — крутой берег, обрыв.
Яранга — разборное жилище чукчей и эскимосов, покрытое оленьими шкурами.

СОДЕРЖАНИЕ

Кукушка. *Ненецкая сказка*
Тала-медведь и великий колдун. *Саамская сказка*
Идэ. *Хантыйская сказка*
Альба и Хосядам. *Кетская сказка*
Как медведь и бурундук дружить перестали. *Нанайская сказка*
Хозяйка огня. *Селькупская сказка*
Старик рыбак и ворон. *Долганская сказка*
Баручи. *Энецкая сказка*
Всемогущая Катгыргын. *Чукотская сказка*
Охотник Хурэгэлдын и лисичка Солакичан. *Негидальская сказка*
Гордый олень. *Мансийская сказка*
Лиса и ворон. *Керекская сказка*
Девушка и Луна. *Нганасанская сказка*
Отчего у зайца длинные уши. *Мансийская сказка*
Находчивый стрелок. *Эвенская сказка*
Гээнта. *Удэгейская сказка*
Как звери и птицы достали Солнце. *Эскимосская сказка*
Невеста Солнца. *Саамская сказка*
Как был наказан медведь. *Тофаларская сказка*
Белая нерпа. *Нивхская сказка*
Женщина-лисица. *Алеутская сказка*
Айога. *Нанайская сказка*
Чужая у раса. *Юкагирская сказка*
Великанша Майырахпак. *Эскимосская сказка*
Гадазами. *Удэгейская сказка*
Почему у сороки длинный хвост. *Ительменская сказка*

Как змеев победили. *Эвенкийская сказка*
Охотник и тигр. *Нивхская сказка*
Хозяин и работник. *Ненецкая сказка*
Сирота Манга и красавица Кыси. *Ульчская сказка*
Кутх у жителей морского царства. *Ительменская сказка*
Как ворон и сова друг друга покрасили. *Эскимосская сказка*
Старик и его дочери. *Ненецкая сказка*
Эрмэчын-богатырь. *Чукотская сказка*
Две девушки. *Нанайская сказка*
Геохату. *Орокская сказка*
Дятел. *Эвенкийская сказка*
Лучший охотник на побережье. *Орочская сказка*
Ими-Хиты и Вошинг Урт. *Хантыйская сказка*
Птичка-невеличка. *Кетская сказка*
Мыргы. *Ульчская сказка*
Ворон. *Корякская сказка*
Мышка Вувильту. *Эскимосская сказка*
Айгуль. *Тофаларская сказка*
Словарь

Литературно-художественное издание

СКАЗКИ НАРОДОВ СЕВЕРА

Составители: *Винокурова Валентина Викторовна* и *Сем Юрий Александрович*

Зав редакцией *В. В. Винокурова*

Редактор *Е. Н. Самойлова*

Художественный редактор *В. Б. Михневич*

Технический редактор *К. И. Жилина*

Корректор *В. В. Багрий*

ИБ №12536

Сдано в набор 20 02 90 Подписано в печать 18 10 90 Формат 70X90 1/16 Бум офс № 1 Гарнитура литературная Офсетная
печать Усл печ л 24,57 + форз 0,29 Уел кр-игт 100.03 Уч-изд л 20,79 + форз 0,47 Тираж 50 000 экз Заказ № 3350

Смоленский полиграфкомбинат Министерства печати и информации Российской Федерации 214020, Смоленск, ул
Смолянинова, 1

OCR Pirat